

INSPIRIA

КЛАРА МАРИЯ БАГУС

ЦВЕТ
СЧАСТЬЯ

РОМАН О ТОМ,
КАК НАЙТИ
СВОЙ ПУТЬ

INSPIRIA

Annotation

Абсолютный бестселлер в Германии. Идеально для любителей Пауло Коэльо. Как отпустить прошлое, открыться новому и обрести счастье? Сильным и изящным языком Клара Мария Багус показывает, что все мы несем в себе собственную карту жизни, в которой все чудесным образом взаимосвязано. В этом романе каждый читатель найдет свой цвет счастья. «Этим романом я хочу вселить надежду и уверенность. Если смотреть со стороны Вселенной, мы – песчинки. Но мы не ничто. В мире столько всего прекрасного, и каждый человек этого достоин. Даже тот, кому сегодня не везет, завтра может стать счастливым». – Клара Мария Багус, автор романа Одно неправильное решение навсегда меняет жизни трех семей. Судья Жюль вынуждает медсестру Шарлотту подменить его смертельно больного новорожденного ребенка на здорового. Если Шарлотта откажется, Жюль лишит ее приемного сына. Мир героев рушится, но за всем этим стоит таинственный план жизни... Никогда не поздно исправить ошибку, ведь иногда это начало чего-то прекрасного. «Если к вам в руки попала эта книга, значит – так было задумано. Она наполнена мудрыми цитатами, которые, как хороший разговор с психологом, дадут утешение, когда одолевают сомнения и страхи, и направят по пути к обретению себя». Мария Седова, редактор журнала «Лиза»

•

Annotation

Абсолютный бестселлер в Германии. Идеально для любителей Пауло Коэльо.

Как отпустить прошлое, открыться новому и обрести счастье? Сильным и изящным языком Клара Мария Багус показывает, что все мы несем в себе собственную карту жизни, в которой все чудесным образом взаимосвязано. В этом романе каждый читатель найдет свой цвет счастья.

«Этим романом я хочу вселить надежду и уверенность. Если смотреть со стороны Вселенной, мы – песчинки. Но мы не ничто. В мире столько всего прекрасного, и каждый человек этого достоин. Даже тот, кому сегодня не везет, завтра может стать счастливым». – Клара Мария Багус, автор романа

Одно неправильное решение навсегда меняет жизни трех семей. Судья Жюль вынуждает медсестру Шарлотту подменить его смертельно больного новорожденного ребенка на здорового. Если Шарлотта откажется, Жюль лишит ее приемного сына. Мир героев рухнет, но за всем этим стоит таинственный план жизни...

Никогда не поздно исправить ошибку, ведь иногда это начало чего-то прекрасного.

«Если к вам в руки попала эта книга, значит – так было задумано. Она наполнена мудрыми цитатами, которые, как хороший разговор с психологом, дадут утешение, когда одолевают сомнения и страхи, и направят по пути к обретению себя».

Мария Седова, редактор журнала «Лиза»

Багус Клара Мария

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53

Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75

Багус Клара Мария

Цвет счастья

Clara Maria Bagus

DIE FARBE VON GLÜCK

© 2020 Piper Verlag GmbH, München/Berlin

The cover design is made by zero-media.net, München,

The image credit: FinePic®, München

© Анегова Г., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

* * *

Клара Мария Багус — современная немецкая писательница. Она изучала психологию в Констанце и Стэнфорде и некоторое время занималась исследованием мозга.

Писательница стала известна в 2016 году благодаря своему первому роману, который сразу же стал бестселлером. Каждая книга Багус отмечена авторитетным немецким изданием Spiegel.

Клара Мария Багус живет в Берне со своими сыновьями-близнецами и мужем.

«Этим романом я хочу вселить надежду и уверенность. Если смотреть со стороны Вселенной, мы – песчинки. Но мы не ничто. В мире столько всего прекрасного, и каждый человек этого достоин. Даже тот, кому сегодня не везет, может стать счастливым».

Клара Мария Багус

читай и слушай:

Аудио

Плейлист

Рецепт

*Мы часто находимся в поиске
сами не зная чего.
Тем, кто ищет*

Глава 1

Люди мечтают о разном. А вот надежды у них одинаковые.

История Антуана начинается дважды. Первый раз – в день его рождения. Второй – шесть лет спустя – в день, когда его мать, Марлен, исчезла.

Умирать было рано, но судьба, забравшая у Антуана мать, казалась еще более страшной участью.

– Жди здесь, – сказала Марлен сыну. – Жди, пока не вернусь.

Он шел за ней до самых ворот, плакал, хватался за ноги, умолял взять его с собой. Однако Марлен не останавливалась. Пыталась стряхнуть сына, как назойливую муху. Переставляла ноги. Не опускала на него взгляд.

– Пусти.

– Когда ты придешь?

– Скоро.

– Когда «скоро»?

Марлен, стоявшая на песчано-гравийной дорожке, в последний раз обернулась, села перед сыном на корточки, потрепала ему волосы, на мгновение обхватила его лицо руками и сказала:

– Просто жди.

В глазах Антуана вспыхнуло сомнение. Марлен провела ладонью по влажной глинистой почве и приставшей к пальцам грязью написала мальчику что-то на лбу. Во всех этих действиях сквозила некая завершенность, которой он тогда не понял.

Наконец Марлен встала, развернулась, отодвинула деревянный засов, открыла ворота и вышла через кирпичный забор на улицу, больше не обернувшись. Она бросила сына одного – без обещанного будущего. Уехала в далекий мир, который для Антуана еще долгие годы будет оставаться закрытым.

Взглядом он следил за каждым ее шагом по тропе, вившейся вдоль пшеничных полей и между плакучих ив, пока Марлен не

растворилась во все более густевших ветвях и не стала их частью.

– Мама! – крикнул он ей вслед, когда край голубого платья окончательно пропал из вида. Это был крик, пронзивший все вокруг, словно она вырвала ему сердце. Крик, который отозвался болью в душе каждого, кто его слышал.

Время замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось. Антуан стоял в одной белой дырявой ночной рубашке, на песчано-гравийной дорожке, на гальке, впивавшейся в ступни. Он ждал. Часы. Целый день. Под дождем, тонкими строчками падавшим с неба.

Ему хотелось найти что-то знакомое, за что можно было бы зацепиться. Даже этот сад, дом и все вокруг казалось ему теперь чужим. Без нее.

И прежде чем на мальчика опустилась завеса тьмы, в сознании ясно проявилась правда, о которой он догадывался, но не подпускал: *мама не вернется*. Они больше не увидятся.

Окруженный лужами кофейного цвета, насквозь промокший, он съежился в грязный комок на размякшей земле.

Еще утром Антуан удивился, что Марлен ходит по дому взад-вперед, собирая вещи и заталкивая их в сумку. Еще утром ему стало не по себе, когда он увидел, как она стоит перед зеркалом с ножницами в руке и стрижет свои волосы. Как она заворачивает роскошные черные локоны в газетную бумагу и бросает ее в камин. Как она надевает голубое платье из шерсти, которое совсем не соответствует ее привычному стилю. Еще утром ему стало некомфортно, хотя он и не знал, что с этого дня ему понадобятся годы, чтобы собрать осколки своего голубого неба воедино.

Один за другим Антуана мучали вопросы. Он пытался открыть дверь в неизвестное. Однако на некоторые вопросы не было ответа, лишь обрывки незаписанных воспоминаний. Засевшие в разуме образы. Фигура матери. Как она шла к воротам и ни разу не обернулась. Как ступила на утренний свет фонаря и вышла из него навсегда.

Время лечит не все раны. Некоторые оно лишь подсушивает. Почему мать бросает своего ребенка? Без ответов, без объяснений? Почему происходят вещи, которые заставляют нас на протяжении всей жизни задаваться вопросом «почему»? И это «почему» въедается в нас, как червь в яблоко.

Об Антуане в то время можно было сказать так: все самое страшное, что могло произойти с ребенком, с ним уже произошло. Ему слишком рано пришлось усвоить, что люди редко являются теми, за кого мы их принимаем. Что они редко остаются там, где мы в них нуждаемся.

Однако ему также повезло узнать, что всегда есть кто-то, кто наблюдает в сторонке. Кто внезапно оказывается рядом. С нами. Для нас. В его случае это была Шарлотта.

Шарлотта появилась в саду перед Антуаном. Он ее не видел, но чувствовал. Мальчик сидел на корточках на пропитанной влагой земле. Кудрявые волосы разгладились под дождем и прибились к голове. Холодная мокрая рубашка прилипла к телу так, что сквозь нее просвечивала кожа. Он дрожал. Была влажная холодная ночь, дул ледяной ветер. Еще долгие годы Шарлотта будет вспоминать эту ночь. Облака, похожие на черные пятна крови, будто небо отражало то, что происходило на земле.

Мальчик поднял веки. Его мерцающие, как патина, глаза увидели мягкие черты лица молодой девушки. Ей было слегка за двадцать. Шарлотта опустилась перед Антуаном на колени и протянула к нему руки. Когда она коснулась его плеч и посмотрела на него своими нежными и добрыми глазами, в черноте ночи блеснул лунный серп. Он стал первым чудом этой истории.

Шарлотта погладила Антуана по волосам и спине. Стоило ей взглянуть на лоб мальчика, на ее глаза мгновенно навернулись слезы, которые она попыталась сморгнуть. В маленьком сердце ребенка и без того уже слишком много боли. Как он вынесет еще и то, что большими черными буквами написано у него на лбу?

Антуан это заметил. В выражении лица Шарлотты он искал подсказки к тому, что написала мать. Он искал в ее глазах ответ на

вопрос «почему она ушла».

Слез незнакомой девушки оказалось достаточно. Не в качестве ответа, но чтобы понять, что Марлен не вернется. Шарлотта утерла глаза тыльной стороной кисти и улыбнулась ему. В самую черную ночь своей жизни Антуан вдруг увидел яркую звезду.

– Пойдем со мной, – сказала она наконец. Антуан задрожал.

– Кто ты? – спросил он. Его голос был похож на бессильный шепот.

– Я друг, – ответила девушка. – По крайней мере, хотела бы им стать. – Ее голос звучал мягко и дружелюбно. – Антуан, хочешь горячего какао?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я многое о тебе знаю, малыш.

– Что? Что ты знаешь? Где моя мама? Когда она вернется?

– Нет, – Шарлотта покачала головой. – Прости. Этого я не знаю. – Она провела по его плечам, встала, взяла его холодные, словно ледышки, руки в свои теплые мягкие ладони и повторила:

– Ну же, идем.

– Я не могу с тобой пойти. Мне надо дождаться маму. Она расстроится, если придет, а меня не будет.

Шарлотта кивнула:

– Обещаю, когда мама вернется, мы будем здесь.

С того момента Шарлотта стала единственным теплым островком в окружавшем его холодном море. Она знала, как найти подход к мальчику, которого бросила мать.

Она знала много историй жизни. Историй, которые никто и представить не мог. Историй, к которым никто не был готов, но которые происходили. Снова и снова. Повсюду.

Ее глаза видели судьбы других, ее душа касалась их душ. Она носила в себе множество пейзажей жизни, не вдаваясь в отчаяние или горечь.

Пока Антуан ждал мать, он не заметил, как на землю опустились черная ночь и холод, который осел у него в легких. Взгляд мальчика был устремлен вдаль, туда, где исчезло голубое платье Марлен, пока он с грустью не закрыл глаза. Еще некоторое время он продолжал

верить, что там, на том самом месте, увидит развивающуюся ткань из голубой шерсти. Сперва мать, а вслед за ней появится и его отец. Держась за руки, родители придут к нему, и он выскочит из дома и вприпрыжку бросится к ним, помашет рукой и позовет. И мать с отцом побегут к нему, сначала медленно, затем быстрее. Вниз по склону, вдоль улицы, через ворота. Марлен бросится к нему прямо на гальку, заключит в объятия и никогда не отпустит. И сможет вести себя, как обычная мать: будет поддерживать своего ребенка, любить его и защищать.

Антуан надолго запомнит событие той зимы, нарушившее всякий порядок, который должен быть в жизни шестилетнего ребенка. Первые дни и ночи у Шарлотты дома. Стены с отслаивающейся штукатуркой. Пятна, оставшиеся на них от старых фотографий. Потолки, покрытые вздувшейся краской. Тихие монотонные звуки протекающей крыши. Свет свечи, наполняющий комнату Шарлотты и смывающий с их лиц тьму, придавая миру немного цвета.

Шарлотта жила в маленьком обветшалом доме. Даже на наружном фасаде не осталось белой краски. Кирпичи местами были сломаны, а местами и вовсе отсутствовали. Дом Шарлотты находился всего в паре улиц от дома Антуана. В нем даже пахло так же: нищетой. У себя он этого запаха так не ощущал. Там бедность никогда не бросалась ему в глаза. Там у него была мать. Она была его богатством. Хоть он ее толком и не знал. Хоть за те шесть лет, что они провели вместе, ему так и не удалось стать частью ее жизни. Но все-таки у него была мать. А теперь – у него ничего не осталось. По крайней мере, ему так казалось.

Стыдясь своего грязного вида, он смотрелся в зеркало. С его волос капала и стекала по меченому лбу дождевая вода, не смывая при этом затвердевшую землю. Он смотрел на слово, которым было запятнано его лицо, и обрисовывал его пальцами.

– Что тут написано? – спросил он.

– Может, для начала зайдешь и искупаешься в горячей ванне? – предложила Шарлотта. Ее убедительного взгляда оказалось достаточно.

Она молча повела мальчика в ванную и только там заметила незажившие ожоги на его ладонях. Кисти рук ребенка стягивала паутина из шрамов. Шарлотта присела на корточки у ванны, окунула губку в теплую воду и нежно провела ею по лбу Антуана, смывая последнее слово его матери в надежде навсегда избавиться от видимого и невидимого.

После того, как Шарлотта завернула Антуана в одеяло, отвела его на диван и налила горячего какао, он оттаял. Они молча сидели рядом. Спустя некоторое время Антуан взглянул на девушку, открыл рот, будто желая что-то сказать, но залился слезами. Шарлотта обняла его и погладила по спине.

Дрожа всем телом и держа какао обеими руками, он смотрел на незнакомку через край чашки сквозь вздымающийся пар.

Прежде чем он успел спросить, кто она, Шарлотта приложила указательный палец к губам. Затем она встала, взяла из корзины несколько поленьев и разожгла в камине огонь. Вскоре комнату наполнил тихий треск. Языки пламени одновременно отбрасывали и свет, и тень. Антуан наблюдал, как кусочки белого тлеющего угля отделяются от дерева и превращаются в черный пепел. За окном стало темно и холодно. Ночь поглотила все до самого неба, в котором мерцало нежное сияние звезд.

В ту ночь Шарлотта обрела ценное сердцу: Антуан стал для нее самым близким человеком, а она для него – единственным.

Глава 2

Постельное белье пахло свежестью. Нежно-желтый утренний свет падал сквозь щели бамбуковой рулонной шторы, разрезавшей его на тончайшие ломтики. Антуан жмурился. Понемногу его разум освобождался ото сна. Наконец мальчик открыл заспанные глаза. Он огляделся, и его накрыло леденящее осознание: это был не сон. Его мать ушла. А он остался один в доме у незнакомки.

В комнате было светло, даже слишком светло. Мальчик снова закрыл глаза в поисках темноты, в которой можно было спрятаться, с которой можно было слиться.

К счастью, начались дожди, и шли целыми днями. В дом проникла сырость. Антуан сидел на корточках у камина и смотрел в огонь. Шарлотта краем глаза наблюдала за ним. У нее из головы не выходили его ожоги и шрамы. Ей хотелось спросить, быть может, в надежде, что они никак не связаны с его матерью. Но она молчала.

Как она ни старалась, ей не удавалось вытащить мальчика из этого потерянного состояния. Он почти не ел и отощал, у него все сильнее выступали скулы. Недели напролет он молча сидел на корточках на кровати или у печки, подтянув коленки к груди и уткнувшись в них лбом, и смотрел в пустоту. Словно наполненный тишиной мыльный пузырь, который в любой момент мог лопнуть.

Поначалу, когда Шарлотта заговаривала о чем-то, что напоминало день, когда она нашла Антуана, на его лицо ложилась тень, и глубокая печаль покрывала все вокруг. Он уклонялся от разговора, и она теряла мальчика. Поскольку боль, которая росла в такие моменты в них и между ними, была невыносимой, однажды Шарлотта тоже стерла воспоминания о том ужасном зимнем дне и больше не задавала вопросов.

Антуан осваивался в незнакомой обстановке очень медленно. Поэтому одна подруга посоветовала Шарлотте найти невролога. Шарлотта на это лишь нахмурила лоб и сказала:

– С Антуаном все в порядке. Просто его броня пробита, а на душе зияет рана. Вполне естественно, что ему нужно время.

– Зачем тебе это, Шарлотта?

– Я знаю его с рождения.

– Это не ответ.

– Я его, можно сказать, сама рожала. Ты ведь помнишь ту ночь. Такую черную, что с тьмой не справлялась даже луна.

– Кто же не помнит? Ты его тогда спасла. Его и Марлен. Но ты не обязана делать это во второй раз.

– Теперь не я его спасаю, а он меня, – сказала Шарлотта и замолчала. Затем продолжила:

– С детьми становишься ближе к миру. От него становится не так просто убежать. Благодаря Антуану я снова возвращаюсь в место, которое мне самой стало таким чужим.

– Тебе всего двадцать два. Ты и так прошла достаточно испытаний за свою жизнь. К чему еще одна ноша? Многие тебя не понимают. Мальчик...

– В моем сердце нет места тем, в чьем сердце нет места Антуану, – перебила Шарлотта подругу.

– Дело не в этом. Им тебя жаль.

– Я сама о себе позабочусь. Меня не надо жалеть. Я знаю, что делаю. И это правильно. Для него. И для меня тоже.

Время унесло подробности и сняло немного тяжести с сердца. Шарлотта позволяла Антуану быть собой, что бы он ни чувствовал. Она говорила с ним просто и непринужденно, чтобы не заставлять отвечать. Она спрашивала, не задавая вопросов. Чувствовала, что это ему помогает. Со временем они оба притворились, что забыли надпись на его лбу, хотя думали о ней каждый день.

– У многих людей нет семьи, которую они заслуживают, – говорила Шарлотта. – Наша с тобой история – не единственная.

Глава 3

Жизнь не казалась Шарлотте чередой случайных совпадений.

– Это было бы слишком просто, – говорила она.

За всем стоял более великий замысел. К тому же она была убеждена, что мы – если действительно того захотим – всегда способны придать жизни желаемую форму, приложив немного усилий и упорства. Многие из нас хотели бы другого начала для своей истории. Однако каким бы ни было это начало, прежде чем оно приведет к плохому концу, у нас все еще есть шанс переписать историю.

Благодаря вновь пробудившейся вере Шарлотты в то, что вне зависимости от произошедшего всегда остается свобода выбрать свою судьбу, чувство беспомощности постепенно покинуло Антуана и уступило место новой надежде. А надежда позволила ему – на время застрявшему в прошлом мальчику – чудесным образом вернуться в реальность и воспрять духом.

Бывали дни, которые загоняли его в ловушку собственных воспоминаний, и ему приходилось пробиваться сквозь льды прошлого,

однако в конце концов Шарлотте удалось растопить их своим теплом. И Антуан вернулся в настоящее, в ту точку, где у него было будущее.

Шарлотта была красивой девушкой. Выразительные черты лица, лилейно-белая кожа. Волосы всех цветов осенней листвы, в зависимости от света, водопадом спадали на плечи и спускались по спине и груди. Собранными они напоминали клубок шерсти, брошенный на забаву кошке. У Шарлотты были яркие глаза, оливково-зеленые, обрамленные желтым венком вокруг зрачка. Морщинки в уголках рта сопровождали каждую ее улыбку и никогда не исчезали полностью, поэтому на лице девушки всегда было веселое выражение, даже когда она о чем-то размышляла или подбирала слова. У Шарлотты были длинные утонченные руки с тонкими, изящными кистями и острыми, ловкими пальцами. Под платьем вырисовывалась хорошо сложенная фигура со стройными плечами, которые временами казались чересчур понурыми от тягот жизни. Она была добросердечной девушкой, но в своей морали порой чересчур утомительной и навязчивой. Человеком, который предпочитал жить в замке собственных идеалов.

Шарлотта любила солнце, но не яркие летние дни.

– Яркость лишает все вокруг цвета, – говорила она. – Позволяет миру выцвести, а реальной жизни – потускнеть. К тому же если в такие дни у тебя плохое настроение, то это ощущается так, будто солнце наваливается на тебя всем своим весом. – Ей также нравились тишина и молчание сумерек. Когда жизнь засыпала, а просыпалась рано утром. Когда мир царил и внутри, и снаружи.

До того дня, когда Шарлотта привела к себе Антуана, она воспринимала жизнь как нечто, что еще предстояло как-то преодолеть. Между тем, о чем она грезила, и тем, к чему ее еще в юности привели неудачные повороты судьбы, ощущалась такая пропасть, что, казалось, попытки ее закрыть больше не имели смысла. Однако Антуан заполнил жизнь Шарлотты настолько, что лишь благодаря присутствию этого мальчишки внутренняя пустота, как и пропасть между мечтами и реальностью, сократилась до крошечной щели.

Для Антуана Шарлотта отличалась от всех, кого мир даровал ему прежде. Первое, что он в ней отметил, – она воспринимала людей иначе, чем это делала его мать. Марлен была строга к людям, Шарлотта – к себе. Она никого не судила, считая, что приговор не может быть до конца справедливым.

В то же время она учила Антуана не принимать поведение других на свой счет.

– Если кто-то с тобой плохо обходится – это не твоя проблема, а его.

Она зародила в мальчике непоколебимую веру в себя. Вселила в него мужество жить так, как ему хочется, и самому диктовать условия своей жизни.

Ей были знакомы не все цвета жизни, но все ее оттенки. Она подарила Антуану настоящее, которое впервые породило в его пустынной душе цветы. Настоящее, в котором у него впервые появился шанс на будущее.

Глава 4

Черные, густо выющиеся волосы Антуана своенравно обрамляли голову. Большие глаза наблюдали за окружающим миром сквозь занавес длинных темных ресниц. Именно эти глаза, вечно ищущие, смотрящие в самую суть вещей, лучше всего отражали то, что творилось внутри Антуана.

Он был чувствительным мальчиком, который все принимал близко к сердцу, поэтому Шарлотта не рассказывала ему о том, что происходило до его рождения и в раннем детстве, будто этого и не было вовсе. По крайней мере, не рассказывала о тех чувствах, что ей довелось испытать, находясь в тот момент рядом. Она знала, что у Антуана свои представления о том времени, но так как они не могли быть столь же ужасными, сколь ужасной являлась реальность, Шарлотта продолжала молчать.

Лишь спустя годы – и то только потому, что Антуан постоянно спрашивал – Шарлотта рассказала мальчику, что его мать написала у него на лбу: «adieu».

Вместе с этим словом на землю полотном опустилась тьма, и на несколько дней Антуана вновь окутала ночь. На несколько дней, в

которые Шарлотта задавалась вопросами: это конец истории Марлен или Антуана? Можем ли мы за всю свою жизнь прожить несколько жизней подряд?

Так было ровно до тех пор, пока однажды вечером Антуан наконец молча не вышел из своей комнаты, не сел за стол, за которым Шарлотта листала книгу, и не положил голову ей на руку.

Они смотрели через окно на улицу, где ливень спускался с небес. Словно расплавленное серебро, со стекла сбегала вода.

– Все кажется таким неправильным... – начал мальчик.

– Знаю, – отозвалась Шарлотта и погладила его по волосам. – Как может казаться правильным то, что началось с ухода собственной матери? – Она положила свою руку на его и обхватила ее пальцами. – Как бы ужасно ни было то, что тебе пришлось пережить, Антуан, помни: дождь никогда не льется на тебя одного. Каждый из нас – взрослый и ребенок, богатый и бедный – вынужден перепрыгивать через лужи. Жизнь бывает жестока. Судьба распределяет все по своему усмотрению. Но бывают и воздаяния: внезапные чудеса, большие и малые, происходящие в самый неожиданный момент. Вот увидишь. Мы не можем разобраться во всем, что с нами происходит. Ни в ужасном, ни в прекрасном. Реальности недостаточно, чтобы объяснить все. Но там, где остаются эти пробелы, существует особая магия, восполняющая то, что неспособна нам рассказать реальность. И порой то, что сокрыто, оказывается реальнее того, что мы видим.

Глава 5

Два года спустя

Жюль был одним из самых уважаемых судей в городе и имел репутацию честного и справедливого человека. Загорелый мужчина среднего роста и крепкого телосложения, он обладал угловатым лицом с ярко выраженными скулами и челюстью и привычкой в разговоре слегка прищуривать левый глаз, что придавало ему особый шарм. Он носил серебристые коротко стриженные кудри. Его глубокие темные глаза сияли изнутри, словно синеватые раскаленные угли, пока удары судьбы не погасили их.

После долгих лет неудачных попыток его жена наконец забеременела. В первый, во второй, в третий раз. Однако каждую беременность она теряла ребенка. Она перенесла два мертворождения подряд. Третий ребенок умер спустя несколько часов после родов. Наступили времена отчаяния и горя, оба супруга были разбиты. Однако страх, который долгое время тлел под пеплом, вспыхнул с новой силой в виде робкой надежды, так как Луиза забеременела в четвертый раз и вот-вот должна была родить. Все шло хорошо, и Луиза жила в предвкушении долгожданного материнства, но никто еще не мог сказать точно, была ли у четвертого ребенка наследственная болезнь, которая унесла жизни трех предыдущих детей: болезнь короткой жизни.

В четвертый раз все просто обязано было пройти хорошо. Это был последний шанс Жюля и Луизы иметь собственного ребенка. Четыре беременности отняли у хрупкого тела Луизы много сил. Врачи ясно дали понять: пятую она не переживет.

Но как следовать совету врачей, когда от наличия ребенка зависит собственная жизнь? А жизнь Луизы от него зависела. Она объясняла это мужу сотни раз. Тогда Жюль понял: женщина, которая хочет ребенка, должна его получить.

И вот глубокой черной ночью Луиза родила: крошечную, хрупкую, мертвенно-бледную девочку. Девочка не кричала, а лишь, как пташка, хватала ртом воздух. Врач взволнованно унес ее. Медсестры дали Луизе снотворное, чтобы она могла отдохнуть от родов. Жюль же все понял.

Образ темноты ночи слился для него с жутким образом задыхающегося ребенка в одно кошмарное воспоминание, наполнившее его страхом и ужасом.

Вернувшись домой, он не сомкнул глаз всю оставшуюся ночь, ворочался из стороны в сторону, пока его не посетила мысль, унесшая этот страх.

Он встал, оделся и пошел в родильный дом. На свежем воздухе он снова начал обдумывать события прошлой ночи и варианты решения, пришедшие ему в голову утром. Теперь положение не казалось ему таким безвыходным, словно тьма чудом рассеялась.

Была зима. Над деревьями низко висел туман. На ветвях блестел иней. Сверкающие кристаллы покрывали листья магонии, желтые цветки которой сияли, как зимнее солнце. Лишь кое-где в холодном утреннем воздухе витали голоса.

Пепельный свет просачивался сквозь окна по обеим сторонам коридора, который от входа вел к звездообразному холлу, откуда во все стороны открывались двери палат.

Гул разговоров врачей, медсестер и посетителей заглушался в необъятной ширине коридора. В воздухе пахло дезинфекцией и чистящими средствами с ароматом цитрусовых. Пахло чистотой.

Решение солгать, пришедшее Жюлю в голову тем утром, основывалось на глубоком желании Луизы, на мечте всей ее жизни. Несмотря на то, что сначала Жюль изо всех сил пытался противостоять этому решению, в конечном счете он безрассудно его принял. Настолько соблазнительной казалась ему жизнь, которая могла бы у них быть.

Лучше не задумываться о реальности составленного в голове ужасного плана. Лучше не терять времени. Скоро проснутся роженицы, и им на кормление понесут новорожденных.

Жюль осторожно открыл дверь в зал, где в кроватках спали или лепетали себе под нос младенцы. Казалось, их милые личики излучали свет. Эта яркость терзала Жюля. На секунду он зажмурился и попытался стереть картину, которая перед ним предстала, но ему это не удалось. Свет все равно проникал в глаза сквозь тонкую кожу век. Сделав глубокий вдох, он открыл глаза и подошел к кровати, в которой спала его дочь. Рядом стояла Шарлотта. На одной руке она качала малыша, а другой нежно поглаживала дочку Жюля указательным пальцем по щеке.

Он взглянул на девочку. Болезненное личико и маленький ротик, беспрестанно хватающий воздух, вызывали у него не любовь и сострадание, а какую-то неприязнь, которую он никак не мог распознать. То, что Жюль чувствовал к этому маленькому созданию, было совсем не тем, чего он ожидал. В этом чувстве не было ничего прекрасного. Напротив: жуткие воспоминания о смерти предыдущего ребенка, которому было всего несколько часов от роду. О крошечном

белом гробике. Об одинокой боли, которую он не мог разделить с Луизой, потому что должен был быть сильным ради нее. О его уязвимости и страхе потерять еще одного ребенка.

Как усердно он ни искал, ему не удавалось найти в своем сердце ни малейшего признака нежных отцовских чувств к маленькой девочке в кроватке. Ни малейшего желания ее защитить. Одно только стремление выбраться из своего положения.

Жюль тут же узнал ребенка на руках у Шарлотты. Младенец появился на свет всего за час до его дочери в том же родильном зале. Жюль помнил эти густые черные волосы. Складывалось ощущение, что этот ребенок появился из какого-то другого мира, а не из живота женщины. По крайней мере, Жюль ни разу не видел новорожденного с таким количеством волос. Еще ночью ребенок был мокрым и склизким, а теперь – мягким и плотным, пышущим здоровьем.

Жюль смотрел на активного малыша, и его намерение все больше овладевало разумом. Судья сомкнул веки. Перед его мысленным взором возникла картина, как безжизненно и вяло его собственное дитя выскользнуло из чрева жены. Жюль снова открыл глаза в надежде, что за эти секунды вид его дочери изменился. Однако этого не произошло. Как и в первую секунду, она лежала в кроватке, его маленькая девочка. Бессильная. С синюшными морщинистыми ручками и ножками. С тельцем настолько слабым, что оно больше напоминало дрожащий огонек догорающей спички, чем пламя жизни. Легкое дуновение – и оно погаснет. А что это будет значить для Луизы? Для них обоих? Для их брака? Для их жизни? Ему показалось, что весь зал закружился вокруг него. Он снова быстро закрыл глаза.

Темноту пронзил голос Шарлотты:

– С вами все хорошо? Хотите есть?

Придерживаясь одной рукой за кроватку дочери, Жюль открыл глаза. Он поднял взгляд и увидел Шарлотту. Увидел и на мгновение забыл, почему он здесь и к какой жизни принадлежит. Стояла тишина. Был слышен только лепет младенцев вокруг.

Жюль ощутил с Шарлоттой чуждую ему близость. Какое-то неожиданное чувство. Этот взгляд, глаза. Аромат жасмина. Он не хотел видеть и не видел, что значил этот взгляд. Он не хотел понимать

и не понимал, что этот взгляд в нем затронул. В тот короткий миг его мысли металась между настоящей и другой жизнью.

Она тоже это ощутила. Их обоих на мгновение охватило чувство глубокой привязанности. Подбери Шарлотта правильные слова, в тот момент она могла бы изменить их жизнь. Однако ее словно бы тяготила эта встреча, и значение лишь ускользало от нее.

– Не волнуйтесь, так происходит со многими, кто впервые стал отцом.

Магия момента была разрушена. Жюль вернулся в свою прежнюю жизнь, в шкуру отчаявшегося.

– Я хотел проведать дочь. Как она? – спросил он.

– Трудно сказать, давайте дождемся врача.

– А что он сегодня скажет такого, чего не сказал ночью? Наверное, что она умрет. Как наш предыдущий ребенок и остальные дети.

– Этого никто не знает. Все может измениться. У каждого ребенка в этом мире своя история.

Жюль ее не слушал. Он посмотрел на синеватое лицо дочери, и она снова неизбежно предстала перед ним. Барьер. Барьер удерживал его от прикосновения к собственному ребенку. Барьер чувств и слов.

Эти чувства были полной противоположностью тем, которые пробуждал в нем взгляд на другую девочку, мирно спавшую на руках у Шарлотты. То, что он чувствовал по отношению к чужому, но здоровому ребенку, было глубже и значительнее всего, что он когда-либо испытывал. Было ли это преступлением?

Жюль открыл рот. Затем, так ничего и не сказав, закрыл. Он снова взглянул на дочь, и его внезапно охватил страх. В глазах потемнело. Готовилась ли смерть забрать его следующего ребенка?

– Она умрет, – сказал он.

– Между смертью и близостью к ней целая жизнь! – ответила Шарлотта.

– Лицо синюшное. Дыхание слабое. Пальцы на руках и ногах дрожат.

– Просто ей сложнее, чем другим младенцам, приспособиться к новому миру.

– Мы с женой потеряли уже троих детей. Двое родились мертвыми. Третий прожил двадцать три часа. Сердце едва билось. Еле дышал. Ручки-ножки синие. Тогда нас тоже подбадривали. А он умер. Три потерянные жизни за пять лет. Моей жене уже тридцать. Врачи говорят, еще одного она не выносит. Они понимают, через что мы прошли. Это мучение – один мертвый ребенок за другим. Каждая потеря оборачивается месяцами страданий. Луизе кажется, что жизнь лишает ее того, что дается женщине. Я обещал ей, что в этот раз все будет хорошо. Обещал, – Жюль выдержал паузу. – Это наш последний шанс. И вы должны нам помочь. Должны.

Шарлотта поняла, что в одном этом утверждении таилось то, что она категорически не поддерживала. Требование, которое привело ее в ужас. Попытавшись не подать вида, что поняла, чего он от нее хочет, она сказала:

– Мне очень жаль, что так вышло и что вы вынуждены проходить через это снова. Но я искренне не понимаю, чем могу вам помочь, кроме заботы о вашей новорожденной дочери.

Между ними повисла тяжелая гнетущая тишина. Жюль нарушил ее:

– Вы должны поменять детей.

Шарлотта широко раскрыла глаза:

– Что?

– Поменять. Вы должны поменять их. Вчера ночью, всего за час до появления моей дочери, другая женщина тоже родила девочку. Ту, что у вас на руках, ведь так? У этой женщины уже третий здоровый ребенок!

– Что вы такое говорите?

– У нее уже двое здоровых детей. Я видел. Вчера. В коридоре. Они были с отцом. Ее мужем. Двое сыновей. К тому же она молодая. Моложе моей жены. Она родит еще много детей. Она ведь даже не из этого города. Они здесь проездом. Ее муж торгует жемчугом. Они издалека, с Востока. Он еще даже не видел свою дочь. Не был в родильном зале. Ему пришлось остаться с младшим сыном. Я слышал его разговор с врачом. Вчера ночью.

– О чем вы? Я не понимаю.

– Нет. Вы меня понимаете. Одного на другого.

– Вы хотите поменять детей?

– Не я. Вы!

– Ни за что! Нельзя же отнимать у матерей их детей!

– Мы и не отнимем. Мы только поменяем. Моя жена не переживет потерю еще одного.

– Ни одна женщина не переживет. Послушайте, такова жизнь. Она бывает несправедлива. И у вас нет права вмешиваться в чью-то и распоряжаться ею согласно своим представлениям о справедливости. Как судья в судебном зале – извольте. Но не в родильном. Вы не имеете на это права.

– А если имею? – Жюль посмотрел на Шарлотту. Он ощутил страх в своем голосе. – Понимаете, если моя жена выйдет из этой больницы без здорового ребенка, я сойду с ума!

– С ума может сойти лишь тот, у кого этот ум есть, – возразила Шарлотта.

Жюль провел рукой по волосам раз, второй, затем по лицу и сказал:

– У вас живет мальчик, так? Вы взяли его к себе, когда его бросила мать. Разве нет? Я прекрасно помню, что произошло два года назад. Полагаю, у вас нет постановления суда о признании вас матерью ребенка. Я прав? Как и ничего, что подтверждает ваше право оставить мальчика. По крайней мере, я ни разу не видел заявления, а, соответственно, не давал опеку.

Шарлотта молчала. Что ей было на это ответить? Она чувствовала, как ее лицо заливают краска. Как пульс отдается в ушах. Внезапно они оба испустили нечто такое, что наполнило воздух газом, воспламеняющимся при малейшем слове.

– Разве не так? – Жюль попытался задеть Шарлотту и в то же время оправдать свое собственное намерение – уже не перед медсестрой, а перед самим собой.

– Так, – прошептала наконец Шарлотта. Ее сухой голос звучал беззащитно и уязвимо.

– Тогда мы друг друга понимаем. Вы хотите оставить мальчика, с которым не состоите в родстве, а я хочу эту девочку, – Жюль обвел пальцем в воздухе, указывая на ребенка у Шарлотты на руках.

– Мы не можем!

– Не можем?

– Подумайте же вы хорошенько над своим планом. У вас как у судьи должно быть чувство порядочности. Почему вы им не руководствуетесь?

– Как зовут вашего мальчика?

Шарлотта замялась.

– Как зовут вашего мальчика? – повторил Жюль.

Шарлотта покачала головой. Он ведь это не серьезно. Только не он.

Последовало молчание.

Долгое молчание.

Шарлотта сразу поняла, что Жюль надел на себя маску власти только потому, что ему не оставалось ничего другого. Ведь он был в таком же отчаянии, как и она, в таком же отчаянии, как и Луиза.

Жюль, который тем временем видел перед собой уже не очаровательную девушку, а противника, вставшего у него на пути, резко повторил:

– Как зовут мальчика?

Шарлотта молчала.

– Как его зовут!

– Антуан, – прошептала она.

– Антуан. Красивое имя. Хотите отдать своего Антуана в детский дом?

– Нет, – выпалила Шарлотта дрожащим голосом и отвернулась. Надежда на то, что он не относился серьезно к тому, что говорил, умерла так же скоро, как и появилась. Он осуществит угрозу. Теперь она это знала.

Было бы просто жестоко, если бы в его угрозе не обнаружилось чего-то откровенного. Шарлотта отвернулась к окну. Ее взгляд скользнул на улицу. С неба сыпался снег. Снежинки кружились, словно пепел. В тот момент было так спокойно, будто в мире замерло все, кроме снега.

Угроза Жюля висела в воздухе, как лезвие ножа, готовое обрушиться на Шарлотту. Ее глаза наполнились соленой болью. В зале было так тихо, словно мир на мгновение задержал дыхание.

Никто прежде не требовал отдать мальчика в детский дом. В городе все знали о судьбе парнишки. Как только люди видели Антуана, они тут же все понимали – его прошлое, настоящее и будущее. Каждый знал, что Шарлотта – его надежда. Надежда, которая сможет залечить раны прошлого; надежда, которая не позволит настоящему его убить; и весна жизни, которая ждет его в будущем.

До сих пор все молчали. И будут делать это и дальше. Чтобы защитить его. Чтобы он не потерял все, в том числе и Шарлотту. Однако, как известно, слова одного предателя достаточно. А если оно принадлежит судьбе, то все пропало.

Шарлотта молча сняла с руки здорового ребенка бирку с именем.

– Как зовут девочку? – спросил Жюль.

– Теперь у нее нет имени, – ответила Шарлотта и опустила глаза. Затем протянула ребенка Жюлю.

– Бирку моей дочери, – колеблющимся между решимостью и сомнением голосом потребовал Жюль, глядя на грудничка в кроватке.

Шарлотта осторожно достала малышку, прижала ее щекой к своей влажной от слез щеке и одной рукой развязала бирку на ее запястье. Она протянула бирку Жюлю. Он схватил ее и сунул в карман брюк.

Потом он бесконечно медленно, как показалось им обоим, и тихо пятился из зала для новорожденных, преодолевая сантиметр за сантиметром, с чужим ребенком на руках.

Он в последний раз взглянул на Шарлотту. Она качала на руках его ребенка, нежно обхватив ручку девочки своей рукой, и помахала ему ею на прощание, затем вышла из луча света в дверной щели и исчезла. Однако из памяти Жюля она не исчезнет никогда, оставив ему долгий запах жасмина.

Глава 6

Одна из многих безмолвных судеб, которые незаметно наносят удар по жизни людей. Одна из бесчисленных молчаливых драм, о которых даже пострадавшие узнают лишь спустя долгое время.

Шарлотта бы никогда не подумала, что способна на такое. Лишить матерей детей, а детей – матерей. И все ради того, чтобы узаконить права на Антуана. Чтобы самой иметь возможность

оставаться матерью. Был ли это моральный поступок, заложенный в сердце каждого человека? Убили бы мы сами ради тех, кого любим? Может ли вообще то, что мы называем моралью, иметь качества? Добро и зло правда существуют? Или это всего лишь оценочные категории, которые варьируются в зависимости от ситуации? В таком случае можем ли мы судить других?

Шарлотта осталась с маленькой девочкой на руках. В шоке от самой себя. В беспокойстве, граничащем с отчаянием, она ходила по залу взад-вперед. Девочка снова начала ловить ртом воздух. Шарлотта уложила ее в кроватку и привязала к ее руке бирку с именем другого ребенка.

– Теперь ты Ни Лу, – прошептала она малышке. Затем Шарлотта надела на девочку кислородную маску, такую большую, что она полностью закрыла лицо ребенка. Шарлотта гладила Ни Лу по головке и смотрела на нее. Она думала: «Ее вид вызовет грусть даже у самого равнодушного человека». Ручки и ножки, всунутые в одежду на несколько размеров больше. Личико, напряженные черты которого уже выглядят пугающе взрослыми.

Глаза Шарлотты затянула водянистая пленка. Она убрала руку с головки Ни Лу и положила ее ей на грудь. «Легкие размером с крылья стрекозы», – подумала она.

– Обещай, что ты их расправишь. Что доверишься этому миру. Несмотря на дожди, обрушившиеся на тебя. Что научишься летать. Пусть и не на том месте, которое было предусмотрено для тебя изначально. Что вознесешься – к свету жизни.

Младенец закричал.

– Прости, малышка. Пожалуйста, прости, – сказала Шарлотта. Она обхватила свою шею обеими руками, сняла цепочку, на которой висело бронзовое перо с темно-синим афганским лазуритом. Вкрапления делали камень похожим на земной шар. Этот амулет – вместе с его неотъемлемой тайной – мать Шарлотты вложила в руку дочери, прежде чем ее последний вздох унесся в вечность. С тех пор Шарлотта носила его не снимая. Из ее глаз текли слезы, когда она заворачивала цепочку в носовой платок и вкладывала ее в конверт вместе с клочком бумаги, на котором было написано несколько строк. Шарлотта подписала конверт: «Для Сарасвати». Она положила его девочке на грудь, и та тут же перестала плакать. В зале стало тихо. На

короткое мгновение ребенок открыл веки, взглянул на Шарлотту и снова закрыл их. С каждой минутой грудь малышки вздымалась и опускалась все спокойнее и ровнее.

«Они есть. Повсюду. Крохотные магические моменты. Похожие на один-единственный лучик солнца, пробивающийся сквозь пасмурное небо. В жизни каждого человека. Нужно лишь довериться им». Эти слова мать Шарлотты говорила дочери, одновременно зажимая в ее пальцах амулет. Четырнадцать лет назад. Шарлотте тогда было десять. Сегодня девушка сказала те же слова Ни Лу. Она отвела взгляд от девочки, сняла с себя халат, сложила его пополам один, затем второй раз, повесила на прутья кровати и вышла из зала.

В кабинете Шарлотта начала наспех перелистывать стопку недавних свидетельств о рождении, пока не наткнулась на свидетельства девочек. Она достала оба документа, пером нацарапала на каждом пометы, сложила их и сунула в карман юбки. Затем она взяла из выдвижного ящика два пустых листка и составила новые свидетельства с соответствующим временем рождения подмененных детей. Если бы судьбе было угодно, то это время стало бы единственным признаком подмены. Шарлотта расписалась в документах, поставила на них печать родильного дома и положила листки назад в стопку.

Она молча шла по коридору. Ее красивое молодое лицо вдруг стало старым, как потертая монета. Она сдернула с крючка пальто и быстро его надела. Шапку она натянула на самый лоб. Когда она вышла через главный вход на улицу, то оказалась в таком густом тумане, что можно было заблудиться. Крошечные капельки воды висели в воздухе настолько плотно, что серую дымку, окутывающую все вокруг, можно было разрезать ножом. Не успела Шарлотта выйти через железные ворота во дворе на улицу, как родильный дом позади нее утонул в мрачном дыхании зимы.

Ни разу не оглянувшись, она поспешно ушла отсюда в холодном свете луны и больше никогда не возвращалась.

Глава 7

Казалось, в тот день все были не на своем месте. Жюль и Шарлотта вмешались в судьбу, заново перетасовав карты и раздав их иначе, чем было задумано. Судьба их не оставит. Никого из них. Это они знали наверняка. Но когда она настигнет и отомстит?

Идя каждый своей дорогой, каждый в свою жизнь, они понимали, что от несчастий не избавиться, если подвергнуть им других.

Когда Шарлотта вошла в дом и бросила пальто на стул, Антуан задумался, какое печальное событие могло так подкосить ее всего за один день. Лицо Шарлотты напоминало пожухлый лист, увядший цветок. Длинная юбка развевалась вокруг тонких ног. Руки дрожали. Она на мгновение оперлась на спинку стула. Затем опустилась на пол.

Антуан помог ей подняться. Она провела ладонью по его щеке и сказала:

– Я люблю тебя, мой мальчик. – На ее лицо, омрачив черты, опустилась тень задумчивости.

Шарлотта целыми днями ничего не ела. Только лежала с красными глазами, иногда корчась во сне, как раненое животное. Антуан все видел. Он с любовью ухаживал за ней, готовил супы и чай. Накрывал одеялом, когда ей было холодно. Делал охлаждающие компрессы из мяты и лемонграсса, когда ей было жарко.

Она ничего не говорила. Он ничего не спрашивал. Спустя две недели она впервые встала с постели. И приняла решение: здесь им оставаться нельзя. Нужно уезжать.

Глава 8

Жюль часами просиживал у кровати Луизы, наблюдая за ней и ребенком. Она была так счастлива. При виде малышки она расцветала, как цветок в теплый весенний день. Тонкие, как паутина, светлые волосы Луизы электризовались при каждом соприкосновении с подушкой. Глаза женщины были цвета мокрого камня.

Луиза была суетливой, как наседка, женщиной, но, несмотря на физический облик, в ней все было слишком роскошно. Килограммы украшений на шее, цепи, которыми можно было бы пришвартовать лодку. Она носила платья, будто каждый день собиралась на прием в Версаль, и когда ее руки не были заняты, она гладила себя по бедрам,

расправляя складки на юбке. Даже сейчас она лежала в постели с серьгами в ушах.

От ребенка исходил чудесный запах. Это был человек, пахнувший сладостью жизни. Неудивительно, что девочка привлекла к себе все внимание.

Сколько людей Жюль своим поступком сделал несчастными? А сколько – счастливыми? Может, то, что он сделал, не так уж и предосудительно?

Когда-нибудь он ей скажет. Он скажет им обоим, и они смогут понять. Наверное, они смогут понять.

Когда после обеда Жюль вышел из дверей родильного дома на улицу, ему в лицо ударил ледяной ветер. Поначалу прохлада приятно ощущалась на лбу, усеянном капельками пота, однако вскоре пробралась под одежду. Судья озяб. Он опустил взгляд. В тот день он никому не мог смотреть в глаза.

Не успел Жюль отойти от родильного дома, как заметил полузамерзший подснежник. Цветок храбро высунул головку из-под земли, чтобы тут же замерзнуть от ледяного дыхания прошедшей зимней ночи. Жюль сразу подумал о родной дочери.

Ему показалось, что он услышал в груди треск, словно его сердце раскололось надвое. Одна часть была полна вины и печали, а вторая – облегчения от конца страданий. Как минимум, конца прошлых печалей. Хотя новые не заставили себя ждать.

Он подумал о Луизе с малышкой на руках, и воздух на мгновение перестал быть жестким. Его молочно-серый цвет больше не угнетал. Наоборот. Образ в голове Жюля привлек его взгляд к широкому синему небу. Туда, где облака разошлись и прорезали крошечное окно в бесконечность. Ему казалось, что в этой сияющей синеве он видит новую жизнь, для которой у него еще нет названия. Свободную от былых желаний, не сумевших воплотиться.

Это чувство длилось лишь короткое мгновение. Опустив голову, Жюль снова увидел замерзший подснежник. Нежное детское личико его родной дочери. И навеки оставшуюся в памяти маленькую ручку в руке Шарлотты.

Только сейчас он осознал, что принял бесповоротное решение. Что то, что он сказал и сделал, уже не изменить. Что его поступок

нельзя ни отменить, ни исправить. Слишком поздно. Кости брошены. На руках его жены лежит чужой ребенок. Его – умирает на руках чужой матери. Однако Жюль знал: пока он жив, ему не забыть образ своего ребенка в объятиях Шарлотты. При мысли о родной дочке на него будто опускалась ночь. Он чувствовал, как в нем просыпается тоска. Тоска по честному миру, который он оставил позади.

На улице снова пошел снег. Зима не отступала. Вот уже несколько дней с неба, облака на котором слились в сплошную серую гладь, падали густые хлопья. Лишь изредка оно ненадолго раскрывалось и пропускало на землю луч света.

Жюль оторвал взгляд от замерзшего цветка и продолжил пробиваться сквозь метель. Снова и снова оглядываясь назад, он видел, как его следы заметает снегом. Как будто их не должно существовать. Как будто никто не должен пройти по ним.

Поднялся сильный ветер. Он со всей силы дул Жюлю в лицо. Охватывал его всего, словно желая снести. С каким удовольствием Жюль бросился бы в его ледяные объятия. По крайней мере, тогда он не позволил бы своему ребенку умереть одному. Однако Жюль не сдавался. Он мерился силами с природой. На глазах выступали слезы и превращались в кристаллы льда на лице. Он тяжело вдыхал холодный воздух и с трудом переставлял ноги. Но как только ему захотелось уступить стихии, буря стихла.

Будучи судьей в городе, где большинство споров шло только о деньгах, он замыкался в кругу служебных обязанностей, который был лишь бледным отражением его реальной жизни. Их дни с Луизой текли насыщенно, но в те редкие моменты, когда Жюль сталкивался с самой жизнью, с ее реальными проблемами, с ее болью и утратами, он избегал ее, как только мог. Пока утраты не последовали одна за другой, а смерть не начала сопровождать их каждый раз, когда Луиза рожала. Теперь возможности избежать жизни больше не было. Не проигнорировать. Не скрыться. Теперь Жюль застрял в реальности.

Он думал о Луизе. Пытался представить, что подумает и почувствует она, когда он признается ей в содеянном. Для Жюля поставить себя на место Луизы, да и вообще любого другого человека, было непосильной задачей, которая его крайне тяготила. Ему казалось,

что он еще никогда не встречал человека, чья душевная жизнь была бы настолько похожа на его, что открылась бы ему естественным путем. Таким образом, он тратил оставшиеся силы на одни только размышления об этом, к тому же приходил к ответам, которые так страшно вспыхивали в голове, что он тут же снова отмахивался от них, как от роя ос.

Судья внутри него начал упорядочивать в голове то, что можно сказать Луизе и чего говорить нельзя. Он испытывал ужас перед ее предстоящим возвращением домой с чужим ребенком. Словно давая клятву, он внушал себе, что все, что касается его чувств и происходит у него внутри, – дело его и его совести. Что своим поступком он всем помог: теперь у Луизы есть ребенок, а другой семье не придется воспитывать еще одного. В конце концов, у той пары с сыновьями нестабильные условия для жизни. С возрастом мужчинам становится все сложнее ловить жемчуг; Жюль слышал, как чужак с Дальнего Востока говорил врачу, что еще один ребенок станет помехой.

Наконец Жюль добрался до дома. Это была вилла в викторианском стиле, расположенная высоко на холме и окруженная огромным парком. Сквозь ветви деревьев уже издали просвечивалась белая древесина. К чугунным воротам вела заснеженная дорога, обсаженная липами. С весны по осень был слышен шелест листьев. Жюлю нравился шум ветра в листве деревьев в разное время года. Ему нравилось, как весной по всему пути простираются кроны. Нравился сладкий липовый аромат, которым цветки пленяют чувства людей и животных теплыми летними ночами. Переливы листвы осенью. Ту защиту и то тепло, которые исходят даже от покрытых снегом ветвей.

Жюль неизбежно думал о времени года своей жизни. Он был еще молод, ему лишь слегка перевалило за тридцать. Однако кто знает, что это значит: была ли то осень его жизни? Или уже зима? Или жизнь подарила ему еще одно лето?

Внезапно Жюль осознал, что люди не в состоянии ни измерять или изучать свою жизнь, ни планировать или контролировать. То, что несколько дней назад казалось невозможным, вдруг становится возможным. Мы вдруг становимся способны на то, что казалось нам невозможным. Мы вдруг делаем то, чего, казалось, не сделаем никогда.

Если мы не можем предсказать даже свои собственные поступки, то как мы можем полагать, что знаем, что чувствуют, в чем нуждаются или на что способны другие?

Жюль вошел в гостиную, которая, как и остальной дом, была настолько большой, что даже ветер запутывался в ней, как в ловушке. Судья толчком распахнул окно и выглянул на улицу. Парк затянуло ледяным инеем. В воздухе стоял трескучий мороз. Как ему жить под этой крышей с Луизой и девочкой? Осталась всего одна ночь. Потом он заберет обеих из родильного дома, и ложь поселится с ними здесь навсегда. Он представил их возвращение, и то, что еще несколько часов назад в роддоме казалось ему возможным – когда-нибудь поговорить с Луизой и во всем ей признаться, – теперь стало для него нереальным.

Глава 9

Они назвали девочку Флорентиной.

На следующий день, когда машина свернула на подъездную дорожку к дому, лицо Луизы засияло. Малышка была у нее на руках.

В воздухе кружился мелкий, как пудра, снег. Вокруг поблескивал иней, покрывая траву, словно кристальная паутина.

Счастливая молодая мать, Луиза была настолько полна сил, что от ее шагов по фойе в окнах дребезжали стекла, в то время как Жюль бесшумно шел рядом. С того дня ее жизнь граничила с чудом, казалась окутанной чарами, которые больше никто не сможет снять.

Когда она открыла шторы, детская наполнилась светом. Снег закончился. Небо сияло глубокой синевой. Луиза наблюдала, как Жюль кладет маленькую Флорентину в колыбель и улыбается ей. Именно он все эти годы снова и снова вселял в нее надежду на то, что однажды ее самое большое желание осуществится. Она почувствовала, как ее наполняет тепло, подошла по воценому паркету к мужу, посмотрела на него и провела рукой по его кудрявой голове. Погрузившись в себя, он неподвижно смотрел на нового члена семьи. Когда Луиза наклонилась над колыбелью и приложила щекой к щеке девочки, Жюль нежно погладил жену по спине. Затем отвернулся и подошел к окну.

Его взгляд упал на пышные старые дубы в саду, ветви которых свисали под тяжестью снега. На деревья, которые выглядели так, как он себя чувствовал.

– Не то чтобы мне не нравится слушать твои мысли, милый, но услышать твой голос было бы приятней, – спустя некоторое время сказала Луиза с улыбкой.

Жюль повернулся к ней.

– Нужно собрать семью и друзей, устроить большой праздник в честь рождения дочери, – продолжила она.

– Да, ты права, – откашлялся Жюль и представил, насколько ужасным будет для него это собрание. В последние сутки он только о нем и думал. Теперь он уже полностью осознал, что закон жизни непреложен, и рано или поздно его рука дотягивается до того, кто его преступает, и хватает нарушителя. Это неизбежно.

В роли судьи он об этом никогда не задумывался. Лишь теперь ему стало ясно, что, хоть мораль и помогает нам составлять законы, она подводит нас, когда дело доходит до их соблюдения. Особенно когда проблемы касаются нас самих. Внезапно законопослушание и справедливость стали казаться ему привилегией тех, кто живет хорошей жизнью. Он впервые понял, что соблюдение правил является большим достижением для тех, чья судьба не сложилась, для людей отчаявшихся и вынужденных каждый день бороться заново.

Осознавая все это, как он будет принимать решения за судебным столом? Что вообще заставило его зайти так далеко? Когда он был студентом, ему достаточно было лишь мельком взглянуть на дело, как он тут же видел исход. Он всегда держал в голове последствия и знал, какие из них приведут к еще большим проблемам. Теперь же у него не получилось быть адвокатом и судьей самому себе. Думай Жюль как адвокат – учел бы все последствия подмены детей. Действуй он как судья – уничтожил бы эту идею еще в зародыше.

Луиза, все еще стоящая у колыбели, заметила, что взгляд Жюля странным образом изменился.

– Что с тобой? Что-то не так?

Жюль покачал головой, подошел к ней, обеими руками обхватил плетеную из ивы люльку, взглянул на ребенка и разразился слезами.

Глава 10

Даже днем плотный туман стал сгущаться все чаще, словно желая обволочь собой тайну Жюля, укутать ее, как в пальто, лишить видимости. Серая вуаль, сброшенная с неба.

Жизнь проходила мимо Жюля незаметно для него. Медленно тянулись часы и дни. Он считал, что еще до нашей физической смерти наша душа умирает сотню раз, ведя нас к истинной жизни.

Друзья и семья пришли поприветствовать маленькую Флорентину в этом мире. Зал с двустворчатыми дверями на веранду был набит битком. Что бы ни обсуждали гости, в мыслях Жюль снова и снова возвращался к своей родной дочке, к той, которую он оставил. Неоднократно он терял нить разговора и, так как не мог поймать ее снова, молчал. Он стоял, не говоря ни слова. Стоял так тихо, что о его присутствии постепенно забывали. Все поворачивались к Луизе и новорожденной. А Луиза с ребенком на руках все пыталась разглядеть в окружавшей толпе мужа. Внимательно смотрела на него, пытаясь понять причину его безмолвия. Она размышляла о том, что значит перемена в выражении его лица, но вскоре один из гостей вновь отвлекал ее от мыслей и она занималась другими вещами.

Жюль наблюдал за ней. Луиза была очень красива. Красное бархатное платье подчеркивало кожу цвета слоновой кости, но, несмотря на поразительную красоту наряда, внутреннее сияние самой Луизы затмевало ее. Взгляд, полный любви, которым она смотрела на Жюля, спустя годы еще утешит его в сожалении и ранит в сердце.

Внезапно он почувствовал, что задыхается среди людей, и покинул зал. Только снаружи он снова задышал. Словно из улья, в коридор проникло ровное жужжание и шум разговоров и движений. Жюль расстегнул верх рубашки и сделал глубокий вдох.

Последние гости разошлись только к полуночи. Его жена до сих пор была одурманена счастьем. В ее глазах мерцал блеск, они обворожительно улыбались. Луиза чувствовала легкость. Такой легкой она не была уже многие годы. А Жюль нес все бремя ее легкости на своих плечах.

Никто, кроме него самого, не знал о его положении. Никто, кроме Шарлотты, не знал, что он обменял своего собственного ребенка, потому что больше поверил в чужого. Его привычное всем невозмутимое выражение лица давно стало потерянным. Он чувствовал, как его переполняет невиданное прежде отчаяние.

Что теперь? От жажды получить ответ пересыхало в горле. Кругом не было никого, кому он мог бы открыться, кому мог бы довериться.

Раньше он всегда сочувствовал тем многим людям, которые не могли прижиться во внешнем мире. Теперь он больше не справлялся в своем собственном. Помимо всего прочего, ему еще и пришлось осознать, что на некоторые вопросы нет ответов даже для судьи.

Все казалось неправильным: этот брак, этот дом, этот ребенок. Жюль шагал по модульному паркету теперь уже пустого зала, навощенному так сильно, что в нем отражались картины, висящие на выбеленных стенах. Из золотых рам глядели портреты всех семей, живших в этом доме со времен строительства виллы много лет назад. Их портрет тоже скоро будет здесь висеть.

И как он только мог подумать, что жизнь обоих, Жюля и Луизы, после его деяния станет гладкой, как этот паркет? Судья посмотрел на улицу. На парк тихо опустилась ночь. Единственный свет исходил из комнаты, свет, падающий на снег широкими желтыми дугами. В просветах белой пелены тумана не было видно ничего, кроме черного неба.

Младенец в маленькой, плетеной из ивы люльке. Это он, ее ребенок. Луиза быстро поняла, что значит любить ребенка. Чувство, которое охватывает, словно завораживающая симфония. Любовь, которая становится все глубже, но не заканчивается и не исчезает. Долговечная. Безусловная. Совсем непохожая на любовь между мужчиной и женщиной, что постоянно меняется и утрачивается.

Луиза сидела у колыбели и, исполненная благодарности, смотрела на детское личико, залитое лунным светом. Она то и дело целовала малышку в лоб. Жюль стоял в коридоре и наблюдал за ней через дверную щель. Учитывая то, что творилось у него на душе, рядом с

ней он чувствовал себя недостойным и лишним. Он едва осмеливался дышать, так как даже малейший шум мог разбить мирную тишину в детской, словно кристалл.

Только когда луна перекочевала и ее свет перестал падать в окно, Луиза встала, поцеловала веки Флорентины и разгладила ее одеяльце. Несмотря на темноту, ей казалось, что она видит улыбку, играющую на детском личике.

Жюль улизнул. Он не мог смотреть Луизе в глаза. Не теперь. Он покрутил кольцо, которое носил на пальце. Кольцо с черным опалом. На веки вечные. В горе и в радости. Он не сдержал обещание. Он обманул Луизу ради справедливости.

Жюль пытливо смотрел в окно, будто искал решение на небе. Или еще где-то за пределами самого себя, этого дома. Однако все, что доносилось до него с улицы, – это хруст снега из-под ног рабочих.

Несколько минут, которые казались часами, он стоял и смотрел в ночь. Между тем его тяготила не только ложь, но еще и осязаемые уже с самого начала трудности родительства со всей его ответственностью, усталостью и множеством шансов не справиться.

Глава 11

Все было не так, как он ожидал. Все было не так, как он представлял. Не так, как он хотел. Жюль постоянно разочаровывался в своих мечтах. Ни одно из его прежних ожиданий не соответствовало тому, что происходило в действительности.

Но не только жизнь вдруг пошла под откос: характер тоже дал трещину. Все эти годы его душой управлял гуманизм. Жюль никогда не поверил бы, что способен на бесчеловечные поступки, однако день, в который он подменил детей, доказал обратное. Показал, что в нем тоже живет звериная сила, которая в один миг может жестоким образом перевернуть жизнь многих людей с ног на голову.

Он испытывал боль, которую не унимало ни одно лекарство. Все его существо было сплошной болью.

Жюль неизбежно замечал, как меняются его отношения с женой. Ведь он подсознательно обвинял ее в своем преступлении, чтобы еще хоть немного суметь вынести самого себя.

Однако в то же время он настолько чувствовал себя ответственным за их с Флорентиной счастье, что делал для них все, что, по его мнению, было необходимо. До тех пор, пока наконец не перестал понимать, где заканчиваются эти двое и начинается он сам.

Жюль без конца задавался вопросом, сможет ли он когда-нибудь обрести былой душевный покой, и если да, то каким образом. А пока ему ничего не оставалось, кроме как взять себя в руки, заставить скрыть ото всех свою тьму.

У него получалось, пусть и с огромными усилиями. Никто не замечал в нем ни малейшего проявления отчаяния. Он все больше укрывался в работе. Если раньше она была нужна ему, чтобы видеть не только прекрасные стороны жизни, то теперь – чтобы видеть не только ужасные.

Луиза же, напротив, так погрузилась в материнство, что, даже находясь в своих мыслях, постоянно следила за тем, что может понадобиться девочке. Она полностью отдалась чуду и расцвела в нем. Тем не менее от нее не укрылось то, что Жюль с рождением Флорентины стал деятельнее, а не спокойнее, как следовало ожидать, после того как долгожданное совместное желание наконец исполнилось. И дело было не просто в уйме дел, нет, это была суетливость, о которой Луиза знала не понаслышке. Суетливость, которая нападает не просто так, а в попытке что-то скрыть. Еще она заметила, что Жюль с ней больше ничем не делится. Ни тем, что чувствует. Ни тем, о чем думает. Глубина его души, всегда открытая перед ней, теперь была закрыта от нее. Она спрашивала себя, не является ли это платой за материнство, и сумеет ли она вновь найти ключ к его душе, когда перестанет проводить с Флорентиной двадцать четыре часа в сутки.

Жюль радовался тому, что дочка требует столько времени и внимания. Радовался, что им с Луизой не приходится разговаривать. Ведь каждый день он ждал вопросов и каждый день с облегчением выдыхал, когда она их не задавала.

Но однажды, хотя он и был к этому готов, Луиза застала его врасплох. Она качала ребенка на руках, пытаясь убаюкать, когда Жюль, вернувшийся из суда, заглянул в дверь, чтобы поздороваться.

– Ты плохо себя чувствуешь? Ты с каждым днем все тише и тише. Не хочешь обсудить, что тебя беспокоит?

Напряжение Жюля, которое, как ему казалось, уже достигло предела, возросло до такой степени, что он подумал, что в нем что-нибудь разорвется. Если раньше он поражал всех невозмутимостью, то теперь все больше напоминал затравленного зверя. Прежде чем Луиза успела спросить еще раз, он ответил:

– Меня беспокоит одно дело в суде. А так ничего, любовь моя. Прости, я на минуточку. Скоро к вам вернусь.

Еще не закончив говорить, Жюль заметил, как неубедительно звучит его объяснение, почувствовал всю тщетность своих слов. Не приближаясь ни к ней, ни к ребенку, он развернулся и вышел из комнаты.

Глава 12

Хотя Жюль не был высоконравственным человеком, до того дня в родильном доме он пытался удерживать совесть в равновесии. Он никак не ожидал, что подмена детей окажется настолько тяжелой, что ничто, абсолютно ничто не сможет компенсировать ее вес. Ни доброе деяние, ни злое. Она будто осела в нем камнем, который всегда будет мешать ему вновь вознестись в небо и расправить крылья. Казалось, он больше никогда не снимет с души это бремя.

Жюль сидел в темнице, которую сам для себя построил. Что ему теперь делать? Луиза умная женщина. Рано или поздно она поймет, в чем дело. Тогда все закончится.

В его голове пронеслась дюжина возможных сценариев. Жюль мгновенно понял: если он хочет сохранить тайну и дальше жить с Луизой, то он должен забыть. Забыть, что он сделал, и забыть, что Флорентина не их родной ребенок.

И Жюль забыл. По крайней мере, у него получалось забывать днем. Ночами он, как и прежде, лежал в постели и думал о том утре в родильном доме. Одно бесконечно длинное утро каждую ночь.

Луиза больше не задавала удручающих вопросов. Она поняла, что при всем желании вести душевный, искренний разговор с Жюлем сейчас бесполезно. Между тем она приписала его задумчивое состояние роману с другой женщиной. Она часто наблюдала такой факт среди пар, ставших родителями, которым приходилось

осваиваться в новых ролях. И у которых не получалось. Тесная связь матери и ребенка меняла отношения между мужем и женой настолько, что мужчина зачастую чувствовал себя отрезанным от семьи и искал утешения в другом месте. Но, поскольку Луиза когда-то поклялась не опускаться до ревности, она молчала. Более того, рассказать Жюлю о подозрениях – значит придать значение опасениям. А придавать им значение нельзя.

Она часто чувствовала себя вынужденной говорить нарочито веселым тоном, будто желая восстановить гармонию настроений в семье. А еще чтобы убедить себя в том, что ей не о чем беспокоиться. Да и некоторые вопросы лучше не задавать на случай, если собеседник ответит правду.

Глава 13

Спустя два месяца после содеянного Жюль отрекся от профессии судьи. До того дня в родильном доме он считал, что власть над людьми и событиями находится в его надежных руках. По крайней мере, уж лучше в его руках, чем в руках кого-то другого. Но жизнь преподала ему иной урок. В состоянии глубокого отчаяния он оказался так же склонен к нарушению законов, как и все остальные. Он оказался таким же человеком, как и все остальные. Жюль говорил себе:

– Легко творить добро, когда у тебя самого все хорошо. Однако истинное искусство – оставаться хорошим, когда жизнь связывает тебя по рукам и ногам.

Он больше не мог решать, что справедливо, а что несправедливо, что истинно, а что ложно. И вот однажды Жюль сбросил с себя судейскую мантию и повесил ее на крючок – навсегда. Он вышел из зала суда в длинный мрачный коридор и через открытую дверь выглянул в мир, который был для него теперь ни чем иным, как тюрьмой. Куда бы он ни шел, что бы ни делал, к кому бы ни обращался, он чувствовал себя увязшим во лжи, словно муха в паутине. Единственный способ время от времени вылезать из кожи, которая, как ему казалось, никогда его не облекала, – творить добро там, где это только возможно.

После отказа от судейской должности Жюль посвятил себя работе в управлении по делам молодежи. Проверял, где это было необходимо,

хорошо ли родители заботятся о детях.

Позаботиться о собственном ребенке ему не удалось. Он от него отрекся. Бросил. Отдал. Чужим людям. Тогда у него возникла глубокая потребность загладить свою вину. И если он уже не мог сделать это перед своим ребенком, то, возможно, сможет перед чужим.

Он сбегал на работу, но это было бесполезно. Всякий раз, когда Жюль путешествовал по стране, выполняя поручения, перед его мысленным взором представало лицо родной дочери. Образ девочки виделся ему повсюду. В каждом ребенке, в каждом предмете. Он начинал часто моргать, чтобы прогнать его. Но ему не удавалось. Порой совесть играла с ним так жестоко, что ему казалось, будто дух ребенка преследует его, даже охотится за ним. В такие моменты он трясся от страха и ему приходилось хвататься за самый устойчивый предмет поблизости так крепко, что на смуглой руке белели костяшки. Он задерживал дыхание и, когда воздух наконец выходил из легких, чувствовал, как рубашка скользит по груди. Как на лбу масляной пленкой выделяется пот, каплями стекая по вискам. В такие моменты до него не доносился шум внешнего мира.

Вечерами в гостиничном номере из темноты появлялось прошлое, и он чувствовал, что находится вне времени. В сумеречном углу комнаты тьма сгущалась и образовывала светлый образ, принимающий очертания его девочки. А потом он видел Шарлотту. Как она держит его дочку на руках и машет ему ее маленькой ручкой. Он ощущал колющую боль в груди и, когда затем приходил в себя, снова и снова задавался вопросом, насколько сильное отчаяние толкнуло его на такой поступок.

Лишь изредка ему удавалось думать не о ребенке, а о девушке, которую он принудил к подмене. Он думал о Шарлотте. Когда Жюль видел перед собой ее глаза – зеленые глаза, обрамленные желтым венком вокруг черного зрачка, – его на мгновение наполняла уверенность, что когда-нибудь вся эта дилемма благоприятно разрешится. Она смотрела на него так, как никто раньше не смотрел. Она смотрела внутрь него. Прямо в душу.

Больше всего ему бы хотелось отмотать жизнь назад, до момента... Да, до момента чего? Подмены детей? Или его большие ошибки уходят в еще более далекое прошлое? Неужели до момента женитьбы на Луизе?

Глава 14

Луиза научилась проявлять сдержанное снисхождение к миру, в котором начал жить Жюль. Пока она боролась с подозрением, упорно растущим в ней, словно сорняк, он постоянно боролся за внутреннее равновесие и за то, чтобы снова обрести внутреннюю силу, которая когда-то была одной из его самых характерных черт.

Напрасно. Ложь отбросила свои тени. И хотя Жюля и Луизу связывала Флорентина, чувство единства постепенно рассеялось. Сила любви угасла. Влюбленная пара превратилась в дружеский союз. Ночная связь стала всего лишь словом, делом случая. Поцелуи стали чем-то неосознанным, автоматическим, и случались лишь на ужинах, когда другие пары целовались, чокаясь фужерами.

Супруги дошли до того, что не говорили ни о чем, кроме Флорентины и не имеющих значения вещей. Ни о себе, ни о своем браке. Они знали, что одно неверное слово нарушит хрупкое равновесие, которое еще позволяет им жить вместе.

Спустя несколько месяцев Жюль понял, что они стали друг для друга чужими, отдалились друг от друга. Что в мыслях они идут разными дорогами. Через год он расценивал свой брак как неудачный. Два отдельных «я», живущие бок о бок. Возможно, правда могла бы спасти его, их обоих, спасти это «мы». Однако, чем меньше он пытался жить в безмолвии, тем меньше у него это получалось.

Глава 15

Первые сумерки. Тонкая полоса света на горизонте. Каждому необходим ориентир. Возможно, ориентир Жюля – это Флорентина. Он стал человеком без лица. Но он не мог стать еще и человеком без души.

Порой мы так низко падаем в жизни, что нас могут спасти лишь крылья. Именно Флорентина расправила свои и подхватила Жюля.

Когда Жюль понял, что его разъезды не приносят пользы ни браку, ни отношениям с Флорентиной, он прекратил их и ограничился работой в своем родном городе. Это пошло на пользу и ему самому, вынудило заняться ребенком. Жюль часто часами качал девочку на руках, рассматривал ее личико, наблюдал за малейшими движениями, шевелениями сжатых в кулачки ручек, потирающих глазки. Несмотря на все невзгоды, он начал радоваться Флорентине и в каком-то смысле находить в ребенке поддержку и утешение, что раньше казалось ему невозможным.

Благодаря внутреннему перемирию Жюля в доме стало спокойнее. Первоначальные сложности в сближении с Луизой и дочкой постепенно превратились в незначительные происшествия на пути к новой родительской роли. Дистанция, которую в последние недели ощущала между ними Луиза, сократилась по крайней мере до старой дружбы. Жюлю удавалось быть заботливым мужем для Луизы и хорошим отцом для ребенка. Да, более того, он посвятил себя девочке с терпением и самоотверженностью, о наличии которых у себя даже не подозревал. Хоть в этом отношении он был собой доволен.

Таким образом, несмотря на изменившиеся отношения с Жюлем и его постоянную отстраненность, жизнь Луизы стала необычайно радостной. Она была бесконечно благодарной матерью. Не переставала удивляться силе любви к ребенку. Поражалась тому, как материнская любовь ощущается физически.

Счастье вперемешку с болью.

С окончанием зимы в семье туман будто бы рассеялся. Облака улетучились. Наступила весна. Солнце растапливало последние тонкие слои льда, еще оставшиеся на лужах и ручьях. Воздух наполнялся ароматом горячей вспаханной земли. Молодая трава проросла и равномерно расстилалась огромным бархатным ковром. Повсюду щебетали птицы. Клокотали и блестели в солнечном свете ручьи.

Как дерево весной не знает, где вырастут его побеги, так и Жюль не знал, что ему делать. Однако подобно богатству цветочного великолепия, скрывающемуся в каждом бутоне, в нем скрывалась призрачная надежда, которая, как он верил, расцветет весной. И хотя внутренне его по-прежнему сковывала тяжесть, он любил ту внешнюю

легкость, ту мнимую беззаботность, которую в нем можно было наблюдать и которую приносило времяпровождение с дочкой. Он прикладывал все усилия, чтобы соответствовать образу, сложившемуся о нем у других.

В солнечные дни Жюль часто лежал с маленькой Флорентиной на траве под дубом. Они наблюдали за ветвями, слегка покачиваемыми ветром. За игрой света, падающего сквозь нежно-зеленую листву и рисующего мерцающие узоры в природе.

Девочка умела радоваться мелочам, которые глубоко трогали Жюля.

Со временем им овладела такая любовь, какой он не ожидал испытать – ни к собственному ребенку, ни уж тем более к чужому. В полном изумлении он наблюдал за тем, сколько всего маленькая Флорентина узнает за кратчайшее время, как каждая эмоция выразительно отражается на ее личике и сколько в нем появляется любви.

Прошлое не вернуть. Что было, то было. Будущее неизвестно. Единственное, что ему оставалось и что он мог делать для других, – это с умом обходиться с тем, что изо дня в день предлагает настоящее. Если мы украдем у кого-то начало или часть его истории – тут Жюль был уверен, – мы задолжаем ему время, полное чудес.

Глава 16

Шарлотта никогда не сможет никому рассказать. Она это знала. Разве кто-то поймет, что она позволила подменить двух детей, чтобы не потерять одного, хоть и не родного, но своего?

Разве мать поймет? Женщина с нереализованным желанием иметь детей? А как воспримет поступок Шарлотты тот, кто никогда не испытывал подобного желания, заставляющего женщину душевно и физически страдать от бездетности? Можно ли объяснить всю широту и глубину понятия материнства тому, у кого нет детей, и кто никогда их не хотел?

Всякий раз, когда Шарлотта думала о девочках, у нее сдавливало горло. Она верила, что обладает сильным стержнем. Что она смелая. Уверенная. Умеет владеть собой. Отстаивать свое мнение. Однако

события того дня в родильном доме с полной уверенностью показали, что ни одного из этих качеств у нее нет. Что она слабая и в решающий момент позволит себя шантажировать. И решающий момент настал.

Мысленным взором Шарлотта видела всю безвыходность своего положения и, что самое ужасное: что ей некого в нем винить, кроме себя самой. Она не должна была делать то, к чему ее принудил тот мужчина, судья. Она могла бороться за Антуана честно. Так зачем? Что случилось с некогда сильной девушкой, которую всегда было не так-то просто загнать в угол? События прежних лет превратили ее в бледное отражение самой себя? Или она устала от вечной борьбы? Жизнь никогда ничего ей не давала просто так. Когда очередь дойдет до нее? Если верить словам ее рано ушедшей матери, то очередь дойдет до каждого. Или это лишь то, что внушают себе все, кому это необходимо?

Жили они тяжело, без дохода медсестры, которой Шарлотта так больше и не устроилась. И все же она сохранила некоторое достоинство. Она занялась тем, что ей подходит. Тем, что ей нравится. Тем, во что можно вкладывать душу. Шарлотта вспомнила о своей давней мечте и сняла пустующую оранжерею. Там они вместе с мальчиком выращивали фруктовые деревья, изысканные кустарники, цветы, овощи и различные травы. Больших денег работа не приносила, но пока этого хватало. Пока у Шарлотты не было плана, что делать дальше. К тому же садоводство не отнимало много времени, и она могла заниматься с Антуаном. Во время ухода за растениями, их полива и обрезки она учила Антуана считать. А вечерами у камина – писать и читать.

Она ведь только хотела, чтобы их с Антуаном оставили в покое. В то же время она знала, что в этом мире от них с мальчиком не отстанут. Кто-то придет. Однажды. И попросит свидетельство об усыновлении. Возможно, уже завтра.

Как совершение правильного поступка оказалось неправильным? Разве это не значит, что с миром, в котором она живет, что-то не так?

Шарлотта была из простой семьи и знала, что на жизненном пути постоянно встречаются изматывающие отрезки, прохождение которых требует огромных усилий. Которым свойственно нечто изнурительное, по которым идут без карт, указателей и заранее обозначенных маршрутов, часто даже против собственной природы. Однако она также знала, что такие отрезки неизбежны. И если получается остаться собой, то в какой-то момент даже самые сложные шаги становятся прекрасны в своей последовательности, а отдельные станции объединяются в одну сплошную линию жизни. Поначалу едва узнаваемую, словно теряющуюся вдаль, но если удастся осознать необходимость отдельных точек или хотя бы принять их и увидеть в них мост к следующему отрезку жизненного пути, то можно оставить после себя неизгладимый след, выходящий за рамки простого, земного. В этом Шарлотта не сомневалась.

О том, чтобы сократить трудный путь и обратиться за помощью к государству, не шло и речи. Наличие у Антуана свидетельства о рождении и отсутствие у Шарлотты документов об усыновлении разрушило бы все ее мечты.

Однако постоянно испытывать страх и сомнения, что Антуана могут забрать в детский дом, было больше невыносимо. Оставался лишь один вариант. Но вскоре Шарлотта засомневалась, возможно ли вообще после всего случившегося построить для них с Антуаном ту новую жизнь, о которой она мечтает. Она чувствовала себя окруженной следами прошлого. Запертой в своей истории, которая, словно зеркало, напоминала некогда уверенной в себе девушке о том, что ей никогда из нее не вырваться.

Она вышла из дома и села на край колодца, глядя вдаль. Пейзаж сверкал в нежном утреннем тумане, словно обещание. Может ли все наладиться?

Жемчужины росы на цветах и листьях. Почти забытый голос, шепчущий, что никогда нельзя подчиняться тому, что было, и тому, что сделано. Что всегда нужно верить в себя и в то, что в любой точке жизни можно стать кем угодно, если только осмелиться и не повторять того, что сбило с правильного пути. Голос, шепчущий в ухо, что жизнь всегда дает возможность загладить свою вину. Пусть часто и не перед теми, кому мы навредили, а перед теми, кто косвенно связан с их

судьбой. Со звоном этого обещания в сердце Шарлотта ощутила, как внутри что-то шевельнулось, как что-то укрепилось в ее душе. Она поняла: единственный способ не оступиться на тончайшей грани между интуицией и страхом и не угодить в трусость – снова довериться своему чувству. Чувству, что возможно найти для них с Антуаном новый дом. Убежище. Место для людей, которые нашли внутреннюю родину в другом времени.

Ей нужно положить конец старой жизни, чтобы суметь начать новую. Остаться на том же месте – значит позволить боли и сожалению, словно сорнякам, заглушить свою душу, а так может прорасти лишь стыд и отчаяние.

Подменив детей, Шарлотта неправильно поступила с некоторыми людьми. В судьбы многих она вмешалась. Даже ее жизнь, вероятно, ухудшилась. Теперь ее обязанностью было улучшить хотя бы жизнь Антуана. И она поклялась себе: даже если в поисках дома ей придется объехать с мальчиком весь мир, она это сделает.

Как часто она слышала от своей бабушки: «В молодости мы воображаем будущее, о котором мечтаем. В старости – выдумываем прошлое, которого у нас не было».

Шарлотта не хотела, чтобы ее план оставался мечтой. Ни для нее самой, ни для Антуана. Ей не хотелось в старости стыдиться всей своей жизни.

Этот план не был побегом с целью натянуть на себя образ невинной женщины в другом месте. Его целью была привлекательная жизнь, в которой они и в самом деле смогут пожинать плоды возможностей, чтобы обеспечить Антуану достойное будущее.

В этот мир нет простого пути, Шарлотта знала наверняка. Но она его найдет. Однажды. Она сможет дать им обоим другую, более легкую жизнь.

Глава 17

– Антуан, – сказала Шарлотта, – мы уезжаем.

– Куда?

– Подальше отсюда.

– Почему?

Шарлотта не ответила.

– Почему? – повторил Антуан.

– Потому что это наш шанс зажить той жизнью, которой мы хотим.

Антуан не понял, но кивнул. Он доверял Шарлотте. Последние два года, что бы она ни решала, все шло ему на пользу. Она села перед мальчиком на корточки, положила руки ему на плечи и сказала:

– Наши души похожи на деревья и на птиц одновременно. Им необходимы глубокие корни, которые удержат их даже в непогоду, обеспечат их питанием, чтобы они не начали умирать посреди жизни. И им необходима свобода, чтобы упорхнуть к мечтам. А пустить корни можно только в подходящей почве. Расправить крылья – только когда мы свободны от бремени.

Антуан снова не понял, но снова кивнул.

Шарлотта относилась к нему серьезно. Она говорила с ним, как со взрослым, а не как с ребенком. Ему это нравилось.

После минутного молчания он спросил:

– Там, куда мы поедем, я буду как другие?

– Это как?

– Как другие. Как другие дети.

– Не понимаю, почему ты так хочешь быть как другие, если ты хорош таким, какой ты есть. К тому же ужасно утомительно вести себя так, будто ты кто-то другой. Но если ты о том, чтобы заниматься тем же, чем занимаются другие дети – ходить в школу, – то да, будешь.

Антуан улыбнулся. В последние годы он часто обращал внимание на детство других мальчиков и девочек, которое казалось ему недостижимым. Это касалось не каких-то грандиозных вещей, а вполне повседневных, таких как школа. Или не настолько потертая одежда, что вот-вот разойдется по швам. Шарлотта все видела. Хоть они и не обсуждали то, почему Антуан не ходит в школу, как другие дети, своим тонким чутьем он понимал, что это ради защиты их маленькой семьи.

– Знаешь, Антуан, – сказала наконец Шарлотта, – мало кто рождается в той жизни, о которой мечтает. Ее нужно создавать самим. Никто не в состоянии изменить свое происхождение. Но не то, что он делает со своей жизнью. Ответственность за то, чтобы направить свою жизнь в правильное русло, а себя поставить на правильное место,

лежит на нас самих. Ведь счастливым способен стать даже тот, кому не везет.

Глава 18

– Мы оставляем позади, отрекаемся от одной жизни, а взамен получаем новую, – объясняла Шарлотта Антуану, когда на следующее утро они сидели на скамейке в саду в тени тюльпанного дерева и ложками черпали овсянку из эмалированных чашек.

Над ними, словно море из желтого света, распростерлось небо. В волосах гулял легкий ветер. В еще влажном воздухе витал аромат раскрывающихся цветков. На фоне кустарников выделялись почки, а на деревьях шептались листья. После долгой и мрачной зимы природа породила особенно роскошную весну.

– Нужно лишь следовать природе. Если ей удастся постоянно творить новые чудеса и позволять живому прорасти даже из мертвого; если дереву удастся освободиться от увядшей листвы и сухой коры, чтобы породить новые, то и нам удастся освободиться от увядшего, высохшего и сгнившего в нашей жизни и дать место свежим почкам. Не закрывать глаза на маленькие чудеса. Тогда прибудет что-то, что нас спасет, – сказала Шарлотта с улыбкой на лице.

В глазах Антуана отражался мир, который Шарлотта своими историями создавала в его голове. Они светились надеждой.

– Нам, людям, необходимо три вещи, чтобы постичь широту возможностей: искусство, открытый взгляд на чудо и вера в самих себя.

Это были напутственные слова матери Шарлотты, которые она оберегала, как сокровище. И так как у мыслей порой вырастают крылья, в ту ночь Шарлотте снилась тихая магия Востока.

Глава 19

– Мы ни разу не были в доме твоей матери, – сказала Шарлотта Антуану. – А в нем хранятся ваши совместные воспоминания. Ваше прошлое. Может, ты бы хотел сходить туда, попрощаться перед отъездом? Вдруг ты найдешь там что-то, что захочешь взять с собой в будущее.

Мальчик попытался оценить взгляд Шарлотты. Понять, серьезно ли она это. Что ему одному следует вернуться в прошлое. Что он может наткнуться там на что-то, что имеет для него значение. Шарлотта посмотрела на него и кивнула.

Он не был там два года. Домик так незаметно ютился между другими домами, как будто бы стыдился своего существования. Антуан много раз проходил мимо, но ему не хватало смелости и сил войти. Ставни не закрывались с тех пор, как мать ушла. Поэтому окна были похожи на пустые глазницы, глядящие на него, словно в ожидании чего-то.

И вот он здесь. Стоит перед домом. В память начали проникать образы из раннего детства. Множество лиц, которые он пытался опознать. Когда получилось, чувство безопасности, которое в последние годы давала ему Шарлотта, спало с него, словно пальто огромного размера.

Антуан носил в себе осколки и обломки истории, которая будет длиться до тех пор, пока он жив. Боль не уйдет, что бы он здесь ни нашел.

Он приоткрыл незапертую дверь и тихо вошел. Из дома вырвалось холодное дыхание. Они по-прежнему витали здесь – над каждым предметом, над полом, забивались в старую одежду: запахи детства. Антуан осмотрелся.

– Мама? – внезапно крикнул он в темноту, сам не зная почему. Как будто она еще там. Как будто все это время она пряталась здесь.

Тишина. Все та же тишина, какую два года назад оставила после себя Марлен. Все так же, как в последний день. Вот только объяснения она забрала с собой. Когда в последний раз посмотрела Антуану в глаза, прежде чем исчезнуть из его жизни.

Не сворачивая, Антуан пошел прямо в ее спальню. Войдя внутрь, он почувствовал печаль, которая обитала в ней долгие годы. Он опустил на колени перед красным комодом и попытался выдвинуть нижний ящик.

Дерево набухло от влаги, так что Антуану пришлось несколько раз сильно дергать ящик, пока не удалось его вытащить. Ночная сорочка матери все так же лежала, аккуратно сложенная, и, хотя на ней

и образовалось несколько желтых, покрытых плесенью пятен, от нее исходил легкий аромат лаванды.

Антуан раздвинул две стопки белья и пальцами нащупал задний край ящика. Там он нашел обтянутую шелком шкатулку из обожженного дерева. Достал. Осторожно, но дрожащими руками нажал на пружину.

Когда крышка подпрыгнула, Антуан увидел дюжину выцветших фотографий на подушке из красного бархата. Сверху: молодой парень с черными кудрявыми волосами и бледно-зелеными глазами. Прямо как у Антуана. Его отец. Без сомнения. Он помнил этот снимок. Марлен показала его однажды, когда Антуан начал расспрашивать об отце. Кто он и почему не живет с ними, она так и не ответила. Только молча протянула фотографию Антуану, развернулась и ушла, оставив его с ней в руке. Он спрятал ее под подушку. Каждый вечер он доставал ее из тайника, прижимал ладонью к груди и закрывал глаза. Пока однажды она снова не исчезла. Антуан ничего не спросил. Марлен ничего не сказала. Теперь Антуан погладил улыбающееся лицо на фотографии и положил ее назад в шкатулку. Он достал остальные снимки. Пристально рассмотрел. Снова и снова: девочка в голубой блузке с черными густыми волосами, заплетенными в косы. Снимок, похожий на эхо из давно забытого прошлого.

Антуан никогда не видел эту девочку. Или видел? Это ключ к разгадке исчезновения матери? Он все смотрел на фотографии. Однако память молчала. В его руках были не больше, чем обрывки воспоминаний, которые никак не собрать в единую историю. Фрагменты того, чего он не понимал. Чего больше не существовало. Осколки исчезнувшего целого.

Он знал людей, которые записывают свои истории, фиксируют в книжках. Однако его мать словно стерла свое прошлое. Почему она сама избавилась от всех своих следов в жизни? Антуан осмотрелся внимательнее. Казалось, кроме этой шкатулки, во всем доме нет ничего, что может о ней что-то выдать.

Что ему делать с немым содержимым коробки? С молчаливыми фотографиями?

Антуан закрыл глаза. В темноту протиснулись первые следы света. Ему показалось, что он услышал смех. Ее смех? Он открыл глаза и начал еще раз медленно просматривать фотографии. Его взгляд

блуждал от одного снимка к другому. Ничего не менялось. Он держал в руках лишь пробелы в памяти. Всего на долю мгновения он там задержался. В этих пробелах. В надежде на подсказки, которых не последовало.

Себя он не нашел ни на одной фотографии. Воспоминания о нем не стоили того, чтобы их сохранить? Или на снимках жизнь Марлен до его рождения?

Вдруг по его рукам пробежали мурашки, волосы встали дыбом. Антуан на секунду задержал дыхание. Медленно он выпустил облачка пара одно за другим. Девочка. В ее лице было что-то редкое, мимолетное. Что-то, чего нельзя было назвать. Однако это что-то было знакомо Антуану.

У него в мыслях мелькали смутные предположения. Он пытался преодолеть бездну прошедших лет. Но, прежде чем у Антуана начинало получаться, бездна снова исчезала. Оставались только фотографии, которыми он пополнял галерею неполных серий в своей голове. Остатки, с помощью которых он пробовал создавать мир своего раннего детства.

Узнаем ли мы таким образом правду? Складывая смутные фрагменты своих воспоминаний, снов и настоящего в единую картину? Как иначе мы справимся с загадочной жизнью, по которой бредем изо дня в день, толком не зная самих себя? Не зная, почему мы здесь?

Говорят, что мы постоянно находимся в поиске потерянных лет жизни.

Именно поэтому Антуан снова и снова возвращался к прошлому. Однако тьма не освещалась. У него не получалось последовательно соединить точки прошедших событий одной линией. В голове был неоднородный хаос, которого он не понимал. Антуан все время задавался вопросом, найдется ли однажды человек, который сможет собрать его детские годы воедино. Есть ли вообще такой человек?

Мы берем с собой то «я», которое выросло из нашей прежней жизни, повсюду. Оно жужжит под ухом, как комариный рой. Нам нельзя сбежать от самих себя. Можно только меняться, как всегда

говорила мальчику Шарлотта. С каждым днем все больше становиться тем, кем хочется. Верить, что у всего есть смысл. И что этот смысл рано или поздно откроется нам, когда мы поверим в него и в самих себя.

Глава 20

Весеннее утро одиноко стояло над поляной. Завеса тумана обтянула стволы деревьев, словно белый шелк. Ветви едва выдерживали тяжесть своей цветущей красоты. Сквозь зелень падали косые солнечные лучи, в которых танцевали насекомые.

Внезапно Антуан увидел ее. В голубом платье, как чудо, которого он ждал до сих пор, она вдруг предстала пред ним. От нее струился тонкий волшебный поток. Вокруг было спокойно, доносился лишь тихий шорох сойки высоко в сплетенных листьях.

Какая магия от нее исходила! В ее глазах стоял влажный блеск, его глаза выражали глубокое удивление. Но главное – он почувствовал нежный аромат лаванды.

– Мама!

Марлен подошла к сыну на шаг ближе, обеими руками погладила его по щекам, поцеловала в лоб и крепко прижала к себе.

– Мама! Я так по тебе скучал. Где ты так долго была? Почему ушла?

– Я тоже по тебе скучаю. Каждый день.

Эти слова и улыбка были единственным ответом. Затем она взяла его руку. Раскрыла ладонь. Положила в нее семечко и осторожно накрыла пальцами. Еще мгновение ее мягкие руки держали его. Она посмотрела на него и сказала:

– Я люблю тебя, Антуан. Я всегда любила тебя и буду любить. Прошу, прости меня.

Из ее глаз текли, бежали по щекам и капали на землю слезы.

На долю секунды он закрыл веки. А когда открыл, она выпорхнула из его сна, оставив после себя нежный аромат лаванды и танец цветов под голубым небом.

Когда он проснулся, была ночь. Перед глазами еще проносились обрывки сна, как вдруг он ощутил в ладони что-то твердое. Стирая из

головой образы, он потирал глаза тыльной стороной кисти до тех пор, пока окружающее пространство не приобрело знакомые очертания. Открыв глаза, он поднялся в постели и взглянул на свою еще закрытую ладонь, которая тут же раскрылась, словно бутон.

Там лежало оно: семечко, которое его мать дала ему во сне. И он спросил себя, что более странно: реальность или наши сновидения.

Как такое возможно? Настоящее семечко. Реальное и осязаемое. Принесенное из выдуманного мира. Неужели оно и правда оттуда? Что это значит?

Его огромные сияющие глаза уставились на крошечное семечко, еще не подозревая о магии, которая от него исходит.

Лицо Антуана, слишком рано потерявшее все детские черты, впервые за долгие годы снова показалось мягким. Его душе, увидевшей слишком много всего в жизни – боли, расставаний, вещей, приведших к концу, хотя конца не предвиделось, – вдруг стало легче.

Шарлотта вошла в комнату еще перед рассветом, а вместе с ней вступила и новая жизнь. Теперь Антуан поверил словам о том, что их ждет благополучие, как только они пустятся в путь. И они пустились. С коробкой, полной фотографий, и маленьким семечком в кармане брюк Антуана.

Глава 21

Они отправились рано утром. Над полями еще стелилась ночная прохлада. Ее дыхание сгущалось в белые облачка, которые поднимались в небо, чтобы затем рассеяться.

Для Шарлотты это расставание было таким же, как и многие другие, случавшиеся до него. Она смотрела на свою еще юную жизнь, как на реку, которая брала свое начало вдалеке, подпитывалась другими бесчисленными реками и ручьями, переживала засуху, страдала от штормов и течений и снова успокаивалась. Однако теперь, только увеличиваясь с годами, текла все быстрее.

Для Антуана это было расставание, которое сулило встречу. Обретение стабильности. Дома. Антуану нравилось быть частью мира Шарлотты. С ней спорная карта его жизни стала чем-то осмысленным.

Будущее лежало перед ними, как клочок нетронутой земли. Будто мир раскрывался им, представал во всей красе, желая подарить то, в чем судьба им обоим прежде отказывала.

Они шли с сумками на плече. Брели бескрайними дорогами. Тропами, где не было никаких других следов, кроме их собственных. Наконец дорога повела через лес. И они двинулись по едва видимой тропинке, вьющейся вдоль пиний через подлесок.

Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев и рисовало мерцающую картину на усыпанной иголками земле. В прозрачной тишине утра Шарлотта и Антуан слышали малейшие звуки – жужжание шмеля, стрекот сверчка вдали, даже взмахи крыльев красноголового короля.

Деревья поредели. Лес остался позади. Впереди была изумрудная река. Там, где в нее впадал узкий ручей, слышался шум плещущейся воды. Над рекой поднимался молочно-белый туман, то густой, то редкий, протягиваясь над зеленью окрестных полей.

Девушка и мальчик вдыхали аромат утра, упивались им. Черпали уверенность в голубизне неба и широте возможностей, позволяли последним вместе с потоком воды течь в будущее.

Они шли вдоль реки под роскошной крышей из листьев, которую постелили по пути деревья. Извивы реки отливали стальной синевой. Вода текла спокойно. Шарлотту и Антуана сопровождало точное отражение листвы на ее поверхности. Лишь время от времени картина размывалась, когда по воде скользил ветерок.

Корни деревьев вгрызались в почву и местами торчали из земли. Ощупывая землю, словно пальцы, они тоже искали опору и находили ее. Повсюду цвела лаванда. Антуан погладил колосья, оторвал несколько цветков, потер между пальцами и вдохнул аромат.

Шарлотта и Антуан были не одни в пути, не одни, кто расправил крылья: птицы растянулись по декольте небес, словно нанизанные на леску жемчужины.

Они шли несколько часов, делая лишь короткие привалы. Да и длинные им были ни к чему, ведь само это путешествие являлось передышкой от прежней жизни. С каждым шагом в новую – старая сжималась, стягивалась в крошечную точку, исчезающую далеко позади.

Постепенно смеркалось, и день отказывался от красок в пользу прозрачности, в которую просачивалась тьма и закрашивала все черным, пока на небе не расцвели звезды и не озарили путь нежным светом.

Глава 22

Со следующего утра дорога стала труднее. Многие маршруты можно было преодолеть только по железной дороге. Несколько дней спустя они наконец сели на корабль. Шепот гавани и маслянистый запах пароходов. Плеск воды, бившейся о ржавые, покрытые коркой столбы. Простор океана и обещание новой жизни.

Корабль отчалил. Скользнул сквозь длинные нити водорослей в бесконечную синеву. Шарлотта и Антуан стояли на палубе под раскаленной луной. Шум гавани становился все глуше, пока совсем не исчез вдалеке. В воздухе витал соленый запах моря.

– Этот путь приведет нас на край света, – сказал Антуан.

– Или дальше, – кивнула Шарлотта.

После того, как они пересекли значительную часть моря, у Шарлотты вдруг возникли мысли о том, правильно ли она поступает, но стоило им превратиться в сомнения, как расплавленное солнце вырвалось из воды и залило ее едва ли не неземным светом.

Затем внезапно над ними расстелилось другое небо. Новое небо, полное загадок и тайн.

Корабль причалил. Шарлотта взглянула на чудо, которое открылось перед ними. Вот она, другая сторона моря.

Еще четыре дня они шли пешком, пока не добрались до чуть ли не волшебного места. Водопад прорезал скалу, и у ее подножия образовалось небольшое озеро, из которого вытекал ручей. Вокруг озера стояли плюмерии в полном цвету. В воздухе витал прекрасный аромат. Иной раз легкий ветер срывал с ветвей цветы, сдувал их на воду и как по волшебству переносил плотный цветочный ковер на озеро. Образ, подобный тысяче упавших с неба звезд. Течение уносило яркие цветы к устью ручья, а оттуда – во все уголки света.

Шарлотта и Антуан присели на корточки на рассеченную трещинами глыбу и дышали чудом, которое им открылось. Камни

были теплыми на ощупь. Девушка и мальчик почувствовали себя как дома.

Всего в нескольких шагах от этого природного зрелища открывался вид на ярко-зеленые рисовые террасы.

Шарлотта и Антуан прибыли. Прибыли в самое сердце клочка земли, не знакомого Шарлотте прежде, но озаряющего своей красотой все ее мечты. Она всегда верила, что однажды найдет эту волшебную страну, место, где ее душа расправит крылья. Место, где раны жизни залечатся и затянутся. Уголок мира, в котором Шарлотте не придется страдать от пугающей ее современности.

Оба чувствовали себя так, будто из старого мира, похожего на сеть, они вырвались в мир, созданный для них.

«Одним временем пробелы между нашими мечтами и реальностью никогда не заполнить, – думала Шарлотта. – Ничего не сбудется без наших усилий».

У Шарлотты возникло странное чувство, что ей уже знакомо это место. То ли из снов, то ли из другой жизни – этого она не знала. Вроде предвестника того, что должно здесь произойти. Знака, что здесь исполнится ее предназначение. Даже запах местности казался ей знакомым.

Она безмолвно стояла, ощущая не столько физическое спокойствие, сколько нечто еще более глубокое: покой. Душевный покой.

В этой местности было что-то таинственное. Шарлотте казалось, что здесь возможно все. Все на этом клочке земли было окружено аурой вневременности – идеальное место, чтобы начать новую жизнь.

Шарлотта вдыхала чарующий аромат страны и чувствовала, как легкие наполняются ее силой. «Если ты нашел свое место в мире, оно раскроет в тебе все самое лучшее», – думала она.

Глава 23

Где именно они находились? Таблицы с названиями улиц встречались, только если везло. Указатели расстояния – еще реже. Как будто люди в этой стране естественным образом следовали внутренней, а не внешней карте.

У Шарлотты сложилось впечатление, что большинство людей приезжают сюда, чтобы заново наладить жизнь. Что сюда бегут от ужасного хаоса в мире, в котором из-за бесконечных возможностей больше нельзя найти для себя единственный верный путь.

– Порой чужие возможности должны отпасть, чтобы уступить место истинному предназначению, – сказал Катут, невозмутимый старик, у хижины которого они наконец очутились, прежде чем на страну опустилась ночь. Улыбка промелькнула на смуглом морщинистом лице стройного мужчины и обнажила белые ровные зубы, которые казались крепкими и сияющими, как слоновая кость. – Многие гонятся за тысячами возможностей в поисках себя. Однако это опасно. Это лишь отвлекает. Они теряются вовне. Начать следует с себя. Понять, кто ты есть и кем хочешь быть. Только когда ты это поймешь, возможности принесут тебе пользу. Только тогда ты сможешь, заглянув внутрь себя, выбрать те, что приведут тебя на твое место.

Катут высунул голову чуть подальше из окна и посмотрел на Шарлотту и Антуана поверх очков. Затем пододвинул очки к переносице и внимательнее рассмотрел их через стекла толщиной с бутылочное дно. Наконец он открыл дверь и пригласил их войти.

Катут стоял в кафтане, доходившем до колен. Только теперь Шарлотта и Антуан заметили, насколько мал их новый знакомый.

Старомодность и простота его хижины впечатляла. Семеня и пританцовывая, он налил Антуану и Шарлотте чай и позволил рассказать о путешествии.

– И что вы надеетесь найти здесь, в этой стране?

– Постоянство.

– А оно существует?

– Здесь происходят чудеса. Так говорят.

– Чудеса происходят повсюду. – На лице Катута вновь показалась улыбка.

Крепкое рукопожатие Катута и спокойствие, с которым он смотрел на Шарлотту и Антуана, придали им немного уверенности. Оба по-своему знали: в доме Катута и в этой новой стране их история в надежных руках.

Они остались на ночь. Давно им так хорошо не спалось, хотя засыпать пришлось на циновке, расстеленной на каменном полу. Большого им сейчас и не требовалось. Дневной свет прокрался так же осторожно, как и ускользнул накануне вечером. Шарлотта и Антуан смотрели из окна на пейзаж, залитый мягким масляным светом. На травах и рисовых полях сверкали капельки воды. Повсюду красовались папоротники. Пахло зеленью. Вдали в рассветных сумерках начали вырисовываться первые дома.

Мальчик и девушка останутся здесь.

Глава 24

Первые два года пролетели быстро. Найти небольшой дом. Завести друзей. Устроить Антуана в местную школу. Построить павильон для разведения растений. Освоиться. Все складывалось так гладко, как бывает лишь тогда, когда человек находится на своем месте.

Шарлотта подарила Антуану ту любовь, защиту и безопасность, которые в первые годы жизни он мечтал получить от матери, но так и не сумел. Точно так же быстрый, проворный шаг счастливого мальчика привнес легкость и полноту в жизнь Шарлотты. Лишь изредка Антуан жалел сам себя. За детство, которого у него не было, и за боль, которую ему причинили.

– Некоторые дети переживают ужасное и растут в жестоких условиях. Но поверь, Антуан, когда проходишь через такое, для будущего это самая убедительная школа жизни, что только есть, – однажды сказала ему Шарлотта. – Оглядишься, кто из людей, которых ты видишь, сам выбирал свое детство? Не у всех есть семьи, которые они заслуживают. Тем не менее нельзя давать себя в обиду жизни. Даже если уже в юности мы испытали слишком много боли. – Она обхватила руку Антуана пальцами. – Если жизнь, о которой мы мечтаем, не исходит извне, то она должна исходить изнутри. А чтобы становиться шире и глубже, она должна трансформироваться. Никто не обязан мириться со своей судьбой. Всегда можно что-то изменить. Мы не во власти ни капризов злого рока, ни капризов других людей. Мы проживаем несколько жизней в одной, и сердце каждого хранит намеченный план. Наше будущее в наших руках. Потому что они существуют: чудесные повороты в жизни каждого из нас.

– Думаешь, мы приходим в этот мир с готовым планом?

– Не знаю. Но это ничего не меняет. Либо у нас есть предначертанный путь, и его нужно найти. Либо у нас его нет, и нужно ежедневно прокладывать его самим в ту жизнь, о которой мы мечтаем. В обоих случаях медлить нельзя. Нужно действовать. У каждого из нас есть определенное обязательство перед самим собой: с помощью имеющихся возможностей построить лучшую жизнь, какую только можно вообразить. Жизнь, которая ему подойдет. Не идти по чужим следам, а оставлять новые.

Глава 25

Десять лет спустя

Однажды Антуан, зажав в зубах травинку, спросил:

– Почему ты так и не вышла замуж?

– Когда я осознала, что мужчина, за которого я хотела выйти, душил мою жизнь, все живое во мне, я ушла от него, – ответила Шарлотта, обрезая у кустов и деревьев засохшие ветви.

Утренний свет падал сквозь перистые листья шелкового дерева и оставлял на земле четкий узор, похожий на роскошный ковер. На загорелой коже Шарлотты и Антуана танцевали пятна света.

– Был только он?

– Нет, не только. Это долгая история. И не для такого прекрасного дня, как сегодня.

– Тоже плохой конец?

Шарлотта пожала плечами:

– Для этого было неподходящее время.

– Но ведь у такой красивой женщины, как ты, должно быть много поклонников.

Она улыбнулась и промолчала.

У Шарлотты были поклонники. Много. Однако никто из них не затронул ее душу.

Она знала себя достаточно хорошо, чтобы понять, что нужно ей для счастья. И она была достаточно мудра, чтобы осознать, что лучше оставить в жизни пустое пространство, чем заполнить его ненужным. Только так можно встретить именно то, что необходимо.

– Цени эту пустоту, потенциально возможное важно не меньше, чем достигнутое, – постоянно твердила она себе. Она знала, кто ей нужен. Знала, с кем бы она составила целое. Она уже встречала его, мужчину, про которого интуиция говорила, что они созданы друг для друга. Но его пространство было занято.

Несмотря на то, что поначалу не думать о нем казалось таким же невозможным, как не дышать, она научилась жить со своей тоской, хотя в глубине души знала, что он – тот самый.

Ведь порой просто знаешь, и все.

Глава 26

Под вечер Антуан лежал на спине в траве и смотрел на небо. Синеву прорезали восточные воронки. Стояла такая жара, что даже из-под коры деревьев выделялась вязкая смола янтарного цвета. День плавился, как воск.

Шарлотта смотрела на уже двадцатилетнего Антуана: все более заметные черты указывали на первые признаки мужчины, которым он вот-вот должен был стать. Брови правильной формы, прямой нос и резко очерченный подбородок придавали выразительному лицу благородный вид. Крошечные, но четко выраженные ямочки на щеках и в уголках рта подчеркивали таинственность, питаемую глубоким внутренним спокойствием. Вокруг рта и на челюсти появилась темная щетина. Тело обрело мускулистость, но не выглядело чересчур сильным, а руки, несмотря на шрамы, оставались мягкими и тонкими, как пальцы хирурга.

Когда больше десяти лет назад они приехали на новую родину, Антуан временами проявлял смирение человека, который слишком многое пережил в раннем детстве. Возможно, поэтому он пускал в свою жизнь лишь некоторых. Долго – лишь тех, кто был добр к нему. Или тех, кто затрагивал что-то в его душе. Но это удавалось немногим. От большинства он закрывался, как устрица. Однако те, кому он открывался, находили в нем скрытое сокровище.

Уже несколько месяцев мысли Антуана вращались вокруг вопроса, что делать со своей жизнью. После множества неудачных попыток этот вопрос занимал его все больше. Антуан часто

советовался с друзьями о том, что ему точно подойдет, но в результате становился еще более неуверенным, чем раньше.

Шарлотта понимала мысли Антуана чуть ли не так же, как свои собственные. Не отрывая взгляда от рабочего стола, за которым занималась скрещиванием гибискусов, она спросила:

– Что надумал, Антуан? Ты уже определился?

– Все советуют разное.

– Спроси дюжину людей, и ты получишь дюжину разных советов. Человек всегда получает столько разных ответов, скольких людей он спрашивает.

– Может, то, что подходит большинству, подойдет и мне?

– Это самое простое, Антуан, – ответила Шарлотта, отрезав маленьким острым ножом колонку мужского цветка гибискуса, чтобы тонкой кисточкой нанести пыльцу на пестик женского цветка. – Тебе не кажется, что ты слишком долго упрощал себе жизнь? Ты никогда не вспахиваешь незнакомую землю. Подбираешь только то, что выбрасывает под ноги прилив. Когда нужно как следует сосредоточиться на себе, ты чаще смотришь на то, что делают другие. Ты переносишь фокус с себя на них. У каждого своя жизнь и судьба. Подражание – самоубийство. Себя нужно искать в себе же. Все необходимые указатели для руководства жизнью – в тебе.

– Я что, должен определиться сейчас?

– Да, Антуан, должен. Если не хочешь, чтобы это сделали за тебя другие. Или если не хочешь стать жертвой болезни потраченной жизни, которая на каждом углу. Тебе нужно иметь конкретное представление о том, кем ты хочешь быть. Даже самому опытному стрелку трудно попасть в цель, которую он нечетко видит.

– Что это должна быть за цель?

– У тебя ведь есть мечта. Она у тебя есть, сколько я тебя знаю. А ты посвящаешь себя чему угодно, только не ей.

– Потому что она недостижима.

– Как ты можешь так говорить?

– Я сирота.

– Твое происхождение не показатель того, что ты не годишься для чего-то великого. С чего ты взял?

– Так говорят...

– Мало ли что говорят. Обычно большая часть из этого – вранье. В лучшем случае – половина. Никогда не забывай: хоть судьба и раздает карты, играть учит жизнь. Тот, кто проявляет решительность и усердие и одновременно не теряет веру в себя, играет хорошо даже плохими картами. Зачатую трудности помогают нам расти и учат играть. Если жизнь слишком проста или мы сами себе ее упрощаем, мы устраняем условия, которые мотивируют нас на нечто воистину великое.

– Но люди более благородного происхождения сейчас уже ушли дальше, чем я...

– Смотри на себя. Те люди – это те люди. Сравнить себя с ними бесполезно. Единственное сравнение, которое имеет значение в жизни, – это сравнение с самим собой. Вопрос, который следует себе задать, должен звучать не «насколько далеко я от остальных», а «насколько далеко я от того, кем хочу быть». Ответ на него ты найдешь только в себе.

Антуан закатил глаза.

Не отрываясь от работы, Шарлотта произнесла:

– Я все видела, мой дорогой!

– Ох уж эти многочисленные возможности! – Антуан вздохнул. – Нет ничего плохого в том, чтобы попросить совета у старших, которые однажды уже через это проходили.

– Если не пытаться пойти их дорогой.

– Почему это так предосудительно?

– Потому что, как правило, их путь нам не подходит. Он не слишком длинный или слишком короткий, он просто не наш, нам не по душе. В итоге мы живем жизнью, которая ближе чужой, а не нашей природе. Жизнью, которая хоть нам и знакома, но никогда не станет нашей. – Шарлотта посмотрела на Антуана. – Не позволяй своим мечтам бесшумно таять, словно кубикам льда в горячей воде. Иди своей дорогой. На протоптанном пути не найти следов.

– А если я не знаю, кто я?

– Тогда выбери из всех возможностей своего «я» самую желанную. У каждого из нас есть выбор. Выяснить, что нас характеризует и направить свою жизнь в правильном направлении, или стать жертвой произвола тысячи случайных мимолетных мгновений. Часто мы не принимаем неправильное решение, а воздерживаемся от принятия правильного. И когда мы отказываемся решать, за нас

решают либо другие, либо судьба. – Шарлотта откашлялась. – Что бы ты ни сделал, Антуан, пообещай мне одно: не быть куском глины в руках других.

Антуан задумчиво кивнул и сказал:

– Моя мечта кажется такой далекой от реальности.

– Ты должен сам создавать возможности, которые приблизят тебя к ней. Мечты не сбываются просто так. Нужно идти им навстречу. К тому, чего мы хотим, надо подходить решительно. Жизнь одна. Не соглашайся на нечто меньшее, чем то, о чем мечтаешь. Что тебя останавливает?

– Я не уверен, что достаточно хорош.

– Если ты всем сердцем этого хочешь, то станешь не только достаточно хорош, но и непобедим. Сомневаться правильно, но над этим нужно работать. Сомнения должны иметь основания и двигать тебя вперед, стать полезной критикой. Спроси свои сомнения, норовящие все испортить, почему то-то плохо или неправильно. Если они смогут предоставить доказательства, можно воспринимать их всерьез. Будь внимательным. Смелым. Упорным. Тогда придет день, и сомнения станут тебе союзниками, а не помехой.

– Я подумаю об этом.

– Одними раздумьями тут не поможешь. Нужно действовать. Только тогда ты почувствуешь, где твое место. Никто не отнимет у тебя то, что делает тебя собой. Никто. А теперь, Антуан, назови мне хоть одну причину, почему ты не можешь взять жизнь в свои руки и стать хирургом?

Антуан встал, отряхнул траву с волос и одежды и обхватил Шарлотту руками.

Глава 27

Шарлотте не нравилось беспокойство, которое навязывает людям современный мир. Манящие и одурачивающие молодых людей обещания, что они найдут искомое вовне. Она была убеждена, что каждый может найти счастье лишь в самом себе.

– Ты бы пожелала другим такой жизни, как у тебя? – спросил Антуан.

– Некоторых событий – точно нет. В твоём возрасте я твердо решила жить, как в романе, который однажды после себя оставлю. Самой написать свою историю, а не позволить кому-то. Прожить достойную внимания жизнь. Таковую, которой смогу целиком и полностью себя посвятить.

– Еще ведь не поздно.

– Некоторые главы мне уже не удались.

– Какие?

– Те, которые за меня написали другие. И те, которые я прожила в соответствии с чужими ценностями. – Шарлотта на секунду задумалась. – А вообще, все мы художники, и жизнь наша должна быть произведением искусства. – Она смахнула с лица прядь волос. – Разум может быть лишь фундаментом жизни. А строительный материал должен поступать из души.

– Душа. Что это значит? Ты и правда в нее веришь? И в жизнь после смерти?

– Работая медсестрой, я видела и рождение, и смерть. Что происходит до и после, мне неизвестно. Однако чудо жизни настолько велико, что этого «до и после» просто не может не быть. Тем не менее, пока мы живы, нужно задаваться вопросом, что происходит между рождением и смертью. В этом суть настоящего.

Под его рубашку проникала нежная прохлада позднего летнего вечера. К сиреневому небу поднимались ветви деревьев, покрытые листьями. Антуан оглядывался на прошедшие годы, и они казались ему каким-то нереальным временем, временем, которое прошло не обычным потоком, а прерывисто и скачками. Будто последовательные моменты разделяли рвы. Дни шли друг за другом, но не были объединены между собой. До этого момента у Антуана не было планов на будущее. Лишь мечта, в которую он не верил. Однако этим вечером он впервые почувствовал связь со Вселенной.

Наступила ночь. Деревья, сияющие серебром в лунном свете, вдруг показались Антуану символом жизненного пути, на который он решился встать. Шарлотта права. Кто смотрит вдаль, тот видит свою жизнь с поразительной четкостью.

Тогда он понял: он станет врачом. Вселенная привела его в этот мир именно с этой целью.

Глава 28

Шесть лет спустя

Шли годы, и Жюль переживал их, словно бушующий шторм. Несмотря на свою стоическую выдержку, внутри он был разорван на куски.

Флорентина, которой тем временем исполнилось восемнадцать, превратилась в элегантную девушку. Хотя все в ней было существенно проще, поведением и манерой одеваться она напоминала Луизу. И все же темные волосы, тонкие длинные пальцы и хрупкое телосложение были у нее от другой матери. Ее мечты тоже со всей очевидностью происходили из другого мира. Казалось, они были предназначены для чего-то иного. Она не могла определиться, во что ей верить, но в глубине души чувствовала, что создана для другой жизни – совершенно отличной от той, которой жила с Жюлем, бывшим судьей, и Луизой, коллекционером произведений искусства, помешанной на роскоши. Ничто не было Флорентине менее близко, чем это. Она любила искусство, как и ее мать. Была эстетом, имеющим представление о прекрасном и умеющим запечатлеть его в своих картинах. Однако полотну она больше предпочитала свой медный дистиллятор, с помощью которого извлекала абсолюты жасмина, лаванды и других цветов и трав. Собирать в пузырьки ароматы мира – вот что было ее страстью. Она пыталась извлекать запахи даже из травы, дождя и влажной земли, тем самым создавая свой собственный чувственный мир. Благодаря ароматам она открыла доступ к месту своей мечты. Некоторые запахи пробуждали в ней нечто магическое, приближая к той женщине, которой она хотела быть. Ее сердце и тонкое обоняние были неразделимы.

Больше всего Флорентине нравилось извлекать эссенции из целебных трав, которые помогают при различных недугах. Жюль любил наблюдать, как она достает свои воронки и склянки, смешивает настойки, запечатывает пузырьки и наклеивает на них этикетки.

Когда дело доходило до того, чтобы вернуть кому-то душевное или физическое равновесие, она умела правильно определять, какая трава или аромат нужны этому человеку.

Долгое время Флорентина занималась своим увлечением только ради забавы, поскольку у матери были на нее другие планы. До того, как Флорентина набралась смелости, чтобы вдохнуть жизнь в свою мечту – изучение природной медицины, она была невидимой, а теперь засияла. Однако, прежде чем это произошло, ей пришлось проделать долгий путь.

Флорентина не понимала, почему зачастую не чувствует себя дочерью своих родителей и самой собой. Она была более чем желанным ребенком. Ее любили. Даже слишком, как ей порой казалось. Однако, хоть их с родителями и связывала семья, это была лишь родственная связь, а не родство душ. Ни внутренним, ни внешним она с ними не делилась.

Флорентина часто задавалась вопросом, можно ли пустить корни в семье, которая тебе не подходит. Она была настолько полна сомнений, что потеряла всякую уверенность. Пока именно Жюль не показал ей, что все возможно. Что почти все возможно, если верить в себя. Пока ее отец, который, хоть и не был на нее похож, но когда-то был с ней близок, не вмешался в ее жизнь. Который слушал ее, интересовался ее миром.

Проводимое вместе время было настолько чистым и искренним, что в какой-то момент они стали понимать друг друга, не обмениваясь ни словом. Между ними росла близость, несколько ослабляющая чувство отчужденности, которое, тем не менее, никогда не исчезало полностью.

Флорентина знала, что ей нельзя жаловаться на жизнь. То, что было у нее, намного превосходило то, что когда-либо будет у большинства людей. Поэтому она старалась ценить это и извлекать максимум выгоды.

Любовь Луизы к дочери была такой сильной, что зачастую перекрывала ей кислород.

Страх потерять Флорентину рос на ее лице, как родимое пятно. Флорентина догадывалась, что, должно быть, до ее рождения жизнь Луизы была наполнена глубокой печалью, и своим существованием Флорентина перекрывала какую-то черную, сосущую пустоту.

Своей любовью Луиза так крепко привязала к себе Флорентину, что в подрастающей девушке, стремящейся к свободе, одновременно рос страх, что мать останется ни с чем, словно пустой сосуд, вырвись она из ее объятий. Так что внутренняя и внешняя свобода оставались заветным желанием, а возможность выйти в мир и быть тем, кем хочется, – неисполнимой мечтой.

Флорентина часто представляла, каково это: жить собственной жизнью. Создавать себя. Однако каждая попытка, какой бы решительной она ни была, заканчивалась неудачей. Своей любовью Луиза очертила вокруг дочери такие тесные границы, что та считала невозможным их пересечь.

Долгие годы подрастающая девушка жила жизнью, которая ощущалась так, будто предназначена ей не судьбой, а Луизой. Жизнь в красивом коконе, слишком тесном, чтобы расправить крылья и научиться летать.

Луиза считала, что точно знает, что хорошо для ее дочери. Она не позволяла ей быть собой, а пыталась изменить везде, где это казалось ей необходимым и возможным. Превратила свои мечты в мечты Флорентины.

В Луизе снова и снова рос страх, что дочь, лишись она влияния над ней, попадет туда, куда у нее не будет доступа.

Какое-то время она даже отправляла Флорентину в художественную школу, потому что, по ее мнению, ничто так не добавляет последних штрихов в образ красивой девушки, как занятия историей и искусством. И потому что это была ее собственная мечта.

Флорентина никогда не любила рисовать. У нее это просто хорошо получалось. Ее хвалили. Поэтому она продолжала. Флорентина не рисовала чистыми красками, предпочитая смешивать цвета. Они струились по полотну, словно шелк, словно симфонии, исполненные на холсте. Девушка использовала то толстые кисти, то тонкие, будто нервные окончания, но что бы она ни делала, все ее

работы настолько были наполнены жизнью, что картины буквально выходили за рамки при взгляде на них. В ее искусстве не было ничего искусственного, в каждом сюжете можно было созерцать красоту реальности.

Говорить нечего, у нее был талант. Однако ее сердце билось не ради живописи. А одного таланта, как известно, недостаточно, когда не любишь то, чем одарен. Флорентина хотела стать натуропатом.

– Натуропатом? Милая моя, не выставляй себя на посмешище, – отвечала на это Луиза, не отрываясь от работы.

Именно своей антипатией к планам Флорентины она пресекала любую попытку дочери расправить крылья. У Флорентины возникало чувство, что Луиза видит в ней не ту дочь, которой та является, а ту, которую она выдумала. Ту, которую хотела бы иметь. Ту, которая разделяла бы ее таланты и интересы. Флорентине казалось, что все ее занятия – это домашние задания, которые дает ей Луиза, а не решение задач или выполнение целей, которые ставит перед ней собственная жизнь.

Долгое время она пыталась соответствовать представлениям Луизы. До тех пор, пока не начала ощущать свою жизнь, вернее, ее отсутствие, и не попыталась от этого освободиться. Вскоре мать поняла, что дочь все больше отдаляется от нее, и начала от этого страдать. Как бы ей хотелось стать для Флорентины матерью, которая была бы и другом, и советчицей. Как бы ей хотелось дать дочери то, о чем она всегда помнила бы, что указывало бы ей путь. Но у нее не получалось. Ее собственный ребенок просто ей не открывался. Она чувствовала, что, сама того не желая, неправильно поступает с дочерью.

Флорентина не выдержала занятий в художественной школе и через несколько недель уговорила Жюля ее забрать. Ей было стыдно, что она не смогла оправдать ожиданий Луизы. А Жюля поражало, насколько противоположны мать и дочь и как мало между ними близости.

– Терпеть не могу ее попытки изменить меня по своему вкусу. Я – это я. Я не она. Я не хочу идти по ее стопам. Я хочу проложить свой

путь, – сказала Флорентина, глядя в бледно-голубое небо. Жюль молчал.

– Прости, папа. Я тебя разочаровала, да?

Закатав рукава рубашки, Жюль заложил руки за голову и откинулся на спинку садового кресла.

– Нет, милая. Ты меня не разочаровала. Разве что удивила. Откровенностью, я имею в виду. Хорошо, что ты идешь своим путем.

– Но некоторые возможности я уже упустила.

– Во времена, когда возможности, казалось бы, безграничны, сознательно оставить некоторые из них позади может оказаться весьма полезно. Так цель перед глазами станет четче, а в сердце прибавится покоя. С ума ведь сойдешь, если все будет возможно. Как не потерять веру в то, что можно найти правильный путь? – Он потянулся к деревянной коробке, лежащей в траве, откинул крышку, вынул одну «Партагас», провел по ней носом, откусил кончик и зажег ее. – Все зависит от нас самих, – продолжил Жюль и с удовольствием сделал первую затяжку. – Можно обменять жизнь, которой мы недовольны, на другую. Никому нельзя позволять на себя влиять.

– А если у меня не выйдет? – спросила Флорентина.

Жюль секунду помедлил, посмотрел вслед ласточкам, которые отбрасывали на землю преследующие друг друга тени, а затем сказал:

– Старательный и действующий из благих намерений никогда не потерпит неудачу в том, что ему предназначено. Если мы терпим в чем-то неудачу – значит, это не наше. Нам становится близко только то, что нам подходит. Неудача – это всего лишь конец чего-то неверного и начало верного. Полетит тот, кто раскинет руки при падении.

Флорентина посмотрела на него. Всякий раз, когда она сталкивалась с его темными добрыми глазами, ей казалось, будто он видит ее насквозь и понимает все, что происходит внутри нее. Они настолько хорошо друг друга знали, что малейшее движение, малейшее изменение в выражении лица или тоне голоса говорило им обоим больше, чем можно было выразить словами. И действительно: никто, кроме отца, так хорошо не понимал, что для того, чтобы быть счастливым, человеку необходимо привести свою внешнюю жизнь в соответствие с внутренней. Что в материале, из которого соткана жизнь Луизы, Флорентина чувствует себя некомфортно.

- Я не хочу ее разочаровывать, – призналась Флорентина.
- Ты не можешь ее разочаровать.
- Но мне трудно не считаться со всем, что она для меня выдумала.

Вдобавок ко всему она такая идеальная и сильная женщина.

– Да, это про нее. Луиза замечательная. Но почему ты хочешь ей – да и вообще кому-то – соответствовать? Ты прекрасна такой, какая есть. Ни одна копия не бывает безупречной. Ищи свой собственный голос.

- Но кто я?
- Выясни это.

Он стряхнул пепел с сигары в траву и, прежде чем снова сунуть ее между зубами, сказал:

- Существуют тысячи дверей в жизнь. И ты найдешь свою.
- Свою собственную?
- Твою собственную.
- Но как это сделать?
- О чем ты мечтаешь?
- Мечты – это одно. А реальная жизнь – другое.

– Нами движут мечты. Возможно, сперва это незаметно, но кто знает, насколько стремительно мы к ним идем, пока с виду они удерживают нас на месте. – Он затянулся сигарой и выпустил облачка дыма, которые поднялись к небу и рассеялись. – Лишь тот, кто следует своим мечтам, может стать человеком, цветок жизни которого не нуждается в уходе. Он сам по себе растет, формируется и наполняется. Благоухает.

– Но наступает момент, когда люди, преследуя свои мечты, переступают границу между смелостью и глупостью.

– Если будешь внимательна, то будешь держать эту границу в поле зрения. Ты удивишься, Флорентина, какие перспективы перед тобой откроются, когда ты вернешься к своим мечтам.

Повисла долгая пауза. Затем Флорентина спросила:

– А ты, ты мечтаешь?

– Немного, – с улыбкой ответил Жюль и пожал плечами. На мгновение он вспомнил волшебный момент из прошлого, которых в его жизни было, конечно, немного. Настоящее ненадолго потускнело, и в Жюле пробудилось чувство, которое он считал мертвым. Пока Флорентина не отвлекла его от мыслей:

– Почему ты не живешь так, как советуешь мне?

Вопрос, который он едва осмеливался задать самому себе. В одно мгновение он вдруг осознал, что с того дня в родильном доме его жизнь просто текла мимо, однако он никогда не направлял ее в желаемое русло. Отчаяние и покорность судьбе парализовали его. Теперь он понял, что, подменив детей, совершил непростительную ошибку не только потому, что не обдумал масштаб последствий, но и потому, что не знал тогда своего сердца. Того, чего на самом деле хотел от жизни.

Флорентина посмотрела на него и повторила вопрос:

– Скажи же, почему ты не живешь так, как советуешь мне?

– Потому что эта мысль озарила меня только что, именно сейчас, в этот самый момент.

Флорентина рассмеялась.

Именно она была теперь его компасом. Компасом, заставившим осознать, насколько сильно он сам отклонился от того, о чем когда-то мечтал. Именно Флорентина. Которую он – без ее ведома – вырвал из ее жизни с корнем и пересадила в другую.

Он смотрел на свое отражение в окне летнего домика, стоящего напротив, и пытался разглядеть лицо двадцатилетнего Жюля. Его надежды. Его мечты. Он понял, что ему, как и Флорентине, придется заново учиться жить.

Флорентина вопросительно смотрела на него своими сверкающими глазами. Когда он замолчал, она поцеловала его в щеку. Жюль улыбнулся. Это был один из тех коротких моментов в жизни, что были для него дороже золота. Однако эти мгновения быстро терялись, словно золоченая пудра в песке, и пустыня безнадежности простиралась перед ним в бесконечность.

Прежде чем оставить Флорентину одну, он сказал:

– Ты сама пишешь свою историю. Заканчивать ее тоже тебе.

Глава 29

Порой силы на то, чтобы изменить свою жизнь, проистекают всего из одного замечания.

Внезапно – это случилось весной, – сбросив с себя все, прежняя Флорентина исчезла. Ее место заняла уверенная в себе девушка, неповторимая, вдохнувшая жизнь в свою мечту.

Она освободилась из слишком тесного кокона и наконец расправила крылья, всего за несколько недель построив свой собственный мир.

Флорентина полностью отдалась своей страсти – изготовлению эфирных масел и натуральных лечебных средств. О целебном действии ее препаратов вскоре узнал весь город. Жюль оборудовал для нее собственную лабораторию и процедурный кабинет в бывшем летнем домике. Чтобы полечиться у Флорентины, люди стекались со всех сторон света.

Хотя Луиза знала, что деятельность дочери не нравится в ее кругах тем, кому должна бы нравиться, в какой-то момент она с этим смирилась. Жюль и Флорентина уже давно были друг другу ближе, чем она любому из них, и Луиза не вынесла бы, если бы оба полностью отвернулись от нее.

Задолго до рождения Флорентины – в период нереализованного желания иметь детей – неутолимая жажда материнства растеклась в Луизе, как черные чернила, словно покрыв собой все, чем она была раньше. С каждой новой потерей ребенка черное пятно внутри только росло. Как темная краска на полотне, постепенно впитывающаяся все глубже в волокна материала, внутри Луизы образовалась большая черная дыра.

Когда она наконец взяла Флорентину на руки, это пустое пространство полностью заняло маленькое существо. Луиза проецировала на дочку все свои желания и потребности. Однако та, как и любой подросток, в конечном счете превратилась в девушку, ищущую свой собственный путь, и чем больше она начинала отделяться от матери, тем с большей паникой Луиза пыталась ее удержать. Тогда Луиза поняла, что отпускать – что на самом деле требовало меньше усилий, – несравненно тяжелее.

Когда Флорентина наконец устроила свою жизнь, и Луиза неизбежно стала проводить больше времени наедине с собой, ей

пришлось осознать, что той женщины, которой она была до материнства, до проявления желания иметь ребенка, больше не существует. Даже глядя в зеркало, она не находила в себе ничего, что напоминало бы ей о двадцати-, двадцатипяти-, тридцатилетней себе. В ней росли опасения, что все, что она когда-то собой представляла, безвозвратно потеряно.

Луиза достигла этапа, когда мы все задаем себе одни и те же вопросы: стоит ли наша жизнь того, чтобы ее жить? Имеет ли она значение? Неужели она уже прошла? Нагрянет ли что-то, что встряхнет нас, пробудит от привычного оцепенения? Вопросы, обрушившиеся на Луизу внезапно и с такой силой, что у нее чуть не закружилась голова. Вопросы, сопровождавшиеся неопределенной печалью и ощущением, что все, что когда-либо давало ей опору, безвозвратно ушло.

Какой была жизнь? Была ли она просто набором принятых и непринятых решений? Совокупностью обстоятельств и совпадений и наших толкований на их основе? Или жизнь была чем-то большим? Была ли она частью более масштабного плана? Если да, то, где в нем место Луизы?

Глава 30

– Во мне Флорентина не нашла ничего из того, что искала, – как бы случайно сказала однажды Луиза Жюлю, имея в виду совершенно не случайные вещи.

– Это не так, – ответил он.

В последние годы Жюлю не удавалось подобраться к Луизе. Как только он пытался поговорить с женой на более глубокие темы, ее первоначальное дружелюбие исчезало, и на лицо снова ложилась маска безразличия.

Жюль наблюдал, как она соединяет кончики пальцев обеих рук и задумчиво их рассматривает. Луиза посмотрела на него снизу вверх. Впервые за много лет посмотрела по-настоящему. И он решился выразить свои мысли, тщательно подобрав слова:

– Каждому человеку нужна своя собственная жизнь. Мы можем гордиться тем, что Флорентина идет своим путем. Нам нужно

поощрять ее отличие от нас, чтобы она могла проявлять свои таланты. Она имеет право на собственную жизнь, как и любой другой человек.

– Ты говоришь так, будто я лишила ее этого права, – резко сказала Луиза.

– Я этого не говорил.

Молниеносно голос Луизы снова зазвучал напряженно. Она ощутила дремлющий глубоко внутри гнев на себя и на мир.

– Флорентине не мешает пройти через то, что ей не нравится. Это закалит ее и в будущем позволит лучше справляться с ударами судьбы. Жизнь – это не прогулка. Это бег на выносливость, к тому же с препятствиями.

– Тем не менее мы должны иметь возможность стать теми, кем хотим быть. Только тогда мы обретем счастье. И Флорентина на пути к этому.

– Прошу тебя, Жюль. Не преувеличивай. Не думаю, что художественная школа была неправильным выбором для Флорентины. А хоть бы и так! Неправильный выбор профессии в начале пути – еще не конец света.

– Нет. Не конец. Но вещь серьезная. Мы ведь не должны усложнять Флорентине жизнь больше, чем нужно. Если она так быстро смогла исключить для себя эту профессию – тем лучше. Сложностей и так хватает. Извини, Луиза, но мне порой кажется, что ты хочешь сделать из нее женщину, которой мечтала стать сама. Но это уже другой разговор. Я хочу сказать, что нам надо больше доверять своему ребенку. Как и другие родители, мы переоцениваем свое влияние на ее счастье.

– Переоцениваем свое влияние на ее счастье? Хочу сделать из нее ту, кем не смогла стать сама? Глупости. О чем ты говоришь, Жюль?

– Мы оба не можем признать свой предел.

– Что ты хочешь этим сказать?.. Речь идет о Флорентине, а не о нас.

– Возможно, и о нас тоже. Вот смотришь на людей и видишь, что у них есть мечты. Смотришь на нас – видишь, что у нас их больше нет.

– Флорентина моя мечта. Она наполняет меня.

– Луиза, заполнять свою пустоту другим человеком – не самое лучшее решение. Этот человек, скорее всего, однажды уйдет и заберет с собой все, что в тебе есть. Только то, что ты вкладываешь в себя,

создаешь внутри себя, принадлежит тебе навсегда. Этого у тебя никто не отнимет. Наше счастье должно зависеть лишь от нас самих.

– От одной мысли о том, что Флорентина когда-нибудь уедет, моя и без того жалкая жизнь кажется мне еще более ничтожной.

– Ты ощущаешь свою жизнь жалкой?

– С каждым годом материнства во мне все меньше той Луизы, женщины с ее собственными желаниями и представлениями. Я больше не та, кем была когда-то.

– Мы все больше не те, кем когда-то были.

– Ну тогда я не та, кем хотела быть.

– Никто не обречен оставаться тем, кто он есть. У всех нас есть выбор. Я бы не хотел, чтобы ты видела все в таком мрачном свете.

– Я стараюсь вообще ничего не видеть.

– Мир вокруг тебя – это отражение твоего внутреннего мира. Измени свои мысли, и ты изменишь обстоятельства.

– Я чувствую себя загнанной в угол. Что можно изменить в моем возрасте?

– Попробай вспомнить себя. Порой нам приходится искать дорогу к самим себе, к тому, кем мы были, к тому месту внутри нас, где рождаются мечты. Это может быть долгий путь, если мы ушли уже далеко от себя истинных, если он скрыт под листвой прожитых лет. И смотря насколько крепко нас закалила судьба. Однако те, кто отправляется на поиски, всегда прибывают к цели, даже если они еще не знают, где находятся. Я в этом уверен. Зачастую то, что мы открываем, оказывается не тем, что мы искали, но тем, что нам необходимо. Отправляйся на поиски, и очень скоро в тебе снова вспыхнет страсть, которая когда-то заставляла твои глаза сиять, а жизнь – цвести. Иногда двигаться навстречу зарождающемуся будущему нам мешает лишь нехватка фантазии.

Луиза оперлась головой о руки. После долгого молчания Жюль сказал:

– Ты найдешь свое счастье. – Но в тот же момент пожалел, поскольку это прозвучало так, будто он хотел уйти из ее жизни.

Луиза это поняла.

– Мы. Что от нас осталось?

– О чем ты?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я, Жюль. Я понимаю, что надолго тебя покинула, когда так сильно захотела ребенка, а потом наконец родила. Но, когда я снова захотела жить совместной жизнью, мне стало ясно, что ты ею больше не живешь.

– Нас навсегда связывает любовь, любовь к нашему чудесному ребенку.

– Став родителями, мы потеряли друг друга.

– А возможно, задолго до этого. Думаю, нам обоим еще предстоит найти свое истинное место в мире. И сделать это мы сможем лишь тогда, когда придем к самим себе. Может, тогда это будет означать, что наши жизненные пути разойдутся. А может, и нет. Ясно одно: то, что мы значим друг для друга, можно сохранить. Прошлое, которое мы создали вместе, у нас уже никто не отнимет. Пришло время каждому идти своим путем.

Глава 31

Луиза знала, что он прав. Как далеко она ушла от человека, которым когда-то была?

Временами ее удивляла способность Жюля относиться ко всему и всем с пониманием. Она задавалась вопросом, к чему приведет это понимание или к чему оно уже привело. В минуты подобных размышлений Луиза еще чаще, чем обычно, думала о том, что ее дочь совсем на нее не похожа. На Жюля она тоже не похожа. Тогда на кого? В голове всплывали обрывки мыслей. На лице промелькнуло подозрение, словно отблеск света на мутном озере. Луиза захлопала в ладоши, будто желая избавиться от навязчивых мыслей, встала и сказала себе:

– Луиза, Луиза, только не сходи с ума. – Она прогнала из головы все чудовищное.

После рождения Флорентины их с Жюлем брак из года в год менялся. На смену страсти пришла дружба. В этих отношениях Луиза ощущала себя в безопасности, однако в то же время чувствовала, что ее женственность умирает. Иногда она даже жаждала, чтобы ее пронзила боль, просто чтобы снова себя узнать.

Когда они в последний раз друг друга желали? Желал ли он ее вообще? Или он уже давно желает другую?

Мы ожидаем от других лишь того, на что способны сами, хорошего или плохого. Мы видим в других лишь то, что уже есть в нас.

Саму Луизу не удивило, что в какой-то момент ее привлек другой мужчина. Она знала его еще со школы, а год назад случайно встретила снова. Его звали Азис. Теперь он был известным врачом. Азис любил искусство и время от времени покупал картины в ее галерее.

Когда Луиза смотрела на него, ее захватывали воспоминания о прошлом. О днях, наполненных счастьем. О почти забытых днях. Это были отношения из прошлого, прошлого, которое внезапно снова стало настоящим и окутало ее собой, словно теплым защитным плащом. Вернуло ей чувство легкости, утраченное с Жюлем. Тогда, как и сейчас, Луизу и Азиса связывала непринужденная дружба. Отношения без обязательств. Необременяющая симпатия. Уважение друг к другу, которое придает сил собственному «я».

Это произошло однажды во второй половине дня. Луиза закрыла галерею, задернула шторы в задней комнате, и они оба выскользнули из одежды. После она почувствовала себя живой и сильной. Наполненной. Желанной. Пусть это и не была любовь.

Смерть отслоилась от Луизы, как кора отслаивается от платана из-за его быстрого роста. Она избавилась от сухого покрова, сбросила его. Всего за один день она выросла из своего погибающего «я», содрала его с себя, словно обожженную кожу.

Луиза почувствовала себя неуязвимой, хотя бы на миг. И, пожалуй, что самое важное, – в каком-то смысле равной Жюлю. Ее любовь больше не зависела только от него, от ее мужа, у которого, казалось, все схвачено. Который для всего находит правильные слова. Которому жизнь почти ничего не может сделать. Который понимает даже бесконечно чуждую ей дочь.

То, что Луиза изменила в тот день, нарушила верность, она приписала Жюлю. В конце концов, это он лишил ее возможности чувствовать себя в браке живой, поэтому она имела полное право ожить с другим мужчиной. Пойти путем, которым Жюль никогда не следовал и не последует.

Луиза спустилась к озеру и поплыла сквозь тростник. Казалось, будто она плывет на месте. Время остановилось. А со временем и чувство блаженства.

Глава 32

Лежа на берегу озера, Луиза развернула лист бумаги, который Азис положил ей в карман, когда они прощались, прежде чем поцеловать ее в последний раз.

Вскоре после того, как они нашли друг друга, их пути снова разошлись, и она знала, что больше никогда его не увидит.

Дорогая Луиза,

мы оба знаем, что наша сегодняшняя встреча была первой и последней.

Ты находишься в поиске сама не зная чего.

А я думаю, что нашел то, чего никогда не искал.

Мы оба возвращаемся к жизни, которая изменилась за несколько часов.

И это хорошо.

Ты спрашивала у меня, где искать ответы.

Я не знаю.

Единственное, что я, как мне кажется, знаю, – что размышления не помогут найти ответов на главные жизненные вопросы. Решения кроются в самой жизни. Проживая ее, мы узнаем то, что в глубине души нам уже известно, но остается скрытым глубоко внутри нас.

Ты не можешь найти смысл жизни нигде, кроме как в себе самой. В этом ее загадка.

Когда выбираешь путь, доверяй тому, что говорит тебе душа. Тогда ты выберешь правильный.

Твой Азис

Луиза сложила из письма кораблик и пустила его по озеру. Вода омывала исписанную чернилами бумагу и смывала слово за словом, предложение за предложением. Азис прав: ответ был в ее сердце.

Глава 33

Только оставшись в одиночестве, он сбрасывал маску и смотрел на свое изможденное лицо. С годами поддерживать ложь становилось

все сложнее. На фасаде появились первые трещины. Чем дальше они распространялись, тем сильнее рос страх быть раскрытым.

Он боролся со своей ложью, как путешественник со слишком большим багажом. Не мог с ней жить, но и без нее не мог остаться, и постепенно начал чувствовать, что разрывается между тем, что хотел бы сделать, и тем, что нужно делать, словно натянутая ткань, осыпаясь по краям.

В любой момент время могло раскрыть его поступок, а ледяное дыхание истины – унести Жюль прочь. Он чувствовал, что ложь движет им, кружит его, как вызванный им самим ураган кружит листок с дерева. Листок, который теперь беспрестанно носится по улицам, нигде не обретая покоя.

Глядя в зеркало, Жюль видел человека, отмеченного клеймом молчания. С бесцветными, словно вода в стакане, глазами. С черными, словно чернила, морщинами. Обессиленный чувством вины и раскаяния, он чувствовал себя птицей, упавшей с небес.

В сущности, Жюль ощущал себя так же, как и Луиза: он больше не мог найти в себе того мужчину, которым когда-то был. Он стал себе чужим и устал от самого себя.

Жюль уже не мог сказать точно, когда все вышло из-под контроля, когда он потерял из виду свой собственный путь. Он лишь знал, что ему жаль Луизу. И что жалость – всегда плохой советчик. Что из глубокого отчаяния он совершил ужасную ошибку и не исправил ее, а задвинул подальше, оставив покрываться плесенью.

Теперь Жюль больше не мог этого выносить. Дойдя до предела, бывший судья чувствовал себя погребенным под своими мыслями. Жизнь во лжи давила на него, будто надгробная плита.

Как бы Жюль ни ломал голову, он не находил выхода, словно человек в тюрьме без окон, мечтающий о свободе.

Пока он шел к другу, торседору, все эти мысли бешено носились в голове, словно стая ос вокруг гнезда.

– Что скажешь, Жюль? – спросил друг, когда тот вошел в магазин сигар.

– Что тут скажешь? – Жюль рухнул на стул рядом с входной дверью и провел по глазам дрожащими пальцами.

– Неважно выглядишь, – заметил торседор, подняв взгляд от табачного листа, из середины которого только что вырезал жилку. – Тебя что-то гнетет. Меня не проведешь, – он бросил жилку к остальным, в мусорное ведро. Затем снова опустил взгляд на половинки табачного листа и начал обрезать их до нужного размера. Остатки, которые позже использовал для начинки, он отбросил в сторону.

– Можешь класть все, что угодно. В табачный лист, в смысле, – вздохнул Жюль.

– Все, кроме жилки из середины листа. Ее я вырезаю. А теперь, дружище, ответь: что мы должны вырезать из твоего сердца, чтобы ты снова смог раскрыть весь свой аромат?

Жюль посмотрел на пол. И пробормотал:

– Двадцать лет назад... – Он сделал короткую паузу. – Двадцать лет назад я совершил ошибку, принял решение, которое навсегда изменило судьбы многих людей.

– Такое происходит каждый день, дружище, – ответил торседор, проводя руками по мягкой эластичной поверхности табачных листьев, напоминающей тонкую кожу. – Люди принимают решения и тем самым меняют естественный ход вещей. Не только в своих жизнях, но и в жизнях многих.

– Моя ошибка намного серьезнее, – сказал Жюль. – Я поставил Луизу, Флорентину и многих других людей в ужасное положение.

– Но ведь с твоей женой и дочерью все в порядке. У меня нет ощущения, что они находятся в ужасном положении, – ответил торседор и промокнул листья смоченной в воде тряпкой.

– Они ни о чем не подозревают. Я обращаюсь с ними так же бережно, как ты со своими листьями.

– Если начинка будет слишком влажной, она склеится, и сигара затвердеет. Тогда через нее больше не будет проходить воздух.

– Необходимо всегда соблюдать правильную дозировку, не так ли? Как и в случае с открытостью и молчанием. Излишняя открытость может стоить тебе всего, а чрезмерное молчание, наоборот, подобно спящему вулкану: внутри тлеет пламя, но однажды правда раскрывается, извергается и хоронит все под своей лавой.

Торседор посмотрел на Жюля.

– Ты хотел им навредить? Луизе и Флорентине?

– О чем ты? Конечно, нет. Как я мог этого хотеть? Я желал им самого лучшего. Но слишком поздно осознал, что неправильные поступки никогда не доводят до добра. – Жюль закрыл иссеченные фиолетовыми прожилками веки и положил на них пальцы.

– Не важно, какие глупости мы, люди, совершаем, друг мой, – сказал торседор и похлопал Жюля по плечу, поднявшись, чтобы положить табак на кожаную ленту станка для скручивания сигар. – Если они сделаны из благих побуждений, в них не может быть ничего плохого. Даже если кто-то сочтет твой поступок предосудительным, это еще ничего не будет значить. Человек видит со стороны лишь голые факты, а не истину.

– Хотел бы я, чтобы все сошло мне с рук. Но нет, моя ошибка серьезнее. Непоправимая ложь. Если бы я только мог тогда представить, к чему она приведет.

– Боюсь, Жюль, мы ничего не можем знать наверняка. Большинство людей делают то, что считают лучшим для себя и других. Уверен, двадцать лет назад ты сделал то же. – С помощью станка торседор закатал табак в табачный лист. Затем он поместил заготовку к остальным в форму и наконец под пресс. – Готово, – сказал он. – Полежат день под прессом, потом я подрежу их до нужной длины, заверну в покровный лист, и ты сможешь попробовать этот сорт.

– Как бы редко я ни курил, всегда остаюсь верен сигарам «Партагас». Привычка. Хоть какое-то постоянство. – Жюль глубоко вздохнул. – У тебя не найдется одной?

Торседор смотрел на друга и некоторое время молчал.

– Может, сначала по стаканчику? – Он налил Жюлю бренди и поставил рядом с ним на деревянный столик.

Жюль обхватил стакан рукой и одним махом влил в себя содержимое. Затем поставил стакан обратно и произнес:

– Я играю со временем. Кто сможет дольше скрывать правду? Оно? Или я? Кто-то из нас рано или поздно раскроет ложь. Время, потому что перехитрит меня и однажды все станет явным. Или я, потому что сломаюсь. Но прошлое никогда не остается в прошлом.

– Хоть я и не знаю, что тебя так угнетает, Жюль, и тебе не обязательно мне рассказывать, но, глядя на тебя, я вижу, что, возможно, было бы лучше прекратить эту гонку со временем. – Он протянул ему открытую коробку сигар «Партагас».

Жюль вынул одну и откусил кончик.

– Начав лгать однажды, уже не можешь остановиться.

Торседор захлопнул коробку и положил ее обратно на полку.

– Представь, – сказал он, – что ты спасаешься от воды в реке на бревне. Пока ты спокойно стоишь на нем, все в порядке. Но как только ты начинаешь бежать, бревно начинает вращаться. Теперь ты вынужден продолжать двигаться, чтобы не упасть в воду. Бревно так и будет вращаться все быстрее, и тебе придется все быстрее бежать. Однако суть в том, что ты должен спрыгнуть в ледяную воду, пока еще не научился плавать. Потому что если ты будешь бежать по бревну слишком долго, то в какой-то момент забудешь, каково это, в изнеможении упадешь в воду и утонешь. – Он помедлил и посмотрел на голубой дым, поднимающийся к потолку от сигары Жюля.

– Я уже двадцать лет бегу по этому бревну. И, говорю тебе, непременно упаду. Мне надоело бегать. Я устал. Долгое время мысль о потере той жизни, которую мы с Луизой так усердно строили, казалась мне хуже, чем поддержание лжи. Снова и снова я надеялся, что от прошлого можно отречься, обезвредить его, похоронить. Теперь я знаю, что это невозможно.

– Тогда спрыгни с бревна и скажи ей.

– Она пошлет меня к черту.

– С чего бы?

– С того, что я причинил вред ей, Флорентине и другим, вмешался в самую суть ее жизни.

– Что бы ты ни сделал, Жюль, никто не сможет послать тебя к черту.

– Почему?

– Потому что, как мне кажется, с тех пор, как ты это совершил, ты уже живешь в аду.

Жюль опустил голову.

– Ты не хуже всех нас. Поверь, дружище, нет ничего, абсолютно ничего, на что мы, люди, не способны, – ни хорошего, ни плохого, – сказал торседор. – Мы все можем чувствовать то, что могут

чувствовать другие. Если ты понимаешь человека, то ты понимаешь и его поступки.

Каким же бесценным был такой друг. Один-единственный разговор, благодаря которому тревога постепенно покинула глаза Жюль, и они засияли надеждой на то, что еще не все потеряно.

Глава 34

Когда Жюль вошел в дом, его первой мыслью было поговорить с Луизой. Признаться ей во всем, излить душу. Однако внутреннее напряжение вернулось. Он беспокойно шел по коридору. Бросался от комнаты к комнате, пока не подошел к библиотеке. Дверь была приоткрыта. Жюль заглянул внутрь. Он увидел, как Луиза сидит на стуле с подлокотниками спиной к нему и читает книгу. Он вцепился в дверную ручку. Открыл рот. Но как бы Жюль с собой ни боролся, он не мог произнести ни слова. Ящички в его мозгу, которые, как он только что предполагал, заполнены решениями, снова закрылись.

Луиза, почувствовав его приближение, обернулась и улыбнулась. Эти глаза. Счастливые глаза. Как давно Жюль не видел, чтобы они так сияли.

Страх поднимался в нем, словно стая нервных летучих мышей в воздух, и бывший судья отказался от невозможного решения, принятого по дороге домой. Рассказать Луизе правду было не просто трудно, это было невыносимо. Жюль оставался непроницаемым.

– Что-то случилось? – спросила Луиза, обернувшись снова.

– А должно было? С чего ты взяла? – В ушах стучал пульс.

– По глазам вижу.

– Ничего, я просто устал. – Жюль сухо сглотнул и промокнул платком пот со лба. Надежда, которую он лелеял все эти годы, что ложь никогда не раскроется, сжалась в этот момент до одного-единственного желания: чтобы не все было потеряно.

Обескровленная кожа, бледная и мятая, будто из бумаги, – Жюль казался неуверенным и слабым, подобно наброску на пергаменте. Его глаза наполнились слезами. Он моргнул, чтобы Луиза этого не заметила. Ему с трудом удалось придать лицу более подходящее выражение: попытался улыбнуться, но получилось лишь слегка

дернуть уголком рта. Жюль подошел к жене, положил руку ей на плечо и сказал:

– Я прилягу на часок, и мне полегчает.

Луиза накрыла его руку своей и кивнула.

Только он собрался выйти из библиотеки, как вдруг она крикнула ему вслед:

– Жюль!

Он остановился и молча повернулся к ней.

– Ты не обязан рассказывать мне свои секреты, только потому, что я рассказываю тебе свои. Мне просто хотелось бы узнать больше о тебе и о том, что тобой движет.

Жюль на мгновение опустил веки, кивнул и ушел. Предстоящий разговор так и остался предстоящим разговором.

В первые годы брака они были так близки, а теперь Луиза осталась одна, огражденная от тьмы его жизни. Ей очень сильно хотелось узнать, над чем он ломает голову, на какие вопросы ищет ответы. Ей очень сильно хотелось изучить обратную сторону его молчания. Однако Жюль – так же, как и она теперь – держал свою нынешнюю жизнь в тайне.

Позже вечером, в зале – Луиза поняла это по одному лишь дыму его сигары, – он сбежал от нее.

Жюль вернулся в мир молчания, в темное место, где больше не хотел находиться, но откуда не мог выбраться. То, что изначально служило защитой, превратилось в нечто разрушительное. Снова и снова он задавался вопросом, когда эта немая бомба взорвется и покончит с их жизнями.

Жюля терзало раскаяние и стыд. Теперь он чувствовал, что гниет изнутри, что ложь съедает его, опустошает.

Однако, не только ложь. Вся его жизнь его не устраивает, и уже давно. Возможно, она перестала его устраивать еще до рождения Флорентины. Это не его жизнь, а кого-то другого. Временами ему казалось, что она не имеет никакого отношения к настоящему Жюлю.

Так что же пошло не так? Задолго до того, как он стал отцом?

Как ему размотать запутанный клубок судьбы и найти свою красную нить?

Жюль налил себе стакан бренди. Он был необходим ему, как и сигара, ради легкого тумана в голове. Когда он перевел взгляд с читающей на стуле Луизы на консоль, где стоял подсвечник с горящими свечами, его мучительные мысли растаяли, как воск в пламени, и хотя бы на миг смогли испариться.

Глава 35

Впервые в своей жизни Антуан решился на невозможное: стал хирургом. Тихие дни заполнила работа с людьми. Он растворился в ней. У него хорошо получалось. Настолько хорошо, что люди приезжали издалека, чтобы у него лечиться.

Для размышлений о детстве, травмах и чувствах не оставалось места. Не было времени заглядывать в прошлое или будущее. Антуан полностью жил настоящим и был счастлив.

Болезненные воспоминания не вспыхивали до того дня, когда с одним-единственным листком бумаги в его жизнь вернулось все: прощание с матерью, грусть, отчаяние и одиночество. И главный вопрос: почему все это случилось?

Двадцать два года прошло с тех пор, как край голубого платья Марлен скрылся за деревьями. Долгие годы Антуан искал ее, но так и не обнаружил никого, кто когда-то принадлежал к ее миру, и в какой-то момент бросил поиски.

Для того, кто способен так решительно и окончательно оставить ребенка, как его оставила Марлен, Антуана больше не существовало. Он осознал это, когда мать не вернулась даже спустя несколько месяцев, и попытался смириться. Однако шрамы на его сердце остались.

Никто, даже Шарлотта, не мог оценить, как трудно ему жилось без ответов все эти годы.

Антуан любил уединенность за операционным столом, сосредоточенность на своих действиях, на пациенте, на его исцелении, а иногда и на спасении. Он любил тишину, прерываемую лишь звоном

хирургических инструментов, тихую музыку, в которой находил душевный покой.

До обычного дня в операционной, за которым последовал необычный вечер дома, после которого все опять перевернулось вверх дном.

Антуан вошел в дом, открыл окно на кухне, чтобы впустить свежий вечерний воздух, и начал небрежно просматривать почту. Он кидал на стол одно письмо за другим, пока одно из них не бросилось ему в глаза и не поразило настолько сильно, что все остальные выскользнули из рук и рассыпались по полу.

В голове пронеслась буря образов. Антуан почувствовал, как от лица отхлынула кровь. Как следы детства, которые, как ему казалось, давно стерлись с его души, проявились во всей своей ясности. Как отчетливо на самом деле то, что казалось забытым. Он посмотрел вдаль через окно и понял: прошлое, как и будущее, неизбежно.

Именно сейчас, когда он покончил с былым и хотел навсегда разорвать связь с миром раннего детства, чтобы никогда больше не подвергать себя исходящей от него боли, именно сейчас он получил знак из этого самого мира.

Откуда она узнала, где он живет? Как она его нашла? Если у нее получилось, то почему у него – нет? Или это привилегия только для матерей? Мать всегда находит своего ребенка? Это потому, что связь между ними никогда не разрывается полностью?

Раннее детство Антуана, проведенное с Марлен, было бедным. Холодным. Серым, лишь с крошечными вкраплениями светлых моментов, когда она гладила его по волосам или улыбалась ему. А затем настал момент, когда она оставила его одного, просто бросила, с каждым днем уходя все дальше и дальше в прошлое.

Наконец Антуан смирился с многолетним молчанием Марлен. Подчинился ему. Письмо выбило его из колеи: спокойный внешне, но полный гнева внутри, он смотрел на буквы, выведенные синими чернилами: «Моему сыну Антуану».

Простой белый конверт. Руки Антуана задрожали. Он начал разрывать его, порвал чуть ли не на куски, пока изнутри наконец не выпорхнул лист, словно птица из клетки.

Лист пах лавандой. Бумага походила на пергамент с пожелтевшими краями, подрагивала на ветру, пока Антуан осторожно разворачивал его, как будто буквы могли рассыпаться, если слишком поторопиться.

Он закрыл окно, сел за стол и расправил страницу. Глаза забегали по строкам. Почерк на листе дрожал. После первых предложений чернила испарялись, но затем снова оживали, прежде чем ослабнуть и побледнеть на последних словах настолько, что их практически переставало быть видно.

При первом прочтении Антуан уловил смысл найденного в этих строках лишь самым краем разума. Волна ужаса, который таила в себе эта история, затопила его только тогда, когда он прочитал письмо во второй и в третий раз.

Прошлое, которое до этого было сплошным хаосом в голове, начало выстраиваться в линию. И хотя мать в своем письме лишь намекала на отдельные события, которые вдруг соединились воедино, Антуан догадывался обо всей их жестокости.

Буквы на тонком листе бумаги на мгновение расплылись, и на краю его сознания начал медленно складываться образ матери. Смутные очертания наполнились, наконец обретя четкость, и он вспомнил ее некогда знакомое и на само деле не до конца забытое лицо. Затем в его памяти возникла еще одна картина: момент, когда она шла по гравийной дорожке и даже не обернулась. И хотя это полотно не обретало четких контуров, но Антуан видел голубое платье, видел, как оно колыхалось на ветру, обвивая ноги Марлен, как она шла, не останавливаясь. Как он смотрел ей вслед, пока ее не поглотила тьма. Теперь же перед глазами Антуана возник образ старой больной женщины, которая вертит между дрожащими пальцами пятнистое гусиное перо, прокручивает мысли в голове до тех пор, пока не придаст им искомую выразительность, и наконец макает перо в чернила.

В одночасье через воронку его памяти пронеслась такая буря воспоминаний, что по щекам потекли слезы. Из горла вырывались прерывистые рыдания, как будто ему едва хватало воздуха. Тогда

Антуан встал, снова распахнул окно и попытался глубоко вдохнуть и выдохнуть. Проведя пальцами по волосам, он прошелся по комнате взад-вперед, не выпуская письма из рук.

Это недостающая часть его жизни? Завещание?

То, что было написано в строках Марлен, как и то, чего в них написано не было, слишком тяготило, чтобы взвиться в небо. Теперь крылья Антуана лишь отбрасывали на его жизнь тени, да такие большие, что ему казалось, он больше никогда из них не выйдет.

Антуан снова взял в руки письмо, снова взглянул на лист бумаги, настолько наполненный реальностью, что он едва мог его держать, и прочел слова Марлен в четвертый раз:

Дорогой сын Антуан,

хоть я и не имею права просить у тебя прощения, но все же осмелюсь. Хоть я и не имела права тебя искать, но все же сделала это.

Я бесконечно благодарна жизни за то, что нашла тебя и могу надеяться на твое благополучие. Разумеется, все, что ты думаешь и помнишь обо мне, – правда. Однако ничто из этого не является правдой нашей семьи, правдой нашей истории. И я хочу рассказать тебе ее, пока еще могу. С каждым днем мои силы иссякают, а упадок неумолимо продолжается; я приближаюсь к концу или, как того хочет вселенная, к новому началу.

Я все чаще теряю нить мыслей. Прежде чем память совсем меня покинет, я хочу рассказать тебе свою, нашу историю. Если ты хочешь ее услышать. Если ты готов отправиться в путь.

Женщина, которой я когда-то была, умерла за несколько часов до твоего рождения. К сожалению, ты никогда ее не знал. Боль, отчаяние и горе сделали из меня другого человека, человека, которым я никогда не хотела быть. Из-за них я наполнилась горечью. Сначала совсем чуть-чуть. Затем все больше. Они распространились по моему телу, словно яд, не пощадил ни одного органа. Когда горечь наконец добралась до сердца, я тебя оставила. Не ради своей, а ради твоей защиты. Из любви к тебе.

Горечь зла усыпляет чувства, сынок. Притупляет и очерствляет их. Делает человека неспособным получать и дарить любовь. С каждым днем все больше убивает его изнутри. Те, кто не был слеп,

видели в моих глазах постепенную смерть сердца. Мне было так стыдно за это, стыдно перед другими и перед самой собой за то, что я больше не способна на любовь, даже на любовь к собственному ребенку.

Я не знаю, сколько страданий способен вынести человек. Но для меня их оказалось слишком много. Слишком большой груз. Слишком тяжелое бремя для одного вечера. Я сломалась. Воспоминание о том, что произошло в ночь перед твоим рождением, засело в моей плоти, словно гнойная заноза, отравившая все мое существо. Я стала таким человеком, каким не должен быть ни один человек. Такой матерью, какой не должна быть ни одна мать.

Прости, Антуан, что я причинила тебе боль. У меня и в мыслях не было ранить тебя еще больше, чем я уже успела за годы, что мы провели вместе. По крайней мере в одном ты должен мне поверить: я оставила тебя не ради своего будущего, а ради твоего.

Правильно говорят: любить других может лишь тот, кто любит себя. Я же потеряла любовь к себе и больше не могла тебе ничего дать. Что именно тогда произошло, я могу рассказать только лично. Не в письме. Это почти невозможно понять. Сперва случившееся признал мой разум, повергнув меня в шок, но когда я сердцем поняла, что они оба мертвы – Франсис, твой отец, и Пари, твоя сестра, – меня пронзило чувство утраты, которое я с трудом могла вынести.

Подавление любых чувств помогало мне избавиться от пустоты, в которую превратилась моя жизнь всего за одну ночь.

Из-за своего отчаяния я боялась сделать с тобой что-то, что причинит тебе боль, от которой ты закроешься в себе и больше никогда не сможешь выбраться.

Наш мир сгорел на моих глазах. Погас, как огонь. Пожар, оставивший после себя тишину, которая с каждым днем становилась все тише. Пустоту, которая с каждым днем становилась все более пустой. Бессмысленность, которая с каждым днем становилась все бессмысленнее. После этого я блуждала в темноте без каких-либо очертаний. Смотрела на мир лишь сквозь окно памяти, сквозь образы в ней, которые до сих пор не поблекли: добрые глаза твоего отца Франсиса, чудесный смех сестры Пари. А потом появился ты, мой сын.

Без отца. Без сестры. С умирающей матерью. Я не хочу твоей жалости, Антуан, ведь то, что я сделала, – неправильно. Единственное, чего я хочу, – это чтобы ты знал, что тогда произошло, почему я тебя оставила и что я никогда не переставала тебя любить.

Твоя мать Марлен

Мгновение, которое могло разбиться, как стекло, ведь он держал в руках краткую историю своей жизни.

Антуан прошел в спальню, опустился на кровать. Сложил из письма журавлика. Посмотрел на бумажную птичку, повертел ее в руках и положил рядом с собой на подушку. Десятки лет его жизни были согнуты, сложены и собраны воедино.

Он закрыл глаза. Наконец вытер слезы тыльной стороной кисти, встал, сунул птичку в карман брюк и вышел из дома.

Глава 36

Антуан увидел Шарлотту еще издалека, в одном из запотевших окон павильона с растениями. Ее волосы выбились из ленты и падали на плечи мягкими волнами. Как она была красива, по-прежнему слишком красива, чтобы провести эти годы в одиночестве, вдвоем с Антуаном.

Когда он подошел ближе и заглянул через влажное стекло внутрь, Шарлотта протерла окно бледными пальцами и выглянула. Эти умные глаза. Она прислонила голову к окну, на мгновение опустила веки, снова открыла их и кивнула Антуану.

В павильоне было сыро. Через открытую дверь внутрь проникал приятный сквозняк. Антуан подошел к Шарлотте и посмотрел на нее. Она обняла Антуана и погладила по спине.

– Откуда ты знаешь?..

– Я читаю тебя, как верхний ряд в тесте для проверки зрения.

Антуан высвободился из объятий и протянул ей бумажную птичку.

– Почему именно ты оказалась в нашем саду, когда мать меня бросила? Откуда ты знала, кто я? И что она не вернется?

Шарлотта взяла поделку, развернула бумагу и, когда поняла, что это письмо от Марлен, с недоверчивым удивлением посмотрела через край листа в неподвижные глаза Антуана, устремленные на нее. Затем

опустила взгляд, начала читать и перенеслась на два десятилетия назад, в ту осеннюю ночь.

Ее глаза наполнились слезами. В одночасье она обессилела. Кожа стала полупрозрачной, словно влажный лепесток.

Шарлотта вспомнила короткие совместные моменты, в которых Марлен была частью ее истории, а она – частью истории Марлен. Простые мгновения, которые, однако, так запали ей в сердце, что она никогда их не забудет.

Как бы Шарлотте хотелось уберечь Антуана от правды – по крайней мере, от той части, что ей была известна. Однако теперь эту тему нельзя было просто так обойти, обходных путей не существовало.

Шарлотта вспомнила искаженное болью лицо Марлен, и жестокое воспоминание о той ночи на тяжелых лапах выползло из ее внутренней темницы. Дрожащими руками она снова сложила письмо и молча вернула его Антуану.

– Была такая черная ночь, что даже луна побледнела от ужаса, – начала рассказывать Шарлотта, не сводя глаз с приемного сына. – Антуан, фотография, которую ты нашел в комодке матери. Девочка на ней, девочка с черными густыми волосами, заплетенными в косы. Это Пари, твоя сестра. Ей тогда было четыре, может, пять. Веселая девочка. Она была очень похожа на твою мать, и не только внешне – обе были жизнерадостными. Да, твоя мать была доброй и любящей женщиной. На работе она напевала песни, а Пари танцевала под них. Твой отец был таким же, но более спокойным и рассудительным. Но тоже душевным человеком. Как я завидовала их небольшой семье. Тому, кем они были. Тому, что у них было.

По щекам Шарлотты побежали слезы. Она пошатнулась, нащупав оконное стекло, провела вдоль него пальцами до скамейки из тика, стоящей рядом с дверью, и опустилась на нее и тихо похлопала рукой по месту рядом с собой, приглашая Антуана сесть. Затем продолжила:

– Счастливая была семья. До той ночи, которая все изменила и сожгла дотла ваше настоящее. Я тогда жила в доме напротив. В ту ночь меня разбудило пылающее небо, крики маленькой Пари и хрипящего, задыхающегося Франсиса. Я выглянула в окно. Пепел падал с неба, словно снег. В ночной сорочке я босиком сбежала по лестнице и через мощеный двор побежала к вашему дому. Он был в огне. Черный дым валил отовсюду. Извивающееся пламя охватило двери, по окнам

побежали трещины. Я стояла как вкопанная. Потом все вдруг стихло. И только огонь потрескивал. Никаких криков. Зовов. Хрипа. Было слишком поздно. Пламя поглотило ткани, мебель и, что самое ужасное, твоего отца и сестру. Всего за несколько минут огонь проглотил целых четыре жизни – жизнь Франсиса, Пари, твоей матери и твою. – Шарлотта прервалась и зарыдала.

Почувствовав сдавленность в горле, Антуан спросил так тихо, что она едва расслышала:

– Где были мы? Мама и я?

Не отвечая на вопрос прямо, Шарлотта продолжила, глядя в далекое прошлое:

– Везде осколки. С разбитыми из-за жара стеклами дом выглядел раненым. Занавески опаленными клочьями развевались на ветру. Я стояла как столб, когда соседские мужчины с водой ворвались в дом, чтобы сдержать пламя. Но сдерживать было нечего. Большая часть вещей уже лежала под дымящимися обломками.

Всего через мгновение тишину прорезали крики твоей матери. Она прибежала из леса неподалеку. Она была на тридцать девятой неделе беременности. Совершенно вне себя она бросилась к дому. Я попыталась ее удержать, но она вырвалась из рук. Ошеломленная, побежала в дом мимо тлеющих углей, шла по горячему пеплу, никому не позволяя себя остановить, пока не нашла их. Я побежала следом и увидела, как она с визгом начала зарываться пальцами в обугленный трупик своей дочери. «Пари... Пари!» Пока мужчинам наконец не удалось оторвать ее от твоей сестры и вынести из дома. Она извивалась в руках мужчин, как раненое животное. Дралась и пиналась. Одного соседа укусила за предплечье. Хотела вырваться из рук своих помощников. Хотела вернуться домой, к своей маленькой Пари и мужу Франсису. Это было страшно. Настолько душераздирающее, настолько кошмарное зрелище, что я никогда его не забуду. А потом наступила тишина. Над нами, над домом, над Марлен нависла неукротимая, всепоглощающая, глубокая черная тишина. Тишина, от которой твоя мать не избавится все последующие годы.

Шарлотта на мгновение замолчала. По ее щекам бежали и капали с подбородка на фартук слезы. Антуан тоже молча плакал. Она положила свою руку на его и слегка сжала. Один раз, второй. Затем продолжила рассказ:

– В последние недели беременности твоя мать плохо спала. Каждую ночь она вставала, читала на кухне или выходила ненадолго на улицу, иногда прогуливалась до леса неподалеку. В ту ночь она забыла погасить свечу на столе и закрыть окно. Она вспомнила об этом лишь тогда, когда уже была в лесу. К тому времени было слишком поздно. Легкий порыв ветра взметнул занавески. И сдул одну в сторону свечи. Занавеска загорелась. Марлен себе этого так и не простила. Чувствовала себя виноватой в смерти твоей сестры. В смерти твоего отца. Но разве заставишь человека в такой ситуации поверить, что это не его ошибка? Что, даже если бы Марлен потушила свечу, судьба, возможно, все равно настигла и забрала бы Пари и Франсиса той ночью? Ударила бы молния. Внезапно возникла бы лихорадка. Что угодно. Но это не помогло. Ни одно слово не было достаточно сильным, чтобы утешить. В жизни твоей матери после той ночи так и не наступил день. А ты, мой мальчик, – Шарлотта посмотрела на Антуана любящими глазами, – родился всего спустя несколько часов после пожара. Волнение, внезапные схватки, сразу же перешедшие в стремительные роды. Я держала твою мать за руку. Частички пепла были у нее под ногтями, в волосах. Частички праха ее дочери. Праха твоего отца. В ту ночь я поклялась никогда не упускать вас из виду. – Шарлотта секунду помедлила. – Несмотря на то, что твоя мать после той ночи осталась здорова физически, морально из-за срыва она попала в мир, откуда ее с тех пор никто не мог вытащить. Город предоставил ей домик неподалеку, среди пустующих домов на краю пшеничного поля – дом, в котором вы жили. Не проходило и дня, чтобы я на тебя не взглянула. Я предлагала твоей матери помощь, но она постоянно любезно отказывалась, а вмешиваться в вашу жизнь мне не хотелось. Поначалу к вам в гости приходило много друзей и соседей, они приносили еду и то, чего вам, по их мнению, не хватало. Но вскоре все они поняли, что это бесполезно: Марлен больше не выберется из тьмы. По ней было видно, что мир для нее больше не существует. То, что произошло, не должно было произойти. В ее глазах не было ничего, кроме боли и глубокой бездны. Пустое время. Все очень сожалели о том, что с ней случилось. И тебе тоже сочувствовали. Однако спустя годы по ее поведению и словам стало заметно, что она пытается обвинить в случившемся несчастье тебя, невинного младенца, который на тот момент живо двигался в утробе матери и не

давал спать. Который заставил ее встать посреди ночи и пойти в лес. Так что никого не удивило, что однажды Марлен ушла, оставив тебя. Когда я увидела тебя, одиноко сидящего на корточках на песчано-гравийной дорожке, я поняла, что она ушла. Когда я взяла тебя к себе, никто не сказал ни слова. Все сделали вид, что я тебя усыновила. Даже юристы вели себя так, будто ничего не знают. Никто не хотел причинить тебе еще больше вреда, отдав в ближайший детский дом, который находился в далеком крупном городе. Все желали тебе добра и хотели помочь. – Шарлотта глубоко вздохнула. – Антуан, ничто в этой жизни не готовит нас к смерти. К потере людей, которых мы любим. Это такая боль, которая, кажется, разрывает нас на части. Боль, которая проникает так глубоко, что доходит до самых корней, так далеко, что ломает нам крылья.

После долгого молчания Антуан спросил:

– Все эти годы ты знала и ничего не говорила?

– Я пыталась представить тебе аккуратный букет событий, из которого мои ножницы удалили все шипы и ядовитые бутоны.

– Почему, Шарлотта? Почему ты мне все не рассказала?

– Что я должна была рассказать шестилетнему ребенку?

– Может, и не шестилетнему. Но десяти-, пятнадцати-, двадцатилетнему?

– Что я должна была рассказать? Антуан? Что?

– Просто я был бы рад услышать хоть какую-то версию правды.

– А сколько правды мы способны вынести? Сколько правды вынес бы ты? Даже если человек и знает правду, то какую именно? Света одной недостаточно, чтобы осветить все углы и закоулки душ, каждая из которых играет определенную роль в его истории. Так что человеку никогда не узнать всей истории. Потому что никогда не бывает одной, их всегда множество. Так на какую правду, на какую историю в итоге полагаться? Что я должна была рассказать? Когда я нашла тебя, ты был слишком маленьким. Ты тогда уже и так пережил слишком многое для своего возраста. Потерял все, что может потерять ребенок. Позже? Ну да. Позже. Что я должна была рассказать позже?

Антуан молчал, опустив голову и глядя в пол.

– Знаешь, Антуан, даже спустя годы я чувствовала, что ты еще слишком молод, чтобы понять всю суть произошедшего. Ты понял бы лишь то, что оно значило для тебя самого, а может, не понял бы и

этого. Возможно, осознание подобного приходит намного, намного позже или вообще никогда.

– Хочешь сказать, что жизнь во лжи лучше, чем жизнь, хотя бы отчасти, в правде? Хочешь сказать, что правду лучше похоронить, из года в год подбрасывая в могилу очередную лопату земли?

– Я хочу сказать, что мы слишком быстро свыкаемся со своей версией правды, упускаем важные детали и, сделав поспешные выводы, несправедливо обходимся с другими.

– И что это значит? Что во всем виноват я? Что огонь разгорелся из-за меня?

– Нет же, Антуан! Ты и сам это знаешь. Судьба не была ни в руках Марлен, ни в твоих. Любому человеку, а тем более ребенку, было бы чрезвычайно сложно справиться с этим, не думаешь? Эту жизнь нельзя понять. Что я усвоила, так это то, что иногда плохое случается, чтобы предотвратить нечто более худшее.

– Что может быть хуже?

– Сложно представить себе что-то более ужасное, чем то, что пережили вы. Но кто знает? Однако иногда в плохом кроется семя, из которого прорастает нечто хорошее. – Шарлотта нежно погладила Антуана по щеке. – Как бы темно ни было в нашей жизни, на горизонте всегда будет брезжить луч надежды. Какой бы длинной ни была падающая на нас и нашу жизнь тень, рано или поздно мы выйдем из нее. Из длинной тени есть путь только вперед.

Антуан высвободился из ее рук.

– Прости, Шарлотта, для меня все это слишком. Пойду подышу.

Он вышел в сад и подставил голову под струю фонтана, пытаясь смыть образы. В павильоне, все еще сидя на скамейке, Шарлотта задавалась вопросом, почему не рассказала ему раньше. Ответа у нее не было.

Антуан вырос в молчании, и теперь получил наследие. Наследие, к которому он всегда стремился и которое его наконец нашло. Было бы лучше узнать правду раньше? Или вообще никогда не узнать? Когда лучше говорить? А когда молчать?

Теперь Антуан понял, почему мать оставила деревянную коробку с фотографиями, со всей очевидностью опаленную огнем, в их родном

доме. Потому что это были последние следы Франсиса и Пари на Земле. Потому что, забери Марлен эти оставшиеся доказательства их существования, она не построила бы новую жизнь. Однако по собственному опыту Антуан знал: чтобы Марлен забыла то, что забыть невозможно, Франсиса и Пари вообще не должно было существовать.

Антуан вернулся в павильон и сел рядом с Шарлоттой. Если не считать звуков протекающего крана, в нем царила тишина.

– Почему она ушла? После всего, что произошло? Как мать может оставить своего ребенка? Особенно когда половина семьи уже мертва?

– В жизни случаются обстоятельства, с которыми мы не справляемся. Они делают нас другими людьми, – ответила Шарлотта.

Спустя более двух десятков лет мать Антуана выбралась из своего укрытия, чтобы рассказать сыну правду. А вместе с правдой передать маленький клочок бумаги со своим адресом. Что ему теперь с ним делать?

Захочет ли он снова оглянуться так далеко назад? Или предпочтет остаться тем, кем стал? Парнем, которому в значительной степени удалось стереть с души свое детское прошлое.

Возможно ли вообще не оглядываться назад? До этого Антуану не удавалось перестать думать о разорванных нитях своего залатанного детства. Так что же ему делать теперь?

Хотел ли он мести? Хотел ли он, чтобы мать поняла, что натворила своим внезапным исчезновением?

Антуан посмотрел на свои руки. Он перевернул одну и провел по ней второй, прямо по паутине из шрамов. Это случилось холодным зимним днем. У Марлен был озлобленный, жестокий, равнодушный взгляд. Как будто она увидела в глазах Антуана то, что из-за него потеряла. Франсиса и Пари. Голубое пламя газовой плиты. Кастрюля с водой рядом. Вместо того чтобы поставить на огонь ее, Марлен внезапно схватила Антуана за запястья и прижала его руки к конфорке.

– Вот каково сторать заживо, – прокричала она. Беззвучный крик Антуана и его широко раскрытые глаза вернули ее к действительности. Она испугалась сама себя. Выключила конфорку. Окунула руки Антуана в кастрюлю с холодной водой, которая все еще стояла

нетронутой рядом с плитой. Обхватила его дрожащее тело и сквозь рыдания выдавила:

– Прости меня, малыш. Прости меня. Прошу, прости, Антуан. Прошу, прости.

Весь вечер Марлен держала его в своих объятиях. Держалась за него. Она отпустила его только утром. Свое сгоревшее прошлое. Свое сгоревшее настоящее.

– Я не хотела делать тебе больно, малыш. Понимаешь? – сказала Марлен спустя несколько дней, на протяжении которых Антуан все еще молчал. Слова для того, для чего не подобрать слов, застряли у него в горле. Она схватила его за плечи и встряхнула. – Я не хотела делать тебе больно. Поверь мне! Это вышло случайно. Или нет: правда в том, что в других людях мы видим себя. И я хотела наказать не тебя, а себя за то, что не потушила свечу.

Через неделю она ушла. И Антуан только сейчас, более двадцати лет спустя, понял смысл ее слов.

Глава 37

Вкронах деревьев еще висело дыхание ночи. Окутанные ранним туманом дом на сваях и поросший зеленью павильон, спрятанный среди деревьев и кустов, выглядели так, как будто они из другого времени.

Сад Шарлотты источал чарующие ароматы. Нежный запах лемонграсса смешивался с тонким запахом мяты, от цитрусовых деревьев, которые росли вдоль окружавшей участок замшелой стены, веяло чувственным ароматом первых цветов апельсина. Цветы плюмерии тоже распространяли нежное, завораживающее благоухание.

Из деревянной трубочки, которую Шарлотта всегда втыкала в это время года в чешуйчатую красно-коричневую кору клена, капал свежий сок, в котором отражался утренний свет. Косые солнечные лучи просвечивали сквозь листья и образовывали мерцающий узор на каменном участке перед домом.

Антуан перекинул через плечо джутовую сумку и спустился по лестнице, чтобы сесть на велосипед и поехать на работу.

– Что будешь делать? – спросила Шарлотта, подняв взгляд от бутылочек, в которые наливала древесный сок.

– О чем ты?

– Ты знаешь, о чем я. Поедешь к ней?

– Зачем?

– Марлен умирает. Она хочет дать тебе еще что-то, прежде чем уйдет.

– Что еще? Еще больше боли?

– Антуан.

– С тех пор как ты приняла меня в свою жизнь, меня ни капли не волновало, что еще, по мнению Марлен, она должна или не должна мне дать.

Некоторое время Шарлотта молчала. Затем она осторожно сказала:

– Я, конечно, не знаю, сколько любви к ней осталось в твоём сердце. Это знаешь только ты. Но если ее достаточно для прощения, Антуан, то поезжай и прости мать.

– Почему я должен прощать мать, которая никогда по-настоящему меня не любила?

– Может, она и не любила тебя так, как ты хотел бы, чтобы тебя любили, и так, как любишь ты сам. Но я уверена, что она любила тебя по-своему, что так же ценно.

Они смотрели друг на друга, не отрывая глаз. Затем Антуан отвернулся и пошел в сторону ворот.

– Антуан! – крикнула Шарлотта ему вслед. Он повернул к ней голову. – Мы всегда хотим, чтобы нас любили так же, как любим мы. Когда нас любят иначе, мы обвиняем в том, что чувство недостаточно сильно, или утверждаем, что нас не любят вообще. И все потому, что мы не понимаем языка любви другого и не пытаемся понять. Даже в этом светлом чувстве мы продолжаем ошибаться, слишком быстро оценивая и осуждая, и нередко платим за это самую высокую цену: теряем любимых.

Антуан молчал. Однако он полностью повернулся к Шарлотте, снял с плеча джутовую сумку, положил ее на каменный пол и присел на ствол жакаранды, которую им пришлось срубить после последнего муссона. Он не мог сейчас взять и уйти. Если Шарлотте было что сказать, то ему нужно было по крайней мере над этим подумать. Антуан знал это и восхищался ее чрезвычайным снисхождением к людям, хоть она и уверяла, что ее кроткость объясняется осознанием

собственных недостатков. Но могла ли Шарлотта быть примером для подражания в этой ситуации? Может, Антуан не мог простить Марлен, мать, которая оставила его, маленького беспомощного мальчика, одного, не заботясь о том, что с ним станет.

Словно угадав мысли Антуана, Шарлотта сказала:

– Не клади на чашу весов чувства к матери. То, кем ты являешься и что думаешь сегодня, – это результат того, как ты рассуждал, будучи ребенком. Мы легкомысленно оставляем такие суждения без внимания, не рассматриваем их заново, став взрослыми людьми. Но обычно на все есть причины. Вернись в прошлое. Поезжай к матери, Антуан. Преподнеси дар прощения и ей, и себе.

– Простить? Не могу. Не все.

– Простить можно только полностью, нельзя простить наполовину. Иначе это не прощение.

– Это невозможно.

– Прости ее. Только тогда ты обретешь душевный покой.

– Она причинила мне слишком много боли. Слишком многое отняла.

– Я прекрасно понимаю твои чувства, Антуан. Однако, прощая других, мы помогаем не только им, но прежде всего самим себе. Прощение нас освобождает. Надеюсь, ты еще подумаешь над этим. Причина нашего несчастья редко кроется в других людях. Такова жизнь. Чаще всего причина в нашем отношении к тому, что с нами происходит. Изменив свое суждение о людях, жизни и мире, ты освободишься от всех отравляющих чувств. Только у тебя есть власть над своей жизнью. Обстоятельства не бывают ни хорошими, ни плохими. Ничто, ни одна вещь в мире не обладает иными характеристиками, помимо твоих оценок. Обычно проходят годы, десятки лет, прежде чем мы это понимаем. И иногда бывает слишком поздно.

Антуан смотрел в пол, следя за танцующими тенями листьев. Затем произнес:

– Я ничего ей не должен.

– Ей – нет, – прошептала Шарлотта, – ты должен себе.

Антуан схватил сумку и встал. Когда он сел на велосипед, Шарлотта добавила:

– И еще кое-что, Антуан. Чтобы понять, кем на самом деле была твоя мать, ты должен любить ее всем сердцем. Только глядя на нас любящими глазами, нас, несовершенных людей, можно понять. В конце истории каждого остается так много незаконченного, а после смерти – так много непогребенного.

Антуан опустил глаза, кивнул Шарлотте и уехал.

Глава 38

Они по-прежнему продолжали держаться на поверхности лжи, как пузырь на поверхности бурного потока, до тех пор, пока с небес не обрушилась правда и не разорвала его защитную оболочку.

Жюлю исполнилось пятьдесят два года. За последние двадцать лет своей жизни – а если считать, что его упадок начался с подмены детей, то, возможно, и все двадцать пять – тридцать (время до того момента), – он пережил очень мало событий, которые можно было бы вспоминать с любовью, и будущее не сулило ничего радостного. Сколько еще он будет жить фальшивой жизнью сам и вынуждать других?

Становится ли нам безразлично, когда мы замечаем, что слишком глубоко погрязли в жизни, которой никогда не хотели? Как часто жизнь должна выходить из-под контроля, чтобы мы стали безразличны к собственной судьбе? Может ли безразличие стать образом существования? В какой-то момент мы просто позволяем событиям с нами происходить? Значит ли это, что мы сдаемся? Или существует момент, заставляющий нас проснуться и снова набраться смелости, чтобы возобновить борьбу за свои мечты?

Жюль сидел за секретером из махагони, над которым горела латунная лампа с зеленым стеклянным абажуром. Он задумчиво покачивался на вращающемся стуле, обхватив подлокотники руками. Бывший судья ощущал тупую боль в сердце, от которой ни один врач до сих пор не нашел средства.

Он встал и открыл окно. В комнату ворвался сквозняк, захватив с собой осень. Жюль выглянул наружу: листва опадала. В голубом небе кружилась желто-оранжево-красная метель.

Подобно тому, как деревья сбрасывают листья, Жюль наконец должен был сбросить с себя оковы лжи, несмотря на то, что после его ждала зима. Но только так он мог снова пережить весну, только так его душа могла снова выпустить почки и зацвести в полную силу.

Нервы Жюля, словно струны, были натянуты до предела. Ему нужно было выговориться. Сейчас. Ведь он знал: одно неверное слово, и струны порвутся. Он встал и пошел в гостиную к жене.

Луиза давно заметила стеклянный взгляд мужа, которым он, казалось, смотрел сквозь нее, когда она с ним говорила. Женщина почувствовала, как внутри поднимается страх. Пусть она и не знала, перед чем именно, но понимала, что это что-то важное. То, чего она боялась все эти годы. Важная деталь их жизни, которую она всегда подсознательно чувствовала, но та ускользала от ее разума. Луиза знала, что правда прошлых лет таится в воспаленных, с красными прожилками глазах мужа.

Жюль опустил голову. Не глядя на Луизу, он начал говорить. На его лбу блестел пот. Голос утратил уверенный тон, из-за чего Жюль казался непривычно беспомощным. Уже после первых фраз Луиза качнула головой, будто отгоняя навязчивые мысли. Жюль продолжал. Едва слышно, сквозь рыдания, он признался. У обычно замкнутого Жюля фразы сочились изо рта, словно капли воды из плохо закрытого крана. Луиза сидела молча. Внезапное признание медленно проникало в ее сознание. Однако, как только она осмыслила сказанное, каждое слово начало вонзаться в нее, будто лезвие ножа. В ужасе она посмотрела на мужа и прикусила нижнюю губу. В ее глазах заблестели слезы, похожие на осколки стекла.

Подобно землетрясению, которое долгое время остается скрытым, прежде чем толчки дойдут до поверхности, столпы их совместной жизни разрушились, а фасад раскрошился, обнажив то, что за ним скрывалось.

Она вдруг снова увидела перед собой лицо Жюля в первые месяцы после рождения ребенка – лицо, которое говорило обо всем, но не выдавало ничего.

Серые глаза Луизы окрасились в черный цвет. Будто ложь пронеслась над ее полем зрения, как орел, и оставила на нем тени от

своих огромных крыльев. Все сказанное повисло в воздухе, большими буквами выложилось перед супругами.

Раздался хрупкий и тонкий голос Луизы:

– Почему? – По ее щекам потекли слезы. – Как ты мог? Наш родной ребенок. Подменен на чужого. Как жестоко! Жестоко! О чем ты думал? Ты ограбил меня. Отнял моего собственного ребенка. Ты действительно думал, что это выход? Хотел придать себе ложного блеска, получив здорового ребенка? – Ее взгляд был жестче любой пощечины.

– Нет же, дорогая.

– Не называй меня так!

Луиза смотрела, как он сидит, опустив плечи. «Будто ему слишком тяжело держать спину прямо после того, что он сделал», – подумала она. Жюль пытался объяснить цель своего поступка. Пытался пробудить в Луизе чувство, которое испытал много лет назад, стоя в зале с новорожденными.

– После того, как умер и наш последний ребенок, я понял, что потеря еще одного тебя убьет.

На лице Луизы отразился ужас. Он хотел обвинить в своем поступке ее?

Жюль продолжал, словно ничего не слыша и не видя. Ему самому казалось, что его слова исходят из уст незнакомца. Медленно он поднял взгляд, посмотрел на Луизу и онемел. Она раскачивалась взад-вперед, издавая стоны и тихо всхлипывая, спрятав лицо в колени, обхваченные руками. То, в чем он ей признался, превзошло ее худшие опасения.

Рано или поздно мать чувствует, что ребенок ей не родной, пусть это и находится за гранью понимания. Луиза сравнивала свои подозрения с правдой, перебирала в памяти прошедшие годы. В ее лице что-то дернулось. Она вдруг все поняла.

Осторожно добравшись до Луизы на ощупь, Жюль нежно положил руку ей на плечо. Она лишь слегка подняла голову, посмотрела на него снизу вверх и спросила:

– Почему ты признаешься сейчас? Спустия столько лет? Ищешь прощения?

– Я хочу все исправить, – прошептал Жюль, пытаясь достучаться до того, что все еще оставалось живо за пеленой слез.

– Исправить? Ты шутишь?

– Прости, Луиза, прости. Я просто хотел помочь. Ты была так несчастна без ребенка.

– Ты хочешь переложить вину на меня. Но нет. Так просто тебе это с рук не сойдет. Ты не только помогаешь в беде, но и снова в нее втягиваешь.

Казалось, что все прекрасное, что выросло в жизни Луизы, было скошено косой признания. Все тонко сотканые планы – разорваны ложью.

Луиза старалась никогда не лезть в ящик, в котором Жюль прятал самое сокровенное, если он не открывал его сам. Однако то, что он достал из него сейчас, было самой возмутительной вещью в ее жизни.

Она вдруг поняла, что раздражало ее все эти годы, когда она смотрела Жюлю в лицо. Она вдруг осознала: очевидная маска очевидной лжи – вот что это.

Луизе казалось, что она вот-вот распадется на части. Что ее сердце разорвется. Что ее душа расколется, а осколки разлетятся повсюду, и она больше никогда не сможет их собрать. Луиза чувствовала, как растворяется в собственных слезах.

Она подняла на Жюля голову, раскрыла веки, пронзительно посмотрела на него мокрыми от слез глазами и открыла рот, чтобы закричать. Но крика не последовало.

Как бы Жюлю хотелось заставить замолчать эту кричащую тишину. Наполнить ее надеждой. Он подал Луизе руку, на что она лишь вытянула вперед ладонь.

Она почувствовала, как внутри что-то оборвалось. А потом время остановилось. И мир предстал во всей своей ледяной жестокости.

– Убирайся! Видеть тебя не могу! – наконец закричала она.

Хотя Жюль был уверен, что заслужил отвержение и не должен издавать ни звука, он, будто выскользнув из кожи, рухнул в кресло, закрыл лицо руками и, рыдая, начал умолять о прощении.

В глазах Луизы, обычно таких нежных, вспыхнули искры. Что-то давно натянутое внутри нее оборвалось, и Жюлю показалось, что он услышал резкий треск.

- Почему? – выкрикнула она. – Почему?
- Луиза, умоляю. Прости меня!
- Замолчи! – крикнула она, закрывая уши руками.

Больше всего Луизе хотелось сейчас же разорвать сеть лжи, которой Жюль опутал их с Флорентиной. Ей хотелось броситься к дочери и рассказать, какой бесчеловечный у нее отец. Однако в глубине души она знала, что не в силах этого сделать, ведь сплетенная вокруг них сеть делает их одной семьей. Полностью ее разорвать означало бы лишиться себя возможности быть матерью. Разоблачить себя в отсутствии ребенка. Тогда Луиза потеряла бы не только свою иллюзию, но и дочь.

Когда после долгого молчания она посмотрела в искаженное болью лицо Жюля, она попыталась на мгновение вернуть самообладание. Вернуться к некогда мирным отношениям с мужем. Лишь для того, чтобы задать ему единственный вопрос, который теперь ее терзал. Она наклонилась к нему. В ее глазах дрожали слезы. В тишине Луиза спросила:

- Жюль, ты уверен, что наш ребенок умер?

Глаза Жюля наполнились слезами. Он поднял голову и посмотрел в окно на небо. Скользнул взглядом за облака. Словно ответ скрывается там. Затем посмотрел на Луизу и беспомощно пожал плечами.

- Что делать, Жюль? Что делать?
- Жюль молчал.
- Скажи же что-нибудь!

Не осталось и следа от того непоколебимого душевного спокойствия – по крайней мере, в том, что касалось семьи, – которым обладала его жена. В одночасье она превратилась в такое же существо, как и он сам. Сломленное, слабое, полное боли и беспомощности. Глубоко потрясенное всем тем, что до этого казалось неизменным.

На мгновение Жюлю даже показалось, что он увидел искорку ненависти, вспыхнувшую во взгляде Луизы. Он ее понимал. Она имела право на ненависть. Однако искра погасла так же быстро, как и появилась, уступив место хрупкой пустоте.

Они оба достигли смирения. На лицах было одно побежденное выражение. Казалось, что ничто и никогда не смоет с них пыль и усталость.

Когда начался конец всего?

– Что с нами стало? – тихо спросила Луиза.

– Не знаю.

– Почему?

– Не знаю. – Жюль посмотрел в пол и покачал головой. – Мы каким-то образом потеряли друг друга, когда решили завести ребенка. Мы так сильно об этом мечтали. С каждым последующим ребенком умирала часть нас, кусочек нашей общей мечты. Потом появилась Флорентина. И должна была все исцелить. Нас, наш брак. Но это непосильная ноша для ребенка. Нас не исцелил бы никто, кроме нас самих.

Вдруг они услышали шаги. Когда в гостиную с изумленным видом неожиданно вошла Флорентина, разговор Жюля и Луизы сразу превратился в не имеющую значения болтовню. О саде. О деревьях, которые нужно срубить. Луиза сморгнула слезы и взглянула на девушку, которая так внезапно перестала быть ее биологической дочерью. Жюль тоже поднял глаза на Флорентину, но не выдержал ее взгляда. От нее он не мог ничего скрывать. Только не от нее. Они были слишком близки. Жюль опустил голову, чтобы собраться с мыслями, пока Флорентина искала в лицах и поведении родителей намеки на то, что случилось. Следы разговора, который они, должно быть, вели перед тем, как она вошла. Почему на лице Жюля выражался стыд? А на лице Луизы – страх? У него появилась другая?

Вскоре Флорентина почувствовала, что смутила родителей, и поняла, что выяснит все, что ей нужно. Она развернулась, вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Жюль посмотрел на Луизу. Его лицо выражало желание получить совет, помощь и наставление в вопросе, который его тяготил. Рассказать Луизе правду было достаточно трудно. Так как рассказать ее Флорентине? Как объяснить то, чему нет объяснения? Как попросить прощения за то, чему прощения нет?

Луиза отвернулась, встала и тоже вышла из гостиной. На ходу она велела прислуге подготовить для нее гостевой дом.

– Ты меня бросаешь? – крикнул Жюль ей вслед.

Луиза на мгновение остановилась и, даже не оглянувшись, ответила:

– Ты бросил меня еще много лет назад, Жюль.

Ковер заглушал ее шаги. Жюль бежал за ней до самой лестницы. Услышал, как она открыла дверь в фойе, и почувствовал сквозняк, проникший внутрь.

Через высокое арочное окно коридора Жюль смотрел на гостевой дом, дверь которого Луиза захлопнула так основательно, будто больше никогда не собиралась открывать.

С того момента, как она задвинула засов, день начал меркнуть, а вместе с ним и годы совместной супружеской жизни.

Глава 39

Что от нас остается, когда существующее внезапно отслаивается от нас огромными пластами, проникающими в душу?

Жизнь – такая, какой она была – прошла всего за мгновение. Ее смыло течением, словно опавший увядший лист в море.

Луиза чувствовала себя устрицей, лишенной раковины. Шли дни. Усыпленная однообразием медленно ползущих часов, она лежала на кровати и не двигалась. Горничная подавала ей завтраки, обеды и ужины, а затем снова уносила нетронутое.

Всего нескольких слов оказалось достаточно, чтобы лишить Луизу гармонии, казалось бы, нерушимой жизни.

Невообразимое становилось понятным лишь постепенно, но все больше с каждым днем. В то же время все более непонятным становилось то, почему она вообще жила с Жюлем в последние годы. Разве может во лжи быть что-то настоящее?

Луиза пыталась собрать воедино свой мир, разлетевшийся на крошечные части, однако у нее не получалось. Всего нескольких минут оказалось достаточно, чтобы разрушить иллюзию, создаваемую годами. Ее прежняя жизнь увядала и гибла, и она впервые

почувствовала, как к ней подкрадывается одиночество и застилает все вокруг черной пеленой. Снизу к ней тянулась глубина.

Дни простирались перед ней, словно пустые белые страницы. У Луизы было чувство, что она никогда не сможет наполнить жизнью ни один листок. Ее ужас от того, в чем признался Жюль, перерос скорее в отчаяние, чем в гнев.

Теперь брак казался ей плодом, в котором силы распределены неравномерно. При разделении остаются две неравные половины. Одна с ядром, содержащим все необходимое, а другая – без. Луиза чувствовала себя опустошенной. Лишенной ядра.

Они потеряли друг друга. Или они уже долгие годы не были мужем и женой?

Внешняя жизнь прилиwała к ее сознанию и отступала от него, как морская вода. Как только Луиза видела четкую картину возможного будущего с учетом правды, вода снова убывала.

Ее страхи выползали отовсюду, со всех углов. Как муравьи, которые набрасываются на сладкое, и в итоге от него ничего не остается.

Несколько дней подряд в воздухе не было видно ничего, кроме серого дыхания дождя, тысячами нитей струившегося с небес. Луиза выглянула в окно. И увидела Жюля, сидевшего под деревом напротив гостевого дома в ожидании, что она его впустил. Флорентина тактично удалилась и больше не показывалась с того дня в гостиной.

Душевное состояние Жюля взяло верх над гневом Луизы. Никогда в жизни она не видела, чтобы муж лил такие горькие слезы. Даже после того, как Жюль в одно мгновение лишил Луизу всего, во что она верила, она начала понимать, что на самом деле он сделал это ради нее.

Глава 40

Сад был залит темно-синим сумеречным светом. Было тихо, если не считать нескольких ранних птиц, которые поднимались в небо, стряхивая росу с перьев. Венера, словно жемчужина, светилась над

горизонтом на расстоянии вытянутой руки. Как первый проблеск надежды, появившийся в небе.

Когда Луиза наконец открыла дверь и посмотрела в лицо Жюля, она поняла, что ей не только внезапно открылась правда, но и, впервые за долгие годы, душа Жюля: она снова показалась в его глазах. Как будто он снял очки с зеркальными стеклами, в которых она все это время видела не его взгляд, а свой собственный. Теперь Жюль избавился не только от лжи, но и от ложного блеска прежних лет брака. Как от шелкового плаща: красивого снаружи, но холодного изнутри. Они оба были обнажены. И все прошедшие годы разом потеряли свое тепло.

Луиза оглядела сад. По влажной от росы траве струился утренний свет. Туман опоясывал деревья, будто тонкими хлопковыми нитями. Тут и там падали разноцветные увядшие листья, в последний раз танцуя в воздухе, прежде чем вернуться на землю, которая их породила. «Однако даже падающий с дерева осенний лист – это еще не конец. Это просто превращение того, что было раньше, в то, чего раньше не было, – думала Луиза. – И как лист осенью меняет свою зелень на розовое золото, так и мы в старости обмениваем иллюзии на опыт. Осень жизни не обязательно означает, что наши мечты умирают, она также может означать, что наша жизнь становится богаче на вещи, которых в ней раньше не было. Прежние возможности уступают место новым. Это перемена, не потеря. – При этой мысли в ней поднялось странное чувство спокойствия. – Даже осень – это еще не конец всему», – говорила она себе.

Жюль видел в поведении Луизы облегчение человека, который долгое время предвидел надвигающуюся катастрофу, а теперь был рад, что неизбежное наконец-то свершилось.

Луиза опустила на влажную траву рядом с Жюлем. Вытряхнув из помятой пачки сигарету, она зажала ее губами и подожгла. Луиза не курила много лет. Она поднесла сигарету, зажатую между длинными узкими пальцами, к губам, глубоко затянулась, запрокинула голову и выпустила в небо тонкое облачко дыма. Как будто хотела полностью избавиться от серой пелены, окутавшей душу.

– Когда наши жизни перестали переплетаться друг с другом?

Жюль молчал.

– Будь честен с собой, Жюль, – продолжила Луиза, – ты хочешь сохранить этот брак? – В ее голосе послышалась нотка страха.

Жюль, использовавший последние силы, чтобы выдержать возложенную им самим на себя роль уверенного человека, пробормотал:

– Не знаю.

– Собственную правду не забывают. Никто не забывает. Мы все совершенствуемся во лжи, – сказала Луиза и затушила сигарету о камень.

– Мне жаль. Мне бесконечно жаль, – добавил Жюль.

– И что мне с этим делать? Давай будем честны друг с другом. Никто из нас не мечтал жить так, как мы живем. – Луиза не сводила взгляд с раздавленной сигареты и пепла вокруг нее.

Жюль смотрел на Луизу. Она сидела, согнутая под тяжестью правды, которая лежала на ее плечах, как прежде лежала на плечах Жюля ложь. Он знал, какой истощенной, опустошенной и уставшей, какой бесконечно уставшей она себя чувствовала.

Безмолвное отчаяние от того, что произошедшего не изменить. Оба понимали, что совместная жизнь подошла к концу, что их пути разойдутся.

Глава 41

Шли дни. Флорентине они по-прежнему ничего не говорили. Вспыхивающая время от времени уверенность Луизы в том, что все будет хорошо, опять уменьшалась до размера песчинки и снова уступала место отчаянию. Пока она внутренне мирилась со своим положением, Жюль после своего признания постепенно возвращался к тому, кем был раньше. Старые, похороненные, никогда не признававшиеся чувства вырвались из глубины его сердца и помогли вспомнить. О единственной женщине, о единственной жизни, которую, как ему казалось, он мог любить. Чувства, в которых Жюль не мог себе признаться много лет назад, поскольку не знал, как с ними жить.

Вместо этого он позволил поглотить себя жизни, которая ему не принадлежала.

Как же все-таки долго мы способны себя обманывать.

На небосводе светила яркая и неподвижная луна. Ее отражение, похожее на стаю блестящих рыб, дрожало на воде далекой реки. Окутанный темнотой ночи, Жюль спустился в сад с сигарой в уголке рта. Он достал из кармана брюк коробок спичек, вынул одну, зажег ее о кору дуба и поднес к своей «Партагас». Сделав глубокую затяжку, он зажал сигару между большим и указательным пальцами и проследил за дымом, который, подобно крыльям, распростерся над травой и серым облаком растворился в черном небе.

Позади Жюля, на холме, находилась вилла, в которой дрожали огни, но царила темнота, в которой Луиза, невидимая, стояла за окном, следя глазами за красным огоньком сигары.

Перед Жюлем вырисовывались силуэты городских домов, выступавшие из сумерек, будто вырезанные из бумаги. Дальше, сразу за рекой, виднелись поля, терявшиеся в дымке. Рядом с ним стояли фонари, освещавшие подъездную дорожку к вилле; вместе с луной они боролись с мраком.

Ложь его отпустила. Слетела с души, как пепел. Он чувствовал себя свободным.

Большого, чем осознание этого, ему не требовалось. Жюль знал, что смотрит на свою прежнюю жизнь в последний раз.

Он сел на старую скамейку и провел ладонью по тикю. Время потрепало Жюля так же, как это дерево. И, как и для того, чтобы снова увидеть богатство его текстуры, нужно было всего лишь счистить верхний слой скамейки, так и Жюлю просто нужно было полностью избавиться от старой жизни.

Его губы искривила измученная улыбка облегчения. Сегодня луна снова проложит свой путь по небу. А завтра наступит новый день.

Глава 42

Наконец небо распалось на крошечные сияющие осколки. Заявление Жюля о том, что он на какое-то время уедет, подтвердило подозрения Флорентины. Она была привязана к отцу, полагалась на его

решения. Она чувствовала, что его мучает что-то еще, не известное ей, но вопросов не задавала. Он обещал объяснить, как только вернется.

Словно освещенный прожектором, Жюль теперь ясно видел, что нужно делать. Нужно найти женщину, которую он шантажировал и сделал соучастницей. Должно быть, все эти годы она страдала так же, как и он. Совсем недавно Жюль узнал через своего друга, бывшего руководителя больницы, что она уехала с мальчиком сразу через несколько недель после той ночи, в страну на Дальнем Востоке, чтобы начать новую жизнь с сыном там, вдали от нашего мира.

Она уехала, будто обменяв шумную скорость, которая настолько разобщает личность, что в какой-то момент ее невозможно собрать воедино, на спокойную медлительность, которая снова соединяет и центрирует нас.

Жюль найдет ее, где бы она ни была. Он попросит у нее прощения, а затем отправится к настоящим родителям Флорентины, чтобы признаться в том, в чем признался Луизе. И, если повезет, узнать, что случилось с его собственным ребенком. Наконец-то он сделает то, что давно должен был сделать.

Однажды утром, когда перед солнцем серыми нитями растягивался туман, в воздухе кружил листопад, а под ногами шелестела листва, Жюль оставил жизнь, которая больше не имела к нему никакого отношения, и отправился в путешествие. В ветвях шумел ветер. С деревьев непрерывно капало. Все вокруг покрывал ковер увядших листьев.

Луиза провожала его на вокзал. Они молча шли рядом друг с другом по перрону. Когда подошел поезд, она спросила:

– Что теперь будет, Жюль?

На самом деле она просто хотела сказать ему на прощание, а также самой себе, что последние тридцать лет, которые они провели вместе как пара, хоть что-то значат. Что это не потраченное впустую время. Что они с Жюлем вырастили Флорентину, пусть и неродного ребенка, чудесной девушкой. И чувство, теплившееся когда-то между ними, так же важно, как родные дети. Однако Луиза не смогла этого сказать. Казалось, Жюль был уже слишком далеко от нее. Казалось, он

уже мысленно перебирал прошедшие годы, пытаясь снова найти ту точку, в которую хотел бы вернуться.

– Я должен исправить то, что могу. Нам обоим нужно нарисовать контуры наших жизней так четко, чтобы они приобрели сходство с тем, что действительно нам подходит. Слишком много дней, месяцев, лет отделяют нас от людей, которыми мы когда-то были. Которыми мы на самом деле хотим быть. Если наш брак отцвел, это не значит, что в нас все тоже увяло.

За долю мгновения тяжесть жизни, мира упала с их плеч, и они увидели крупицу новой возможности – для них обоих.

– Некоторые просто хотят выбраться из неправильной жизни. Но я не хочу ниоткуда выбираться. Я хочу войти. Войти в правильную жизнь, – сказала Луиза.

– И ты войдешь, – пообещал Жюль.

Луиза, чувствовавшая себя слишком слабой и уставшей, чтобы каждый день заново переживать то, что оказалось правдой прошлого, предпочла бы внушить себе, что все, что она сейчас испытывает, принадлежит кому-то другому. Она предпочла бы влезть в другую шкуру, в жизнь другой женщины. Однако реальность отчетливо стояла перед ней, Луиза видела ее каждый раз, когда встречала где-то свое отражение – как сейчас, в стекле вагона, – и бегство становилось невозможным.

– Я могу надеяться только на твое прощение. – Это были последние слова Жюля Луизе на перроне. Его лицо, которому он хотел придать выражение надежды, выражало боль. Затем он притянул Луизу к себе и обнял. Она прильнула бледным лицом к его плечу и пальцами впиалась ему в спину.

Жюль резануло по сердцу, когда он оторвал ее от себя, в последний раз поцеловал в лоб и в самый последний момент запрыгнул в поезд.

– Мы все ищем, где закопано наше сокровище. Чтобы его найти, нам нужно вернуться в то волшебное место, где наши мечты никогда не умирали, – крикнул он ей. Затем Жюль скрылся в толпе других людей и еще до того, как поезд тронулся, исчез из поля зрения Луизы.

Луиза смотрела на окна купе, которые проносились мимо нее сначала медленно, а потом все быстрее, пока не превратились в

размытую длинную серую полосу, которая становилась все бледнее, пока сам поезд не стал далекой черной точкой на горизонте и не исчез.

Она была уверена, что они больше никогда не увидят друг друга такими, какими видели в последний раз. Луиза знала наверняка: она знает своего мужа лучше, чем он сам. Поэтому она уже сейчас догадывалась, что в этой поездке он найдет себя. Однако страх перед этим не принес ей никакой пользы.

Ее кожа дрожала, как будто готовая отслоиться от лица. Слезы текли, оставляя белые дорожки на напудренных щеках.

Глава 43

Утренний свет пробивался сквозь жалюзи и ласкал лицо Луизы. Она жмурилась. Откуда ей только взять силы, чтобы встать? Через пробоину во времени она провалилась в заброшенное настоящее. И как смотреть в будущее, в котором настоящего, кажется, больше нет? Изнутри Луиза была словно полуразрушенный дом. В ней не было ничего, кроме обломков и пустых темных комнат. Кроме последних крупиц воспоминаний, которые превратились в крошечные точки за серой пылью развалин и наконец совсем исчезли. Чтобы жить дальше, требовались такие усилия. Казалось, от Луизы все ускользало, она не могла ухватиться ни за одну мысль. В ее голову проникали образы из прошлого. Образы только кажущейся счастливой семьи.

Луиза вспомнила о письме Жюля, которое перед сном нашла на подушке, и решила открыть глаза и задержаться в этом мире еще на день. Пусть и лишь для того, чтобы прочитать последние слова мужа, обращенные к ней, и унести их с собой в вечность.

Луиза вытянула руку и взяла с прикроватного столика конверт. Она нежно провела пальцами по надписи «для Луизы, моей жены», очертив буквы. Затем дрожащими руками разорвала конверт.

Дорогая моя Луиза,

пусть мы и объяснились лишь взглядами, мы оба понимаем, что наше совместное настоящее стало прошлым.

Я хочу поблагодарить тебя за твою любовь, нежность, привязанность. Хочу поблагодарить за то, что ты была в моей жизни.

Даже если после расставания мы пойдем разными дорогами, в моем сердце и мыслях всегда будет место для тебя. Я очень любил тебя, Луиза. И все еще люблю.

Ты раньше меня почувствовала, что наши души расходятся. Еще когда мы были рядом физически. Теперь нам предстоит выяснить, куда мы пошли, по какому пути. Не думаю, что мы заблудились. Ни твоя душа, ни моя. Наоборот, я верю, что они движутся туда, где каждая найдет свое истинное место. И когда мы вновь заговорим на их языке, который, как нам кажется, забыли, они укажут нам путь.

Ты говорила о пустоте, которая наполняет тебя изнутри. Растекается по тебе и разъедает, как едкая кислота. Проникает в вены, поглощает конечности и, кажется, не оставляет от тебя ничего, кроме оболочки. Я чувствую то же, что и ты, и прошу у тебя прощения. За то, что сделал с тобой и твоей жизнью, за то, что в последние годы был погружен в себя, за отсутствие нежности к тебе и за парившую над всем этим, словно большая черная птица, которая расправила крылья и отбросила тень на всю нашу жизнь, ложь.

Дорогая моя Луиза, мне очень жаль. Невероятно жаль. Я никогда не хотел причинять тебе такую боль. Надеюсь, ты это знаешь. Все, чего я хотел, – видеть тебя счастливой. Однако тогда я не знал, что счастья никогда не построить на чужом несчастье и что ложь расправляет свои крылья. Черные крылья, которые день ото дня растут.

Возможно, единственное, что я могу вернуть тебе сегодня из всего, что отнял, – это надежда. Потому что я верю, что любая пустота заполняется снова. Что каждому человеку нужно пустое пространство внутри, чтобы у него оставалось место для волшебства жизни и новых возможностей. Порой необходимо убрать из жизни неправильное, чтобы освободить место для правильного.

Мы никогда не знаем, что последует за тем или иным событием. Действительно ли то, что с нами случилось, было несчастьем, мы узнаем гораздо позже. Возможно, нам нужно было дойти до этой точки, Луиза, чтобы из краха нашего брака вышло что-то новое, что-то невиданное. Мы видим свою жизнь лишь фрагментами, но никогда – целиком, поэтому не знаем, что с чем связано в этом полотне. Единственное, что мы знаем, – что жизненные пути

бесконечны. И если один путь для нас закрывается, открывается другой.

Я хочу в это верить. И я ничего не желаю так сильно, как чтобы ты тоже поверила и однажды меня простила.

Всему свое время. Встречам и прощаниям. Счастью и несчастью, приобретениям и потерям. Но в конце, я в этом уверен, жизнь находит способ все исправить. Порой совершенно невиданным образом.

Я люблю тебя. И всегда буду любить. Пусть и иначе, чем мы когда-то мечтали.

Все будет хорошо.

Твой Жюль

Луиза сложила письмо и сунула его обратно в конверт. Она выдвинула ящик прикроватной тумбочки, положила туда конверт и снова задвинула ящик. Затем она откинула простыню в сторону, села на край кровати, потерла глаза пальцами, встала и подошла к окну.

Вид на этот великолепный сад снаружи вызвал у нее одну-единственную мысль: «Вот уже несколько десятилетий мы живем на этой возмутительно огромной вилле, носим самые дорогие наряды, украшаем себя по любому поводу. И все же, в сущности, мы оба бедны. Мы с Жюлем. Ведь настоящее богатство человека – это полнота сердца. Наши жизни полны. А вот сердца пусты».

На мгновение Луиза закрыла глаза. Затем снова открыла. Она посмотрела в зеркало на стене. Заглянула в свои усталые, обрамленные темными кругами глаза. Этот долгий молчаливый взгляд. Так вот как выглядит женщина, которую на протяжении всех лет брака любили не так, как ей хотелось и было нужно? Которую не желали, а о которой лишь заботились? Потому что муж чувствовал себя виноватым? Ее жизнь закончилась? Неужели каждый человек среднего возраста рано или поздно достигает этой точки разочарования и опустошения? Ощущения, что его больше не ждет ничего особенного? Можно ли с этим что-то сделать? Можно ли построить новую жизнь на старой? Жизнь, неизведанный восторг которой воскресит? Где Луизе искать дверь в эту новую жизнь?

Этими глазами она не увидела вовремя, как наступил конец ее браку. Этими ушами она не услышала ударов колокола. Когда она перестала доверять своим чувствам? Ведь если мы не выучим язык Вселенной, мы не поймем, что нам говорит мир.

Луиза приподняла слегка опущенные уголки рта пальцами. Попыталась улыбнуться самой себе.

Ей нельзя было отравлять свою жизнь горечью. Нельзя было уступить место темным мыслям. Нельзя было позволять жалости поглотить себя. То, что с ней случилось, могло случиться с каждым. Это не было несправедливостью, произошедшей исключительно с ней. Каждый может столкнуться с тем, с чем может столкнуться кто угодно. Несчастье поражает всех. Однажды. Так же, как и счастье снова нас находит. Однажды. И так раз за разом, белая полоса сменяет черную полосу.

Она открыла окно. Убрала со лба и с лица волосы. В утреннем свете они блестели, словно спелая пшеница. В сумеречном – напоминали корицу. У ее родного ребенка был такой же цвет волос? Этот ребенок был похож на нее? Как он мог бы выглядеть? И как выглядел?

Вдалеке Луиза слышала плач ребенка. Она увидела, как маленькая ласточка выскользнула из гнезда, взлетела и поплыла по синему воздуху. Ветер гладил Луизу по лицу, словно приветствуя в новой жизни. Тихо шелестели листья.

Как мало нужно для того, чтобы ощутить силу, которая нас объединяет. Даже когда нам грозит распад.

Луиза нерешительно улыбнулась и впервые поняла, что маленькие чудеса творят в нас большие перемены. Когда мы на них решаемся.

Глава 44

Именно прислуга, которую Луиза меньше всего замечала почти десять лет – столько времени женщина проработала на Жюля и Луизу – подарила ей первый день ее будущего. Луиза сидела на стуле с подлокотниками и задумчиво смотрела в окно, когда пожилая горничная вошла и подала ей чай.

– Спасибо, – сказала Луиза, не глядя на нее.

Между делом женщина едва ли не шепотом спросила:

– Вы когда-нибудь бывали в лазуритовой часовне на окраине города? Она стоит на одиноком холме, а ее башня достает почти до звезд.

Впервые Луиза прислушалась к этому голосу, казалось, доносившемуся откуда-то издалека.

– Вы должны сходить. Полюбоваться внутренним убранством. Говорят, часовня таит в себе тайны и чудеса для тех, кто умеет их видеть. – Не дожидаясь ответа Луизы и не издав ни малейшего звука, горничная повернулась, вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь.

Луизе показалось? Или женщина, о которой она не знает ничего, кроме имени, знает о Луизе больше, чем она сама? То, что сказала прислуга, прозвучало скорее как намек, чем как вопрос.

Разве Луиза не должна снова учиться прислушиваться к своим чувствам? Доверять им?

Недолго думая, она встала, спустилась по лестнице в фойе, сняла с крючка пальто, надела и подвязала его поясом, обула сапоги и вышла из дома.

Облака расходились, и на землю постепенно проливался солнечный свет. Добравшись до часовенки, Луиза была поражена тем, как много волшебства исходит от этого крошечного клочка земли. Башня действительно будто бы сливалась с небом. Фасад украшали барельефы с падающими листьями. По обеим сторонам от входа находились горельефы с кипарисами и Древом жизни. Дубовые ворота, украшенные резьбой в виде плюща, лепестков, лилий и таких насекомых, как божьи коровки, бабочки, кузнечики и муравьи, походили на вход в другой мир.

Когда Луиза вошла в базилику, она была поражена. Сводчатый потолок удерживал лес каменных колонн. Подобно деревьям, они поднимались ввысь, разветвлялись, и их кроны сливались с голубым небом. А в нем мерцали золотые звезды. Окна с цветными стеклами создавали в помещении и на полу игру света, от очарования которой Луизе было не скрыться. Повсюду царил таинственная тишина. Тишина, говорившая обо всем.

Бесшумно ступая по мраморному полу, Луиза впитывала в себя весь скопившийся в этом месте свет.

Пока ее взгляд не приковала книга с золотистым обрезом. Она лежала на консоли из цельной латуни, на которой также горело несколько свечей.

Луиза подошла к консоли, взяла книгу в руки, провела пальцами по кожаному переплету, потертому настолько, что невозможно было прочесть название и автора, погладила углубление на крышке в форме пера и положила книгу на место.

Что-то в ней привлекло ее внимание. Она снова взяла книгу. Коснувшись пальцами плетеной шелковой ленты красного цвета, Луиза наконец раскрыла ее на том месте, где лежало ляссе.

Страница 829

Порой нам вовсе не обязательно искать выход из обыденной жизни. Зачастую достаточно найти то, что сделает ее менее обыденной. Ведь это не мир теряет свои цвета, а мы свои.

* * *

Если ты не упустишь их из виду, маленькие истории из жизни расскажут тебе о многом. Слушай внимательно, и они поведают тебе, насколько все взаимосвязано.

* * *

Ответы на вопросы придут, когда ты дашь им возможность тебя найти. Загадка твоей жизни растворится, как туман над морем, когда ты будешь к этому готов.

Луиза закрыла книгу, положила ее обратно и посмотрела на особенный таинственный свет, обнаруженный в часовне. Затем села на скамейку, закрыла глаза и прислушалась к тишине.

Когда Луиза очнулась, на улице уже смеркалось. Строки из книги вызвали в ней нечто странное. Она почувствовала себя на редкость легко и спокойно. Как будто слова расчистили обломки у нее внутри.

Луиза встала, глубоко вздохнула, подошла к консоли с книгой и снова ее взяла. Прежде чем отправиться домой, ей хотелось перечитать эти чудесные фразы еще раз. Она потянула за ляссе и открыла страницу, которую читала ранее. То, что она увидела там сейчас, удивило ее: ничего. Одни пустые страницы. Она судорожно пролистала всю книгу. Пусто. Сотни пустых страниц. Как такое возможно? Послание лишь для нее одной? Лишь на один-единственный момент? Это ли имела в виду ее прислуга, когда прошептала, что «часовня таит в себе тайны и чудеса для тех, кто умеет их видеть»?

Исполненная покоя, Луиза опустила веки и кивнула. Беззвучно она произнесла «спасибо». Затем снова открыла глаза, поцеловала обложку книги и положила ее обратно на консоль. Луиза была уверена: следующее послание уже ждало человека, который его искал.

Глава 45

Наши пути пересекаются с людьми, которые могут уже долгое время быть незаметной частью нашей жизни, а потом оставить после себя что-то, что внезапно нас поменяет.

Как Луиза могла так долго не замечать свою прислугу? Почему мы низводим людей до тех ролей, в которых они нам встречаются? Ведь, лишь присмотревшись внимательно, можно распознать магию каждого.

Пока Луиза шла домой в сумерках, она прозрела. Она призналась себе, что дыра в ней образовалась не из-за откровения Жюля, а намного раньше. Просто она всегда вкладывала в свою жизнь так много, что не чувствовала этого. До исповеди Жюля у нее не было причин думать о себе. Луиза всегда утешала себя тем, что приписывала свое несчастье мужу.

Насколько больше мы страдали бы, если бы не могли винить других, хотя на самом деле виноватых нет или виноваты мы сами?

Все чувства, которые росли в Луизе и составляли основу ее мышления, рассеялись, когда она осознала, что в последние годы у нее не было противников ни в лице Жюля, ни в лице Флорентины, а был лишь один-единственный враг: она сама. Ее настоящее умерло исключительно из-за войны, которую она вела с собой.

Злость Луизы на Жюля разом рассеялась.

Раньше она не придавала его словам никакого значения, а просто отмахивалась от них в гневе. Теперь же она понимала, почему он так поступил. Жюль воспользовался своего рода запасным выходом из жизни с отчаявшейся женщиной, жизни, которую не мог вынести.

Луиза вспомнила время, когда из зеркала на нее ежедневно смотрели пустые и бледные глаза. Почти прозрачные глаза, в которые можно было заглянуть и обнаружить абсолютную пустоту. Глаза, в которых погасли искры. Это было время скорби и потерь после смерти их последнего ребенка. Время, когда Луиза не слышала ничего, кроме тиканья часов. Время, когда будущее представлялось ей в виде тропинки через мрачный лес. Тогда она испытывала такую зависть к женщинам, у которых были дети, что горечь растекалась по ее сердцу, словно пролившаяся черная краска. Долгое время Луиза была заперта во тьме своей души. В жизни, где, казалось, все сопровождалось смертью и горем, пока Жюлю с его непоколебимой верой не удалось заменить былое отчаяние новой надеждой. Тогда внутри Луизы снова вспыхнуло что-то яркое и подарило ей уверенность в том, что все будет хорошо.

Не Жюль был виновен в ее пустоте, а она сама. В то время как Луиза много лет на ощупь искала сказочный мир, двери в который для нее, казалось, не было, Жюль неустанно искал эту дверь, в итоге нашел и открыл для нее. Он подарил ей дитя, которого у нее без него никогда не было бы. Взял на себя грех и нарушил все моральные и этические принципы, чтобы она не сломалась из-за отсутствия ребенка. С рождением дочери Луиза наконец вернула себе легкость бытия.

Жюль был прав во всем, что говорил и писал. Внезапно Луиза с твердой уверенностью осознала, что в их браке было место только для нее. Что все было сосредоточено только на ней. Что за годы совместной жизни Жюль гораздо больше считался с ее потребностями, чем со своими. Она требовала для себя слишком многого. Для его чувств не оставалось места. На каждую тихую жалобу с его стороны она постоянно отвечала гораздо более громкими стенаниями. Пока он не оставил собственную жизнь с ее мечтами и стремлениями позади.

Был ли вообще у Жюля другой выход, кроме как поступить так, как он поступил? Сколько раз она смотрела на него изо дня в день, из

года в год, по-настоящему не видя? Он сделал это из любви, чтобы спасти жену, но их любовь друг к другу была потеряна.

А потом случилось еще кое-то. Если Луиза была честна с собой, а она впервые за долгое время была с собой честна, то Жюль временами становился для нее невыносимым. Несмотря на то, что он делал для нее все. Нет. Потому что он делал для нее все. Его чрезмерная уступчивость смущала ее. Она чувствовала себя неловко. Довольно часто Луизе казалось, что она видит невысказанные претензии со стороны Жюля, вытекающие из его поступков. При этом он подчинялся только ее слабостям. Его безусловная любовь охладила ее чувства.

Луиза и Жюль сделали все возможное, чтобы обрести счастье родительства, к которому когда-то так страстно стремились, однако теперь – несмотря на то, что у них была прекрасная дочь – они отдалились от этого счастья еще больше, чем прежде. Их счастье вдруг напомнило Луизе цветок, сорванный ради красоты, начавший увядать еще в руках. И вот они с Жюлем с большим трудом отыскивали в нем то, ради чего сорвали.

Луиза вспомнила слова, которые часто произносила ее мать: «Присутствие в жизни людей, которые нам не подходят или не приносят пользы, выводит из равновесия наши души». Может, они с Жюлем совсем друг другу не подходили? И убедили себя в обратном только потому, что пришло время создавать семью? Потому что оба до сих пор не встретили людей, которые дополняли бы их?

Жюль всегда был путеводной звездой Луизы. Вселял в нее надежду, когда в ней росло отчаяние. Наставлял ее, снова и снова возвращая на прежний путь. Нет, он не хотел причинять ей боль. Он сделал это ради нее. Только ради нее. И тем самым взвалил на себя такую тяжесть, под которой не могла выстоять любовь.

Вернувшись на виллу, Луиза поднялась по лестнице и открыла дверь в кабинет Жюля. Она осторожно вошла. Что она надеялась там найти? Его?

Луиза осмотрелась. Удивительно, как мало вещей было в комнате. За исключением секретера и книг, ничто не указывало на то, что в ней когда-то жили.

Внезапно Луизе стало жаль мужа. Ему пришлось отказаться от всего, от чего он отказался, чтобы удовлетворить ее и их совместную жизнь. Был ли он вообще тем Жюлем, которым хотел быть?

Последняя крупина обиды в сердце Луизы растворилась. Она подошла к окну и выглянула в сад, залитый жемчужным светом сумерек. Фруктовые деревья были полны спелых плодов.

«Иногда судьба обрушивается на нас, как перезревшие сливы с дерева, – подумала Луиза. – И наша жизнь под безоблачным небом идет наперекосяк».

Луиза поняла, что нельзя ждать, пока жизнь сама по себе превратится в нечто удивительное. Что, скорее, каждый сам должен отправляться в путь, каким бы трудным или долгим он ни казался. А она до сих пор ждала. Полжизни провела в ожидании.

С этим осознанием с нее спала слабость, как будто она сбросила кожу, как змея, которой стало слишком тесно, и за этой неправильной кожей оказалась женщина, что гораздо сильнее.

Постепенно Луиза начала смотреть в будущее, представлять свое место в нем. Она впервые осознанно задалась вопросом, чем наполнить *завтрашний день*.

В ней зрело новое чувство. Внезапная вспышка внутреннего света. Первый импульс для нового начала. Луиза почувствовала, как в ней робко, но все же ощутимо возрождается жизнь.

В тишине она прошептала:

– Тебе не нужно извиняться, Жюль. По крайней мере, передо мной. Перед другими – несомненно. И прежде всего перед самим собой. Теперь мне кажется, что каждый на какое-то время теряет в собственной жизни. Возможно, во всем, что произошло с нами за последние дни, есть и что-то очищающее. Возможно, это неплохо. Возможно, это приблизит нас к прежнему «я». Возможно, теперь мы оба сможем стать теми людьми, которыми хотим быть, и выбрать ту жизнь, которая нам подходит. Что бы ты ни искал в своем путешествии, дорогой Жюль, я желаю тебе, чтобы ты это нашел.

Глава 46

Место рядом пустовало. Разговоры других пассажиров, словно клочки бумаги, кружились в воздухе и наконец вылетали в окно. Сквозь полуоткрытые окна косыми полосами падал вечерний свет. В нем танцевала светящаяся пыль.

Жюль был вымотан. У него не осталось сил цепляться за жизнь. Как будто он был всего лишь иссохшим листом, который ветер сорвал с ветки дерева и собирался унести прочь.

Поезд скользил сквозь ночь, будто мысль сквозь неведение. На рельсах блестел лунный свет.

Глаза Жюля снова и снова закрывались, но заснуть он не мог. Жемчужно-синяя тьма действовала как защитная оболочка.

Единственное, что у него было, – это тщательно упакованный багаж прежней жизни и мечта.

Вокруг Жюля раздавался тихий шепот разрозненных разговоров. Он думал о бесконечности вопросов жизни и смерти; о том, что после другие люди будут приходить и уходить вместе с этими мгновениями, погружаясь в бесконечный архив времени; о том, что жизнь идет, словно поезд, в котором постоянно сменяют друг друга пассажиры, что она ненадолго соединяет некоторых из них между двумя точками времени, а затем снова разделяет. Поезда жизни движутся по самым разным направлениям, и каждый из нас едет к заветной цели, что бы ни искал, не зная наверняка, доберется ли.

За окном проносились жизни многих других людей. За один рейс на поезде можно ощутить дуновение тысячи разных человеческих жизней, незаметно заглянуть в сотни из них, мысленно погрузиться в некоторые и набросать их историю. Бесконечное множество историй.

Час за часом поезд уносил Жюля из старого мира в новый.

На следующее утро поезд шел по впечатляющим деревянным мостам, протянутым над бурлящей прозрачной водой, ехал через леса и вдоль подножия горного хребта, скалы которого прорезали водопады. За горами тянулись богатые равнинные луга, затем путь снова сворачивал в пологие холмы, которые все редели, пока по обе стороны маршрута не расстелились сверкающие от влаги зеленые поля.

Через день они добрались до приморского города. Порт находился недалеко от железнодорожного вокзала. Там скрипели огромные краны

и повсюду возвышались корабли, вышедшие в море. Началась переправа – следующий отрезок пути Жюля.

Корабль отплывал в сверкающее море через устье гавани, а бывший судья стоял на палубе и наблюдал, как перед глазами расплывается город.

Небо изогнулось над зеленью моря, словно голубая раковина. Жюль ощущал на губах легкий привкус соли. Чистый свет вечера наполнял его тишиной.

Проведя много дней в открытом море, Жюль добрался до страны, где хотел найти Шарлотту. Оставался лишь последний короткий отрезок пути на поезде.

Из окна купе Жюль смотрел на склоны ярко-зеленых рисовых террас, размытых утренним светом, будто лестницы в небеса. Тут и там он наблюдал, как из горных ручьев и источников отводят воду и заливают террасы, смотрел на рисоводов в конических шляпах из соломы, похожих на точки на картине, на персонажей, живущих в собственных мирах, в собственных историях.

Жаждающими глазами Жюль поглощал красоту этого пейзажа. Чувство пустоты, которое он ощущал внутри еще несколько дней назад, постепенно уступало место ощущению внутреннего пространства, свободного пространства, которое медленно заполнялось новыми возможностями. В Жюле пробуждалось совершенно новое чувство, которое он с трудом мог описать.

Это были одновременно скорбь по миру, который он оставил позади, и восхищение миром, который он теперь завоеует. Все казалось ему необычайно близким и в то же время далеким. Казалось, вся его жизнь состояла из отбытий и прибытий.

На перроне его встретили волшебство и букет неведомых цветов, мерцающая жизнь чужой страны. Все вокруг покрывал пудровый золотистый свет. Это был блеск другого мира, который, казалось, окутывал его, словно шелковый плащ. Тихая магия Востока.

Вокруг Жюля едва слышно проходила толпа. Казалось, людей привлекало то же, что и его: новая жизнь. Прежде чем осмотреться в поисках ночлега, Жюль сел на скамейку на перроне и, наблюдая за тихой суетой перед глазами, предался своим мыслям. Вокруг него, будто заколдованный снег, с деревьев падали лепестки.

Дул теплый ветер, рассказывающий историю, историю Жюля. Навевал аромат, коснувшийся образа, который дремал в нем двадцать лет, пробуждая надежду, напоминая о возможности, которую он считал потерянной навсегда.

Душа Жюля выбралась из ночи. Свет осветил то, что, как ему казалось, было в нем похоронено, то, чего он не мог найти в себе все эти годы.

С каждым пройденным отрезком пути с плеч Жюля спадал один год жизни. Он чувствовал себя молодым. Как раньше, когда он еще не подозревал о разочарованиях, об ошибочных решениях, об ударах судьбы и обо всем остальном. Разом Жюль оказался далек от всего этого. Все неприятное, что он привез из своего мира, приятным образом улетучилось. Старая жизнь померкла, как пейзажи, оставленные позади в конце каждого железнодорожного туннеля. Теперь Жюль принадлежал не своему прошлому, а своему будущему.

В одночасье он осознал, что в поисках Шарлотты вернулся к той жизни, которая в молодости никогда его не разочаровывала, в которой он был как дома. Он почувствовал, как начинает раскрываться тайный план, невидимый, как звезда на дневном небе.

Зажить настоящей жизнью еще не поздно. Зажить настоящей жизнью никогда не бывает поздно. В душе Жюля воцарился благотворный покой.

Путь из его мира в мир Шарлотты был чем-то большим, чем просто сменой обстановки: это был путь к самому себе. С опозданием на двадцать, может быть, тридцать лет Жюль впервые в жизни начал понимать, кто он.

Глава 47

Призраки прошлого были изгнаны. Или знание о том, что произошло, только породило новых? Более двадцати лет Антуан носил на себе шрамы разочарования. Всякий раз, когда он вспоминал тот день, когда его бросила мать, он спасался чувством несправедливо пережитых страданий. Теперь он не мог даже этого.

Антуан не поехал к Марлен. Вместо этого он все больше отдавался работе, ища в ней убежища.

Через неделю после того, как он получил письмо от матери, произошло нечто странное: двое парней принесли в больницу девушку, держа ее под руки, один слева, другой справа. Антуан чуть не столкнулся с ними на велосипеде у ворот на подъездной дорожке. Стояла засуха, и в воздухе было полно пыли. Они появились внезапно, как будто их фигуры резко возникли из дымки. Антуан уже начал падать, но тут же поймал равновесие. Когда он увидел стеклянный взгляд парней и усталость в их глазах, он посмотрел на девушку. Словно больная пташка, она хватала ртом воздух. Бледная как смерть, мышцы обессилены. Антуан бросил велосипед на песчаную дорожку и помог молодым людям – братьям девушки, как выяснилось вскоре.

Больница была старая, со старым оборудованием и еще более старыми медикаментами, никоим образом несопоставимая с медицинскими учреждениями западных континентов. Густые кусты и вьющиеся растения маскировали пришедшее в упадок здание. Однако внутри этот упадок ощущался отчетливо: от стен повсюду отслаивалась штукатурка, обнажая либо цвета предыдущих слоев краски, либо стену под ней, операции проводились прямо в смотровых кабинетах, а больные лежали в большом зале, отделенные друг от друга одними тканевыми занавесками. Пахло карболовой кислотой, болезнью, и – что заметнее всего – страхом.

Все вперемешку имитировало бессистемную попытку стать квалифицированным лечебным учреждением, но это было лучшее, что имелось в округе.

Девушку осторожно положили на носилки и отнесли в один из смотровых кабинетов. Братья, оба черноволосые, небритые, с резко очерченными лицами, закрыли глаза, чтобы спрятать слезы. Когда они снова их открыли, капли просочились сквозь густые ресницы, высвободились и оставили на пыльных лицах следы. Один из братьев вытер их тыльной стороной кисти, смешав с грязью на щеках. Выносить тишину в комнате было едва ли не труднее, чем шум в коридоре.

Даже без объяснений братьев Антуан понял, что девушка страдает неизлечимым – предположительно врожденным – заболеванием легких. Он понял, что она умрет. Не сейчас, но скоро. Если ей повезет, и он сможет помочь, жизнь подарит ей еще один год. Возможно, два. Не больше.

На мгновение девушка пришла в себя, открыла глаза и посмотрела на Антуана тихим внимательным и безмолвным взглядом, затем вновь сомкнула веки и, обессиленная, уснула. Антуан надел на нее ингаляционную маску, чтобы слизь в бронхах разжижилась и девушка наконец откашлялась и снова смогла дышать, затем он заменил ингаляционную маску на кислородную. К обескровленному лицу девушки начала медленно приливать краска, но сон больше не отпускал ее.

– Часто случаются приступы удушья? – спросил Антуан.

– С каждым годом все чаще, но таких еще не было, – ответил один из братьев.

Антуан кивнул.

– Ей нужно отдохнуть пару часов, прежде чем вы заберете ее домой.

– Как думаете, она когда-нибудь выздоровеет?

Антуан покачал головой и опустил веки.

– Быть этого не может. Этого не может быть, – вдруг сказал второй.

– Мне очень жаль, – произнес Антуан и на мгновение положил руки на плечи братьев. Затем подошел к медицинскому шкафу, дерево которого за прошедшие годы покособилось от влажности, выдвинул ящик и достал оттуда пузырек. Он вручил его братьям и сказал:

– Добавляйте по двадцать капель в горячую воду утром и вечером. Вашей сестре нужно дышать водяным паром. Это поможет поддерживать бронхиальный секрет в жидком состоянии.

– Надолго это поможет? – спросил один из братьев.

– Как получится. Извините. Боюсь, ничего другого я вам не могу предложить. Будем надеяться, что надолго.

Братья кивнули.

– А сейчас я должен позаботиться о других больных, – сказал Антуан. – Вы можете остаться с сестрой и подождать. Примерно через

два часа я вернусь и осмотрю ее еще раз. Если к тому времени она проснется, вы сможете ее забрать.

Антуан вернулся раньше. Он постоянно думал о братьях и не мог избавиться от ощущения, что каким-то непостижимым образом с ними связан. Когда он вошел в комнату и увидел там лежащую девушку, сначала его взгляд упал на ее изящно очерченное лицо, затем на декольте, от которого исходил тонкий аромат, и наконец остановился на медальоне на шее. Откуда-то ему было знакомо это бронзовое перо с афганским лазуритом. Где-то он уже видел этот амулет раньше. Но где? Мимо Антуана, словно нежное перышко по воздуху, проплыла мысль, однако только он хотел ее схватить, она снова ускользнула.

Он увидел это в глазах девушки. Увидел по тому, как она приподнималась, опираясь обеими руками на кушетку. Увидел в ее взгляде. Взгляде, который замечал все, даже то, что было скрыто от большинства людей.

Антуан пользовался успехом у женщин, однако все они быстро теряли к нему интерес, так как ни в одной из них не было души, которую он искал. Но в этой девушке было что-то такое, что чудесным образом привлекло Антуана.

– Вы меня спасли. Спасибо, – сказала она.

– Это был не я, – ответил Антуан.

– А кто же?

– Удача.

– Удача?

– Зачастую она предоставляет нам лишь небольшую лазейку. И, если мы не проскальзываем через нее достаточно быстро, она снова закрывается, и мы упускаем момент. Вы успели проскочить. Так что благодарите себя и удачу.

Девушка улыбнулась. Какая улыбка.

Братья помогли ей встать, придерживая обеими руками. На Антуана смотрели три пары полных благодарности глаз. Он протянул руку на прощание. Руку девушки – ее звали Ни Лу – он держал в своей особенно долго. Врач и больная на мгновение утонули в глазах друг друга: *«мы еще встретимся»*.

Глава 48

Что мы знаем о жизни? А что мы знаем о смерти? Является ли жизнь лишь узким лучом света между тьмой до рождения и мраком после смерти? Или она – нечто большее? Быть может, смерть вовсе не мрачна? Она – не конец? А просто выход из этого мира? Вход в загробный?

Похожа ли жизнь на скопление песчинок, которые при нашем рождении имеют самую высокую плотность и самую высокую концентрацию жизненной силы, чтобы затем одна за другой сыпаться через узкое отверстие, как в песочных часах? Бесперывно утекающее время? Медленный, тихий распад личности, который, однако, означает не окончательное исчезновение после смерти, а новое объединение в другом пространстве?

Когда Антуан вышел из больницы тем вечером, все было залито пурпурным светом. Он ехал домой под звездным небом. Сегодняшняя пациентка не выходила у него из головы. Как у человека в расцвете сил может быть такое короткое будущее? Как хирург Антуан часто задавался этим вопросом, однако этот вопрос еще никогда не был настолько животрепещущим для него.

– Что случилось, Антуан? Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше, чем выглядишь, – беспокоилась Шарлотта, когда он вошел в дом.

– Странный день. Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно.

Антуан налил себе стакан воды, взял стул и сел у рабочей поверхности, за которой Шарлотта как раз готовила ужин.

– Недавно ты сказала, что однажды чуть не умерла. Так вот, сегодня в моих руках оказалась молодая пациентка. Она так близка к смерти, как никто прежде из тех, кто был мне незнаком, но глубоко тронул мое сердце.

– Мне очень жаль, Антуан, – ответила Шарлотта, сжимая его руку.

– Она умрет. Не сегодня, конечно. Но скоро. И мне интересно, действительно ли смерть означает конец ее существования.

– Я верю в то, что существует два вида смерти. Смерть тела – окончательная и бесповоротная. И смерть души – всего лишь переход из одного состояния в другое.

– Мне как естественнику в это трудно поверить.
– Отсутствие доказательств и доказательство отсутствия – не одно и то же.

– И все же. Мертвый – значит мертвый.

– Взгляни на эту маракуйю. Сбор плодов не означает их смерть.

– Если я их съем – будет означать.

– Даже тогда не будет. Их клетки перейдут в твои. А в их семенах есть все необходимое, чтобы породить множество новых лоз пышного страстоцвета. Когда ты от них избавишься, они попадут в плодородную почву. Даже если мы не съедаем плоды, а перерабатываем их в сок, это не означает их конец. Это всего лишь смерть плода в его первоначальном виде, переход из первоначального состояния в другое, а не потеря.

– Естественно. Но почему ты так уверена, что душа существует?

– Разумеется, я не уверена. Однако многое говорит об этом. Мы знаем гораздо меньше, чем нам кажется. Человек – это чудо. Подумай только: мы появляемся из крошечной клетки и растем лишь за счет клеточных делений, а каждая клетка точно знает, какой орган ей нужно построить. Кроме того, между людьми возникает особый вид энергии – с некоторыми нас что-то связывает, с другими – нет. Что-то внутри нас задолго до разума осознает, что в жизни мы столкнемся с определенными людьми, с которыми по какой-то причине должны столкнуться. Все переплетено.

– Хотел бы я разделить твою веру, но боюсь, я слишком убежденный реалист. Так как это было, когда ты чуть не умерла?

– Я чуяла ее запах, смерти. И чувствовала ее вкус. Она уже проникла в меня так глубоко, что я ощущала ее каждой клеточкой. А потом на мгновение почувствовала, как покидаю тело, выскальзываю из оболочки и уплываю. Или нет, лучше так: улетаю. Я смотрела, как вся моя жизнь сокращается до крошечной точки, а перспектива, наоборот, увеличивается до бесконечности. Охватывало чувство легкости. Чувство свободы. Защищенности. Пока меня внезапно с невероятной силой не вернуло обратно в тело.

Антуан смотрел на Шарлотту, подперев голову руками.

– И я возвратилась туда, где совсем не хотела оказаться снова.

– Ты не хотела возвращаться?

– Моя мать умерла, когда я была чуть старше того возраста, в котором ты остался без Марлен: мне было десять. Поскольку отец пил, с того момента обо мне начала заботиться сестра матери. Она была настолько другой, настолько холодной женщиной, что я не могла ассоциировать ее со своей чуткой и сердечной мамой. Хотя я видела отца лишь тогда, когда он пытался пить чуть меньше, он был и остается единственной связью с моим теплым детством. Между нами была близость, которую не нужно было доказывать прикосновениями. В то же время между мной и тетей была дистанция, которую никакие прикосновения не сокращали. Ничто в ее характере и отношении к детям не могло сравниться с тем, к чему я привыкла. Когда всего через несколько лет после матери умер отец, за одну-единственную ночь я окончательно лишилась остатков детства. Пол под ногами был будто из стекла, которое в любой момент могло разбиться. Я сама превратилась в умирающую, не желая оставаться в этом мире и отпустить всех, кого люблю. Больше ничего не ела и не пила, заболела сама и в таком состоянии провожала отца до самых врат вечности, пока врачи не вернули меня к жизни из очень дальних миров. Поначалу это не было похоже на спасение, скорее на то, что одна часть меня вернулась, а вторая умерла. И все же...

– И все же?..

– Я не только оставила часть себя в загробной жизни, но и принесла что-то оттуда. Со мной произошло нечто волшебное. Что-то изменилось. Мне потребовалось некоторое время, чтобы заметить это, осознать умом.

– Что?

– Я внезапно начала ощущать то, чего никогда раньше не ощущала. Предвидеть события. У меня начали возникать предчувствия. Я знала, что произойдут определенные вещи. Незнакомые люди вдруг стали казаться мне знакомыми из другого времени. В каком-то смысле во мне пробудилось сверхъестественное чувство.

Антуан закатил глаза.

– Хватит, Антуан. Ты спросил. Я отвечаю. К тому же я уверена, что у всех нас может быть это чувство, если мы начнем уделять ему достаточно внимания. Когда мы разовьем его. Когда поймем, что видят

не только глазами, слышат не только ушами, а чувствуют не только руками.

– Думаешь, сверхъестественное чувство, о котором ты говоришь, пробуждается у всех, кто коснулся смерти, но выжил?

– Вполне может быть, да. Возможно, люди, которые хотя бы на короткое мгновение переступают грань между земным и потусторонним, между телесным и бестелесным миром, наделяются чем-то чудесным. Чем-то, что остается с ними в течение некоторого времени после встречи со смертью, но из года в год ослабевает, пока не исчезает вовсе, когда люди становятся ближе к земной жизни, чем к неземной.

– Похоже на магию. А мне трудно поверить в какую-либо форму магии.

– Понимаю. Но со мной это было так. Поэтому я верю в большие и маленькие чудеса. И в то, что близость к смерти – не единственный способ соприкоснуться с ними. Я уверена: если человек готов, они открываются ему и при жизни.

– Ты веришь в прошлые жизни, Шарлотта?

– Я верю в старые души. По крайней мере, благодаря смерти я научилась жить. А не просто существовать. Усвоила, что начинать нужно оттуда, где ты стоишь, с того, что у тебя есть, и так, как ты можешь. И еще кое-что. Возможно, даже мое самое основное открытие.

– Что?

– Что мы слишком много жалуемся, слишком легко поддаемся унынию. Мы страдаем, потому что в нашей жизни есть что-то, что нам не нравится. Страдаем, потому что в ней не хватает чего-то, чего нам хотелось бы. Мы хотим то, чего не получаем. Получаем то, чего не хотим. Мы страдаем от перемен. От того, что стареем. Мы страдаем от самих страданий. Обстоятельства, которые длятся слишком долго, в итоге тоже приводят к страданиям. Даже тогда, когда они нам, в общем-то, нравятся. Приятные вещи через некоторое время становятся неприятными. Счастье, например, невыносимо, когда длится долго. Иногда мы даже становимся несчастными, когда в жизни все вроде бы хорошо, но слишком долго не происходит ничего нового. Мы страдаем от того, что многое в мире выходит из-под нашего контроля. Мы отлично умеем страдать.

– И что нам, по-твоему, с этим делать?

– Нужно соблюдать несколько основных правил. Во-первых, быть благодарными за все, что у нас есть. Смотреть на то, что мы имеем, а не на то, чего нам не хватает. Во-вторых, следить за своими мыслями. Образ мысли формирует наши слова и действия. В-третьих, обращать внимание на возможности. Хорошие возможности представляются редко. Спрашивать себя при каждой, появится ли она снова и когда, если не воспользоваться ею сейчас. Возможно, она уникальна. В-четвертых, делать жизнь других лучше. Тогда лучше станет и наша. В-пятых, не бояться смерти. Не позволять ей красть нашу жизнь раньше времени.

– Ты не перестаешь меня впечатлять.

– Нет, Антуан, то, что я тебе говорю, ты знаешь и сам. Только когда мы очень молоды, мы сталкиваемся с учителями. С людьми, которые уже прочувствовали жизнь до кончиков пальцев рук и ног. С людьми, которые знают, что значит жить и что может привести к смерти в середине жизни. Однако, когда мы достигаем определенного возраста, как ты сейчас, наших учителей становится меньше, наши герои больше ничему нас не учат. Мы должны сами держаться за жизнь и не терять веры – в твоём случае надежды – в волшебство нашего существования.

Глава 49

Флорентина сидела на краю колодца перед домом и бросала в него гальку. Она смотрела вслед каждому камешку. Как он взрывал гладкую поверхность воды, погружался на глубину и исчезал в темноте, оставляя рассеивавшееся зеркальное отражение, которое расходилось кругами. Круги расширялись до тех пор, пока их не останавливали стенки колодца.

Луиза наконец почувствовала себя достаточно сильной, чтобы поговорить с дочерью. Некоторое время она наблюдала за Флорентиной из окна гостевого дома, в котором жила после разговора с Жюлем. Луиза будто искала новый защитный кокон, потому что старый сломался. Наконец, собрав все свое мужество, она подошла к Флорентине и села рядом с ней на край колодца. Луиза провела по волосам дочери гладкой рукой, взяла пальцами одну прядь и

наблюдала, как гладкие и неровные участки по-разному отражают солнечный свет. Она долго смотрела на Флорентину, ничего не говоря, пока та вдруг не почувствовала, что тишина из естественной превратилась в гнетущую. О чем они молчали?

В обычно успокаивающей улыбке Луизы было нечто измученное. Уверенность в глазах в том, что она может взять от жизни все, что ей нужно, угасла. Что случилось с родителями Флорентины, с матерью?

Спустя, по ощущениям, вечность Луиза освободила их обоих от напряжения, ставшего невыносимым:

– Дорогая, твой отец не просто уехал. Он ушел.

– Что? – спросила Флорентина громче, чем рассчитывала.

– Он ушел в другую жизнь. В настоящую. Искать свое место в мире.

– Что он сделал? – В глазах Флорентины показался ужас.

– Ушел искать свое место.

– Оно не здесь?

– Не здесь, и никогда здесь не было.

– Он не вернется?

Луиза покачала головой.

– Он придет к нам в гости. И мы тоже навестим его, когда он придет туда, где почувствует себя дома. Но мы больше никогда не будем жить вместе как семья.

– Как? Почему? Это неправда! Это не может быть правдой!

Луиза обняла дочь. И рассказала ей. Рассказала о выкидышах. О мертворождениях. Об умирающем ребенке. Она рассказала об отчаянии, которое было настолько велико, что чуть не поглотило ее и Жюля. Рассказала о безнадежности, горе. И о чуде, случившемся двадцать лет назад, когда одним зимним днем, на рассвете, Жюль положил ей на руки здорового ребенка: Флорентину.

Обе на некоторое время замолчали. Искали слова, однако не находили фраз, которые могли бы описать то, что они думали и чувствовали.

Флорентина с трудом сдерживала слезы. Теперь она наконец поняла, откуда это чувство отчужденности, особенно по отношению к Луизе. Она не была ее родным ребенком.

В голове девушки возникло множество вопросов, на которые ее приемная мать не могла ответить. Одна мысль преследовала другую, и, поскольку Флорентина еще не совсем понимала, что все это значит, она не могла ухватиться ни за одну из них. В какой-то момент Флорентина спросила тихим, почти беззвучным обессиленным голосом:

- Почему сейчас? К чему его признание? Зачем вообще?
- Он больше не мог этого выносить. Больше не мог жить с ложью.
- А все эти годы мог?
- Думаю, никогда не мог.
- Почему сейчас?
- Может, сейчас – подходящий момент.
- Для признания нет подходящего момента.
- Подходящего нет. Ты права. Но есть множество неподходящих.

Если признаться слишком рано – это может шокировать. Если слишком поздно – может оказаться поздно что-либо менять. Но ни в одном из двух случаев нельзя ничего исправить. Возможно, он решил, что сумеет хоть что-то спасти, и отправился в путь, чтобы найти твоих биологических родителей.

- Я думаю, чтобы найти свое место в мире.
- И это тоже. Но одно невозможно без другого.

Обе женщины снова замолчали.

Через некоторое время Луиза сказала:

– Знаешь, дорогая, наш брак распался еще много лет назад. Вероятно, еще до твоего рождения. Однако мы признаем свою неудачу лишь сейчас.

– Как можно годами жить вместе и не осознавать, что все неправда?

– Возможно, мы сплели слишком плотную паутину привычек, в которой в конечном итоге запутались, хоть она и удерживала нас вместе.

Флорентина погрузилась в свои мысли. Ее отец и правда это сделал? Он бросил своего больного ребенка? Променил на нее? Отнял у матерей их детей? Жюль способен на такой поступок? Ее отец, Жюль? Который всегда был рядом? Единственный человек, который ее понимал? Который помог ей найти свое место в мире?

В глазах Флорентины вспыхнуло сомнение. Причины, о которых знала Луиза, могли быть не единственными. Это было бы слишком простым решением для такой сложной проблемы. Жюль не рассудил бы так. Или рассудил бы?

Флорентина перестала доверять своим воспоминаниям. Действительно ли он такой хороший человек, каким казался ей все эти годы? Что, если она в нем ошибалась?

Однако зачем ему было бы отдавать за нее жизнь, если бы он не любил ее по-настоящему? Нет, этого не может быть. Тот Жюль, которого она знает, искренний. Искренний в своей любви к ней. Искренний в своей любви к Луизе. Пусть это и не та любовь, которой они друг от друга хотят, Луиза и он.

Любили ли ее родители когда-нибудь друг друга так, как им обоим казалось правильным? Если да: когда началась эта любовь? А когда закончилась? Были бы эти двое счастливее друг без друга, точнее, с другими людьми? Неужели они всю свою жизнь находились не на своем месте?

На ком лежит вина за то, что все так обернулось? На Жюле, потому что он искал простое решение в сложной ситуации? Или на Луизе, потому что она долгие годы жаловалась на то, что не может жить без ребенка? Потому что требовала от Жюля того, чего ей не могла дать сама жизнь? Можно ли вообще говорить о вине? Или они просто достигли той точки, когда отчаяние настолько глубоко разъело душу каждого, что ясно мыслить уже невозможно? Играет ли все это хоть какую-то роль теперь, когда ничего нельзя изменить?

Голос Луизы отвлек Флорентину от размышлений.

– Что думаешь, если мы пойдем в твое убежище и ты покажешь мне немного из того, что я пропустила? Объяснишь, как извлекать абсолюты? Может, у тебя есть какие-нибудь травы, которые залечат наши раны? Мне бесконечно жаль, Флорентина, что до сих пор я не принимала участия в твоей жизни так, как тебе этого хотелось. Возможно, хоть я и не твоя биологическая мать, ты позволишь мне немного это исправить. – Луиза обхватила Флорентину рукой и осторожно потянула ее с края колодца.

Флорентина улыбнулась.

– Пойдем, – сказала она.

Когда они шли по гравийной дорожке к павильону с лекарственными травами, Флорентина сказала Луизе:

– Мне интересно, какой жизнью я бы жила, если бы нас не поменяли местами в детстве. Такое ощущение, будто существуют две совершенно разные версии моей жизни. И сейчас я живу той, которой наделил меня отец, то есть Жюль.

– Поверь, об этом бесполезно думать, Флорентина. Один из моих самых больших источников страданий – это неспособность принять то, чего в любом случае уже не изменить. Ничего не поделаешь. Такова жизнь. Я тоже пытаюсь с этим смириться. Если тебе интересно мое мнение, то существует не две, а бесконечное множество разных версий твоей жизни. И каждым сделанным шагом, каждым принятым решением ты устанавливаешь новый ориентир на своем пути. Вместе с бесконечным количеством возможностей существует и бесконечное количество версий жизни. Решения – не важно, принятые нами или кем-то за нас – формируют наши дни, недели, годы. Пишут нашу личную историю.

– Как это связано с идеей о том, что все мы приходим в этот мир с собственной картой? С предначертанным маршрутом?

– Я думаю, что наши личные карты содержат лишь обозначения основных элементов жизни. Например: в чем мы найдем свою реализацию. Когда встретим большую любовь. Кем она будет. Будут ли у нас дети и сколько. На каких этапах пути мы получим необходимый опыт для личностного роста. Когда и какие потери понесем. Когда умрем. И так далее. Однако пути к этим обозначениям мы должны найти сами. Как и в случае с путешествиями, к ним ведет множество разных дорог. Когда другие вмешиваются в нашу жизнь или вставляют палки в колеса, нам приходится идти длинными обходными путями. Но мы всегда будем прибывать в те места, которые предусмотрены для нас картой. Поэтому нам не стоит бояться. Даже несмотря на страдания, мы можем быть уверены, что достигнем отмеченных на карте точек, но при одном условии: если, с чем бы ни столкнулись, мы всегда будем вставать и идти в мир. Это нам и нужно сейчас сделать. Встать и пойти в мир.

Глава 50

Шел сезон дождей. Уже несколько месяцев обильные ливни сменялись штормами. Прошлой ночью была сильная гроза. Молния разбила пополам один из двух бенгальских фикусов. На следующий день Антуану пришлось его срубить, иначе дерево неизбежно упало бы на дом при следующем же шторме.

Присев на корточки перед изрезанными корнями, он увидел за их переплетением отверстие в стволе, в котором поблескивала красная лакированная шкатулка. Антуан вытащил ее и открыл.

В ней лежали два несшитых листа, изъеденных временем. Антуану в нос прокрался запах пыли, пожелтевшей бумаги и какого-то заклинания, которое он не мог разобрать.

На обоих листах красными чернилами было написано: «Свидетельство о рождении». Снизу стояли штампы из красного воска. Черными буквами на одном документе было написано имя Ни Лу, на другом – Флорентина. Под именами – дата и время рождения, имена родителей. К обоим документам крепилась бумажка с пометкой, сделанной синими чернилами почерком Шарлотты. Пометка, которая была непонятной, но все объясняла. Короткая пометка, в которой рассказывалась длинная история.

Антуан снова заглянул в отверстие в стволе. Начал проверять, ощупывая обеими руками, не спрятано ли там что-то еще, однако шкатулка оказалась единственной, что здесь хранилось.

Так вот где Шарлотта держала свое прошлое, по крайней мере, его часть, главу из своей истории. Наверное, ту самую, о которой она никогда не говорила, за которую ей было стыдно и о которой она жалела.

Антуан положил свидетельства о рождении рядом на влажную землю. Две девочки, родившиеся в одну ночь. В одну зимнюю ночь двадцать лет назад. Одна из них – дочь ловца жемчуга и ювелира из восточного мира. Другая – дочь судьи и коллекционера произведений искусства из западного.

В его голову вновь вернулась мысль, которая несколько недель назад, когда он лечил больную девушку, проплыла мимо Антуана, как нежное перышко по воздуху, но он не успел ее схватить.

Теперь ему все стало ясно. Тот амулет, бронзовое перо с афганским лазуритом, когда-то принадлежало Шарлотте. Шарлотта

носила его до той ночи, которая показалась Антуану чернее и холоднее предыдущих. Хотя прошло двадцать лет, теперь он вспомнил: Шарлотта вернулась домой на рассвете совершенно разбитая. Она вся дрожала, на ней не было амулета и медицинского халата. Она несколько дней не разговаривала, не ела и больше никогда не возвращалась на работу в больницу. Антуану не удавалось выяснить, что произошло той ночью. До сегодняшнего дня.

Недостающие кусочки пазла жизни Шарлотты лежали перед Антуаном, исписанные красными и черными буквами, составляя главу ее прошлого.

Но зачем? Шарлотта не такая. Это на нее не похоже.

Держа в руках свидетельства о рождении, Антуан вошел в дом. Не успел он проронить и слова, как Шарлотта подняла на него взгляд. И увидела документы.

Воспоминание о той ночи отразилось в ее глазах. Некогда гладкая как шелк розовая кожа Шарлотты вдруг стала ветхой, как пожелтевшая сухая бумага этих свидетельств. Ее руки больше не покоились на подлокотниках кресла-качалки, а начали дрожать. Она закрыла глаза, но и сквозь веки видела события того темного дня двадцать лет назад в зале для новорожденных.

Страх того времени почти осязаемо витал в воздухе. Прошлое никогда не остается в прошлом. От истины никуда не деться.

Она сделала это ради них обеих, ради Луизы и ради себя. Сколько раз Шарлотта чувствовала себя кожурой полого плода, потому что не родила ребенка. Она прекрасно знала, что чувствует женщина, которая жаждет стать матерью, но не может.

В результате подмены у них обеих появились дети. У Луизы – Флорентина, которая на самом деле была Ни Лу, а Шарлотта смогла оставить себе Антуана. Даже если бы она была одинока и не имела постоянного дохода, никто бы его не отнял. Жюль ей пообещал.

Они стали матерями, не лишая материнства ни одну из женщин. По крайней мере, так Шарлотта пыталась успокоить совесть. Ведь у матери Ни Лу, Сарасвати, уже было двое детей. Двое сыновей. Ярон и Ноян.

– Прости меня. Прошу, прости, – наконец сказала Шарлотта Антуану.

– Зачем? Я просто не понимаю. Это на тебя не похоже.

И Шарлотта рассказала. Она рассказала о женщине, которая уже потеряла троих детей и не смогла бы пережить потерю еще одного. Рассказала о мужчине, который хотел спасти свою жену, свой брак, мечту о семье и в отчаянии придумал идею подмены. Рассказала о его предложении не забирать у Шарлотты Антуана, если она поможет ему в этом.

Антуан беспрестанно качал головой, а затем сказал:

– Но девочка жива!

– Что, жива?

– Она жива.

– Она не умерла?

– Нет.

– Откуда ты знаешь?

– Она была у меня в больнице. Я ее лечил. Девушка с заболеванием легких, всего на восемь лет моложе меня. Ей двадцать. Я рассказывал тебе о ней. Ни Лу. Да, ее зовут Ни Лу. И она носит твой амулет. Твой бронзовый амулет. Перо с афганским лазуритом.

Шарлотта прикрыла рот рукой. Теперь и она качала головой. Затем она закрыла лицо руками и прошептала сквозь пальцы:

– Как же я могла. Что же я наделала!

– Ты тут ни при чем. Во всем виноват тот мужчина.

– Нет. Я виновата так же, как и он. Что же мы наделали. Что же мы сделали с девочками!

– Он шантажировал тебя, принудил, заставил. Без него ты бы никогда не сделала ничего подобного. Ты ни в чем не виновата.

Шарлотта убрала руки от лица и посмотрела на Антуана.

– По-твоему получается, что никто никогда ни в чем не виноват.

– Может, это даже и так.

– Но мы не можем это принять, не так ли?

– Да. Это сложно.

– Я так раскаиваюсь. Раскаиваюсь уже долгие годы. Не проходит и дня, чтобы я не думала об этом. Чтобы раскаяние не поднималось во мне и не вставало комом в желудке. Чтобы не сдавливало мне горло.

От такого поступка не уйти. Тень угрызений совести слишком велика, чтобы из нее можно было выйти. Она преследует. Повсюду.

– Раскаиваться можно только в решении, принятом добровольно. А ты приняла его не сама. Этот мужчина тебя заставил! Какой жестокий человек.

– Он не жестокий. У него были причины. А у меня – выбор. Выбор есть всегда. Но для меня моя жизнь была важнее, чем жизнь девочки. Мне не хотелось тебя потерять. Я сделала это ради тебя и по большей части ради себя. Так что я ничем не лучше этого мужчины. Не лучше кого-либо другого.

– Он чудовище!

– Ты поспешно его осуждаешь. Твои слова несправедливы. В нем была огромная любовь к жене, которая переросла в такое отчаяние, что он не мог помочь себе иначе. Да и кто из нас может знать все детали истории другого человека? Что мы знаем? Я тоже не героиня. И самое предосудительное во всем то, что я почти уверена, что сделала бы это снова. Верно. Если бы можно было повернуть время вспять, я выбрала бы единственный способ тебя оставить.

– Но зачем? Ты могла завести своих детей. Тебе было всего двадцать четыре.

– Рядом со мной не было мужчины. Я не была искусна в любовных делах. Хорошо умела выбирать плохие отношения, пока не отказалась от мечты о большой любви вовсе. В то же время во мне было столько непрожитых чувств. Благодаря работе медсестрой и, более того, ответственности за тебя я впервые обрела некоторую стабильность. К тому же я увидела себя в твоих глазах. Вспомнила, как внезапно оказалась одна в мире, без отца и матери. Да так отчетливо, что почувствовала тогда, будто кто-то вломился в мои мечты и разграбил их. В каждую историю жизни, Антуан, уже вписано множество других историй. Они образуют почву, из которой вырастает наша личная хроника.

Чем дальше Антуан слушал Шарлотту, тем дальше он был от того, чтобы составить мнение о произошедшем. Шарлотта была права. Мы никого не должны судить поспешно. Такой приговор никогда не бывает справедлив. Чтобы понять мотивы человека, нужно примерить

на себя его шкуру целиком и полностью. Кто знает, на что был бы способен сам Антуан, окажись он на месте другого?

– Знаешь, Антуан, – вздохнула Шарлотта, – то, что чувствует мать, поймет только мать. А то, что чувствует бездетная женщина, поймет только женщина без детей. И то и другое требует огромной силы. И то и другое требует чрезвычайной стойкости. Душа каждого отдельного человека должна многое вынести. Случаются события, которые поражают нас так глубоко, вырывают нас с корнем с такой силой, что мы больше никогда не обретаем равновесие. По крайней мере, очень долго не можем обрести.

Они замолчали. Через некоторое время Антуан сказал:

– Прости меня, Шарлотта.

– Не нужно извиняться, Антуан. До этого я каждый день пыталась сбежать от печалей жизни, но дома меня каждый вечер встречало прошлое. А потом пришел ты.

– И ты никогда не думаешь... – Антуан прервался.

– Думаю ли я о девочках, которых мы подменили? Которых вырвали из их жизней с корнем и посадили в другие? О да, Антуан. Я думаю о них каждый день. Каждый. То, что я сделала, не исправить. Я могу лишь надеяться, что не разрушила их жизни. Однако настало время попросить прощения. И теперь, когда я знаю, что Ни Лу жива, – Шарлотта глубоко вдохнула, – я знаю, с чего начать.

– Позволь мне пойти к ней за тебя, Шарлотта.

– Это моя задача.

– Позволь тебе помочь. Ты спасла мне жизнь. Теперь я спасу твою.

– Это моя задача, Антуан.

– А если я скажу, что прежде всего хочу сделать это для себя, потому что должен снова ее увидеть? Тогда ты позволишь мне пойти?

Шарлотта встала с кресла-качалки и обняла Антуана.

Глава 51

Успокаивающая тишина ночи впитала ее страхи, как хлопчатобумажная ткань впитывает кровь.

В мыслях Шарлотта вновь блуждала по той зимней ночи двадцатилетней давности. Помимо мучительных моментов, она

вспоминала и особенное мгновение, когда они с Жюлем встретились взглядами. Он смотрел на нее так, будто они были одни в комнате, одни в мире. Так преданно. Так понимающе, видя самую суть. Между ними было что-то, чего они не могли выразить, чего им нельзя было выражать. Что-то, что не имело никакого отношения к младенцам, а касалось только их двоих. Как сказать друг другу то, чего говорить нельзя?

Или Шарлотта все выдумала? Неужели она просто связала эти воспоминания воедино, как теплую шаль, к которой можно прижаться?

За последние двадцать лет бывали дни, когда она чувствовала, что благодаря встрече с Жюлем, благодаря связавшему их взгляду стала другой женщиной. Не неуверенной, но наоборот: женщиной, которая спустя бесконечно долгое время снова ощутила себя собой. В миг, принадлежавший только им одним. Не тогда, когда она подчинилась его требованиям. Между ними с Жюлем что-то произошло. С ними что-то произошло.

Порой мгновения достаточно, чтобы стать другим человеком.

Хотя та ночь возложила на Шарлотту чувство вины, она одновременно стала концом долгих поисков. Шарлотта нашла то, что ее дополняет. Она увидела это во взгляде Жюля. Во взгляде, который мягко, словно шелк, скользил по ее лицу.

Глава 52

Жюля приняли у себя две пожилые дамы, Манджу и Даршини. У них был гостевой дом – восьмиугольный деревянный садовый домик с тремя комнатами, – в котором они время от времени за небольшие деньги предоставляли туристам проживание с завтраком.

Они выбирали гостей сами и давали жилье не всем, а лишь тем, кто, как говорили в деревне, был в поиске. Это Манджу понимала по глазам. Сейчас, помимо Жюля, в домике жил только один парень.

Манджу была женщиной, возраст которой определить невозможно: с одной стороны, ее лицо выглядело, как лицо женщины, прожившей жизнь, с другой – ее глаза, сияющие, как зеленые оливки, говорили о пробуждении и новом начале. Жюль споткнулся на перроне и практически угодил прямо к ней в руки.

Они пешком прогулялись по деревушке на краю дождевого леса, которая была конечной станцией поезда, на котором ехал Жюль. Домики стояли на сваях, изогнутые двускатные крыши, покрытые соломой, напоминали лодки. Передняя и задняя стены от основания до фронтонов были наклонены наружу, стены украшала резьба.

Когда Жюль и Манджу вошли в дом, Даршини – женщина с тонкими белыми волосами, разделенными пробором посередине и завязанными в узел на затылке, – откинувшись, сидела в кресле-качалке, обтянутом синим бархатом. Ее темные, почти черные глаза влажно блестели на нежном лице, и она разговаривала так тихо, как будто все, что она говорила, было секретом. Ее кожа была прозрачного голубоватого оттенка, напоминавшего кальку, и меняла цвет при любом всплеске эмоций.

Манджу умела читать истории людей по глазам, тогда как Даршини понимала язык пульса. Жюль подошел к даме в кресле:

– Даршини?

Старуха кивнула.

– Даршини Зрячая. – Он протянул ей руку. Старушка схватила ее ловкими костлявыми пальцами и на мгновение задержала.

– Я вижу не больше, чем другие люди. Я просто им напоминаю.

– О чем?

– Об их мечтах. О мелодии их жизни. О голосе их души. О том, о чем они забыли.

Теперь у нее был слегка отсутствующий взгляд, как будто она все же видела больше, чем другие. Как следовало из ее имени.

Даршини обхватила сильные холодные руки Жюля своими теплыми морщинистыми пальцами и ощупала их. Затем она взглянула на него. Она долго смотрела ему в глаза, а потом сказала:

– Садитесь рядом, молодой человек. Не стесняйтесь.

– Я уже не молод.

– Все относительно. Садитесь же. Не бойтесь.

Жюль сел рядом со старухой на стул, также обитый синим бархатом.

– Если мы хотим познать жизнь, мы должны прислушиваться к мелодии, которую задает наше прошлое.

– О какой мелодии вы говорите?

– У вас неправильный ритм сердца.

– Знаю, – кивнул Жюль. – Я принимаю таблетки, которые прописал врач. Травы, которые рекомендовала дочь. И втираю в кожу настойки из укрепляющих сердце корней. Уже долгие годы.

– Но они не помогают.

– Не помогают.

– Вам нужны не лекарства. Вам нужен покой. Покой, который впустит в ваше сознание вопросы, которые годами пытались туда проникнуть, но вы к ним не прислушивались.

– Вопросы?

– Вопросы, на которые нужны ответы. Вопросы, которые укажут вам путь к своей судьбе, что заложен в вашей душе. – Она минуту помедлила. Затем продолжила. – Мы можем потерять путь из виду, но в душе никогда ничего не теряется.

– Как это связано с моим сердцем?

– Мы несем свои жизни в глазах и сердцах. Наша история написана на лицах. А желания – на сердце. Если бы вы шли своим путем, путем, который вам подходит и для вас предназначен, ваш пульс ощущался бы по-другому.

Жюль поднял брови.

– Ваш пульс похож на легкое неровное постукивание птичьего клюва по оконному стеклу. Я объясню, молодой человек: иногда пульс бьется слишком тихо. Это пульс людей, которые носят в себе глубокую печаль, настолько глубокую, что они начинают умирать в середине жизни. Вся жизнь вытекает из них. А бывает пульс громкий. Это пульс тех, кто не в ладах со своей жизнью. Еще есть нерегулярный пульс: то медленный, то быстрый, то скачкообразный. Это пульс людей, чьи души наполнены оставшимися без ответа вопросами, смятенными чувствами. Иногда пульс бьется глухо и притупленно. Это пульс тех, в чьих жилах течет горечь и гнев. Когда мы боимся, наш пульс учащается. То же происходит, когда мы влюблены. Звонко он бьется только у людей, которые живут в гармонии с собой и миром. Ваш пульс напоминает пульс человека, у которого мало жизненных сил. Он бьется слабо. Истошно. Как у того, кто многое потерял. Как у того, кто устал от бесчисленных путей, которые предлагает жизнь, и ищет тот, который подходит ему. Никакие лекарства здесь не помогут. Здесь

поможет лишь одно: отправиться искать. Даже если вы еще не знаете, что именно.

– Спасибо за беспокойство, но я уже знаю, что ищу.

– Вы уже знаете, что ищете, но еще не знаете, что вам нужно.

Глава 53

Антуан отправился к Ни Лу. Автобусом он за пару часов добрался бы до побережья, до места, где ее семья ныряла за жемчугом, но предпочел пойти пешком. Это позволило ему привести в порядок мысли и хорошенько обдумать то, что он собирался ей сказать. Получилось так, что Антуан поселился у Манджу и Даршины всего за несколько часов до Жюля. В тот же день. В том же домике.

С наступлением сумерек оба сидели на веранде перед ним. Каждый сам по себе, не зная друг друга и не подозревая, что их судьбы тесно переплетены.

Для Антуана все так и осталось, даже когда их пути несколько дней спустя снова разошлись. Он ничего не связал с именем бывшего судьи, да и тот молчал о том, что сделал двадцать лет назад. Жюль же, напротив, сразу понял, кто перед ним, когда Антуан рассказал свою историю. Историю, которая запала в сердца многих людей, живших в городке в то время. Историю, которая превратила бы сердце любой матери в уголь, стань она жертвой подобной судьбы. Историю пожара, поглотившего семью и прожегшего дыру в ткани города.

Жюль осознал еще больше. Он познал магию случая, магию, которая свела их здесь, потому что их жизни были связаны. Он осознал, что является отдельной нитью в шелковой ткани судьбы, в которую вплетаются наши существования, что вместе с Антуаном он нашел и Шарлотту, и его поиски подошли к концу.

Единственное, чего Жюль еще не знал, – что найдет у Шарлотты то, о чем никогда бы не подумал, и что он уже скоро поймет, что имела в виду Даршина.

В крахмаленном белом фартуке Манджу вышла на веранду, где в сумерках сидели мужчины. Зажав центральную складку сложенной белоснежной скатерти большим и указательным пальцами, она подошла к столу из тика, перекинула скатерть через край, отпустила складку и двигала скатерть взад-вперед до тех пор, пока та не легла

идеально. Затем Манджу снова скрылась в доме и чуть позже вернулась с двумя тарелками густого супа.

Словно догадавшись, что встреча мужчин была предрешена, она накрыла для гостей ужин, но с ними не села, а провела остаток вечера в доме.

Антуан и Жюль сразу поняли друг друга, сразу друг другу понравились. У них тут же завязался дружеский, трогательный и оживленный разговор, такой, который протекает совершенно естественно и, кажется, никогда не исчерпывается. Говорить друг с другом им было так же приятно, как и молчать.

Антуан не знал, почему открывает самое сокровенное незнакомому человеку, но это казалось правильным. Уже через несколько минут Жюль показался ему таким знакомым, как будто они знали друг друга много лет. Как будто он его отец.

Возможно, в его положении ему нужен был кто-то другой, с кем можно было поговорить, кроме Шарлотты. Кто-то, кто беспристрастно оценил бы его жизнь. И хотя сам Антуан считал, что свидетельства о рождении занимают его больше всего, он не обмолвился о них ни словом, зато поговорил с незнакомцем о своей матери.

Пока они черпали ложками имбирный суп, он рассказал Жюлю об ужасном пожаре, который поглотил маленькую девочку и молодого отца. О женщине, которая подсознательно винила в несчастье своего будущего ребенка и из-за этого не смогла стать ему той матерью, которой хотела бы стать. О том, что эта женщина бросила своего шестилетнего сына, забрав с собой все объяснения. Он рассказал о тоске, которая никогда не утихала. О боли, которая с годами уходила, будто вода в песок, но в глубине души все еще жгла. Он рассказал о письме, которое несколько недель назад внезапно впорхнуло в его дом, словно выпущенная на волю птица. О строчках, выведенных почерком его матери, содержащих просьбу о последней возможности встретиться до того, как она отправится в другой мир. Он рассказал о том, что решил ни в коем случае не давать ей такой возможности.

Жюль внимательно слушал. Затем они некоторое время молчали, и он наконец произнес:

– Если человек не испытал чего-то сам, ему трудно представить, как далеко простирается тень несчастья. Сколько людей страдает из-за того, что с ними случилось что-то ужасное. Антуан, не знаю, куда ты сейчас направляешься, но если я могу дать совет...

– Можешь.

– Поезжай к ней. Поезжай к матери. Уверен, все остальное подождет. А вот смерть ждать не будет. Поезжай, пока смерть навсегда не лишила тебя этой возможности.

– Чтобы успокоить ее совесть?

– Чтобы простить. Чтобы отпустить ее на новое место с миром. И чтобы соскрести злобу со своего сердца и освободить место для любви. Иначе ты будешь в оковах всю свою жизнь. Гнев, ненависть и злоба превращают нас в пленников. Свободен лишь тот, кто умеет прощать. Поезжай к ней. – Он минуту помедлил. Затем добавил. – Чтобы найти свои корни. Каждый должен знать, откуда он родом, где он начал свой путь, в какой семье родился, какое место когда-то выбрала его душа. Без этого человек всегда оказывается посередине истории, упуская начало. А как закончить ее на правильном пути, когда не знаешь, как она началась? К сожалению, сам я понял это слишком поздно. – И подумал про себя: украв начало у других.

Антуан опустил взгляд и покачал головой. Затем он залез в карман брюк и вытащил сложенный лист бумаги.

– Вот, – сказал он.

– Что это?

– Прочти.

Жюль взял лист, развернул его и прочел. Письмо от Марлен.

– Смелая женщина, – наконец сказал он, возвращая листок Антуану.

– Смелая? Она бросила меня, когда мне было шесть, не зная, найдет ли меня кто-то, позаботится ли обо мне.

– Я понимаю твой гнев, твоё разочарование. Понимаю, что тебе больно. Любой на твоём месте чувствовал бы себя так же. Но твои чувства не меняют того факта, что эта женщина смелая.

– Остаться – часто более смелый поступок, чем уйти. Она ушла.

– Не осуждай ее. Не нам судить о том, что сделала твоя мать. Она не смогла вынести боли. Кто из нас смог бы? Боль делает нас другими

людьми. Людьями, которыми мы не хотим быть. Важно то, что с твоей матерью происходит сейчас. Она умирает. Она могла бы уйти, покинуть землю, не рассказав тебе начало истории. Но она хочет дать тебе то, что еще может как любящая мать. Правду. Только правда способна исцелить, заполнить черные дыры внутри нас. Неизвестность – нет. Неизвестность подобна кислоте, которая продолжает разъедать границы дыр, только увеличивая их. – Жюль обхватил ладонями пальцы Антуана. – Поезжай к ней. Сделай подарок и себе, и ей. Только так у тебя появится начало, которое никто больше не сможет отнять, а у нее – конец.

– Не могу.

– Это твой последний шанс. Если ты не воспользуешься им, то, возможно, будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Она протянула к тебе руку. Не бей по ней. Всю жизнь ты чувствовал, что чего-то не хватает.

Антуан кивнул.

– Я могу лишь дать совет: выслушай ее. Может быть, тогда ты ее поймешь. Разве мы не можем простить только потому, что не понимаем? Понять все – значит простить все.

Глава 54

Утро смывало черноту ночи. Щебетали птицы. Из-за завесы тумана показалось белое солнце. Небо было прозрачно-голубым. Пруд в саду блестел в утреннем свете. Перед домиком расстелился ковер яркой шелковистой зелени. Антуан прочесывал траву. Повсюду блестели капельки росы, благоухали цветы. Земля была влажной и теплой. Парня окружал утренний простор.

Весна находилась в пути, как и Антуан. Он отправился в путешествие в прошлое, которое, как он думал, спустя долгое время оставил позади. Он отправился к своей матери, Марлен. Жюль его убедил.

Однако на этот раз Антуан вернется в прошлое в последний раз. Он поклялся себе в этом.

Жюль предложил ему поехать вместе. Что-то связывало их судьбы, Жюля и его. Антуан это чувствовал. Но что? В глубине души он догадывался, но эта догадка не доходила до его сознания.

Чтобы добраться до хосписа, им потребовалось всего несколько часов проехать на поезде и немного пройти пешком.

Странно. Неужели его мать все эти годы жила совсем недалеко от него? Как давно она знала, что он живет с Шарлоттой, которая искала и нашла для них новую жизнь на Дальнем Востоке, там, где восходит солнце, и оставила прошлое там, где оно заходит? Это совпадение? Или это судьба привела их на тот же континент, даже в ту же страну? Загадочна ткань нашей жизни, созданная из нитей времени и судьбы.

Высокие папоротники, пышную зелень и все вокруг, насколько хватало глаз, освещал апрельский свет. Пахнущую дождем землю, чистый и тихий воздух и погруженный в эту тишину дом, предназначенный для тех, кто прощается с этим прекрасным миром.

Мужчины вошли в хоспис и пошли по свежeweымытому линолеуму вдоль коридора. По обе его стороны были расположены двери одна за другой. Большинство из них были закрыты. В палаты, двери которых были открыты, Жюль и Антуан время от времени бросали робкие взгляды: вот старик, который, лежа в постели, смотрит на потерянную страну своей жизни. Вот пожилая женщина, больше похожая на скелет, которая ждет своего конца, изъеденная болезнью. Вот еще одна, слабая и осунувшаяся, которая сидит в инвалидном кресле и пустыми глазами смотрит в окно. Люди, уставшие от страданий и боли, утратившие жажду жизни.

«Как же все-таки хрупка жизнь. Как хрупки мы. Все прекрасное хрупко», – думал Жюль.

«Все мы – уязвимые создания. Полные надежд и забот. Полные начал и финалов», – думал Антуан.

Дверь в палату Марлен была открыта. Еще долгие годы Антуан будет помнить охватившее его чувство, когда среди шума голосов в коридоре он вдруг услышал знакомую манеру речи. В море слов и бормотания тон и тембр одного-единственного голоса разом задел струну его памяти.

Антуан остановился на пороге палаты. Боялся снова увидеть, вспомнить то, что было сильнее его. Как предстоящая встреча с

человеком, которого он полностью вычеркнул из своей жизни, могла его так поразить?

Пока Антуан стоял у двери в палату, Жюль опустился на одну из многочисленных скамеек в коридоре. Он будет ждать здесь, даже если это займет дни. Он обещал Антуану. Перед его глазами проносилась обыденность хосписа со всей своей человечностью и бесчеловечностью. Под носом – чистые, стерильные запахи, а также смрад гниения и смерти. В голове – картина собственного конца, о котором неизбежно задумываешься в таком месте.

Жюль кивнул Антуану. Антуан сделал глубокий вдох и вошел.

Его мать была там, совсем одна. Медсестра только что вышла из палаты. Ни семьи, никого, кто оплакивал бы ее скорую смерть.

Марлен просто лежала, излучая спокойное достоинство.

Когда Антуан стоял, глядя в пространство, он осознал, что все прошедшие годы постоянно высматривал точку на холме, где в последний раз видел край ее голубого платья, прежде чем он исчез навсегда.

Ее взгляд был одновременно и знакомым, и чужим. На выступающие скулы была натянута тонкая, как бумага, кожа прозрачного оттенка. Волосы спадали на подушку мягкими серебристыми локонами. Руки походили на крылья без перьев.

Она была перед Антуаном, жизнь его матери. Он будто наблюдал за ней сквозь замочную скважину. Он вошел в нее, словно на чужой континент. Вид вызвал у него на глазах слезы. Он почувствовал, как внутри поднимается чувство одиночества. Одиночества, которое должно было принадлежать ей. Одиночества последнего мгновения.

Уже несколько месяцев она лежала одна в этой крошечной палате с маленьким окошком и дверью на веранду, ведущей в сад. С дверью, через которую она, вероятно, еще ни разу не выходила на улицу. Возможно ли, что эта палата постепенно стала для нее целым миром, ее единственным миром? Антуан почувствовал внутри боль, захлестнувшую его со всей силой. Он коснулся шеи и расстегнул сначала одну, затем вторую пуговицу под отворотом рубашки.

Откуда вдруг взялись эти чувства? Что он теряет, когда она уйдет навсегда? Мать, которой у него никогда не было? Человек,

которого он мог бы любить? Часть его истории? Последняя часть детства, которую с ее смертью тоже поглотит тьма?

Ради кого он здесь? Ради нее? Или только ради себя? Какая от этого польза?

Хотя Антуан не думал, что потеряет что-то еще, когда мать умрет, он вдруг осознал, что их связывает любовь, глубину которой им так и не удалось измерить полностью, но которая открылась им при этой встрече.

Когда Марлен увидела Антуана, по ее лицу скользнула улыбка. В умирающей вспыхнула жизнь.

Раньше Антуан составлял ее образ из обрывков, которые помнил. Из темной тени матери, которая бросила своего сына, которая ступила на утренний свет фонаря и исчезла из него навсегда, однако сейчас, здесь, в этой палате, ничто из того, чего он ожидал, не могло объяснить чувство привязанности, возникшее в нем.

Антуан подошел к кровати, одной рукой нежно провел по ее волосам, а другой обхватил пальцы. И что-то затронуло воспоминание глубоко в его душе. Это был аромат лаванды. Аромат знакомой жизни. Марлен смотрела на Антуана сияющими глазами, под которыми лежала черная тень болезни.

– Мама? – прошептал Антуан в тишине.

Всю дорогу Антуан готовился к встрече с матерью, но он и думать не мог, что эта встреча повлияет на него так сильно, проникнет в него так глубоко. У него не было слов, чтобы описать свои чувства. В них не было необходимости. Самое важное в жизни решается взглядом.

Мать крепко держала его руку в своей и с улыбкой смотрела на него. Во всем ее существовании было нечто хрупкое. Ее глаза были того же цвета, что и его, цвета тихого светло-зеленого горного озера, и их наполняла нежность.

Когда Антуан увидел, как слабо бьется сердце в костлявой груди Марлен, он понял, в каком тихом одиночестве, должно быть, она жила все эти годы. В одиночестве, в котором не должен жить ни один человек.

Злоба, которую Антуан питал к матери, прошла. На мгновение было забыто даже ее разбитое прошлое, которое разрушило и его. Весь гнев погас.

Вновь возникшее пространство внутри него наполнилось любовью. Он погладил ее по щеке.

– Мама? – повторил Антуан. – Можно тебя так называть?

Марлен кивнула и, когда она на мгновение закрыла веки, по ее щекам потекли слезы.

После молчания она начала рассказывать. Антуан вслушивался в ее спокойный голос. Он впитывал его в себя, словно аромат, словно дыхание мира.

Она рассказала ему об отце, о сестре, о радости по поводу пополнения в семье. По поводу Антуана. Она рассказала о той ночи. Ночи огня и страданий, обратившей жизнь семьи в пепел.

Она рассказала о внезапно опустевшем мире. Без смеха дочери. Без мужа. Она рассказала о боли, которая пожирает сердце, оставляя на его месте большую черную дыру. О том, как тяжело одного ребенка держать на руках, а другого – отпускать. Она рассказала, как трудно дарить любовь, когда ты больше не любишь саму себя. Как трудно не винить другого человека в том, что произошло, когда ты чувствуешь себя настолько виноватой, что не можешь терпеть. Она рассказала о единственном выходе, который тогда нашла. О тяжести дальнейшей жизни после расставания, и о том, что она не смогла простить себя, несмотря на то что посвятила всю оставшуюся жизнь чужим нуждающимся детям, потому что бросила одного, своего собственного ребенка.

Марлен не упускала ни одной детали, дарила Антуану один отрывок воспоминания за другим, поднимая их с морских глубин давнего времени. Фрагменты настолько полные, что картина его раннего детства и его раздробленное «я» складывались, как будто сами собой, в одно целое, в его личность. Картина, на которой была запечатлена вся семейная хроника от начала до конца.

Они оба думали о годах, которые никогда не вернуться, и о единственном, последнем мгновении, которое было у них сейчас.

– Пожалуйста, приоткрой окно. Я хочу впустить еще немного жизни, прежде чем умру, – попросила Марлен.

Антуан встал с кровати, повернул латунную оконную ручку и открыл окно. Ветер внес в палату мелодию – вдалеке кто-то играл на фортепиано. Музыка, в которой, несмотря на ее воодушевляющий ритм, скрывалась печаль, одно из тех произведений, которые пронизаны аурой особенно трогательных моментов и вызывают чувство меланхолии.

– Ты боишься смерти? – спросил Антуан.

– Я прожила жизнь. Смерть по сравнению с ней – наименьшая из проблем. – Она улыбнулась, затем добавила тихим голосом: – Антуан, рождение ребенка и смерть человека, которого мы любим, – это врата. Врата, через которые становится видно что-то неземное. Что-то, что мы можем видеть только сердцем, куда не может проследовать наш разум. Это переживание длится всего несколько секунд, но позволяет нашей последующей жизни засиять в совершенно ином свете. – Марлен минуту помедлила, попытавшись выпрямиться. – Но ему нельзя длиться долго, иначе мы вообще не захотим возвращаться в этот мир.

Антуан не хотел пускать ее через эти врата. Не сейчас, когда он только ее нашел, пусть и знал, что в подходящий момент они откроются для Марлен, и что конец не остановить.

На следующий день рано утром стало ясно, что она умрет совсем скоро. Смерть отбросила свою тень. Из Марлен уходила жизнь, жизнь, которую ей так и не удалось прожить в полной мере. Ее тело казалось крошечным, сморщенным. Пижама на ней была слишком велика, а она сама стала не более чем скелетом, обтянутым кожей. Лицо осунулось, повосковело, глаза превратились в запотевшие стекла, и лишь тонкая ниточка жизни, не прекратившееся пока дыхание, еще продолжала удерживать ее.

Антуан сидел на краю ее кровати. Смерть, неизбежный конец всего, впервые предстала перед ним во всей своей мощи, пальцами тянулась к его матери, заползала в нее. В женщину, которая только

вернулась к жизни ради него. В женщину, которой не исполнится даже пятидесяти пяти лет. Марлен начала умирать.

Что такое смерть? Раньше Антуан часто думал об этом, но теперь не осмеливался. Заметив перемену, он спросил у матери:

– Давно ты лежишь здесь, в этой кровати, в этой палате?

Марлен задумалась.

– Несколько месяцев, наверное; год, возможно, уже два.

– Хочешь сказать, что ты не была на улице несколько месяцев?

Марлен, улыбаясь, кивнула.

– У меня были дела. Я ждала тебя.

– Разве потолок может заменить небо?

– Если умеешь смотреть сквозь него – да. – Она снова улыбнулась.

Антуан встал и открыл дверь, ведущую через веранду в сад. Светало. На горизонте загоралась утренняя заря. Садовник собирался подрезать огромные плюмерии – деревья, олицетворяющие бессмертие. Антуан подозвал мужчину и попросил его помочь выкатить кровать матери через веранду на улицу.

– Пусть хотя бы в последний раз взглянет на наш мир. Она должна увидеть то место, куда отправляется. – Антуан посмотрел вверх, на небо, на виноградно-синие переливы ночи.

Садовник кивнул. Он снял с головы шляпу, повесил ее на ветку и вместе с Антуаном вошел в палату. Они выкатили кровать в сад. По высокой траве подкатили ее к одной из плюмерий в полном цвету. Антуан забрался в постель к Марлен. Лег к ней вплотную на простыню. Обхватил ее руку, которая с каждой минутой уменьшалась.

Они смотрели на впечатляющую природу вокруг. Удивлялись, как быстро рассеивается тьма, как небо постепенно наполняется светом и словно становится все больше и шире. Как они сами посреди сада сливаются с восходящим в апрельском тумане молочным солнцем.

– Когда я умру, я появлюсь на свет в виде голубого цветка, – сказала Марлен Антуану и спросила: – Оно еще у тебя?

– Что «еще у меня»?

– Семечко.

– Семечко?

– Которое я вложила тебе в руку, когда мы встретились во сне.

– Но это ведь был всего лишь сон.

– Оно еще у тебя?

Антуан залез в карман брюк, вынул семечко и положил в раскрытую ладонь.

– Я ношу его с собой с той ночи.

Марлен улыбнулась.

– Хорошо за ним следи и держи в тепле, когда я умру. Начнет прорастать – я уже в пути. Тогда посади его. Как только распустится бутон, я приду.

– Придешь? Куда?

– В чудесное место. Прекраснее, чем все, что мы можем себе вообразить.

– Но откуда ты знаешь?.. Как это возможно?..

– Ты ведь и сам это знаешь. Я же подарила тебе это семечко. Во сне.

– Это невозможно. Как сон может стать реальностью?

– На свете есть куда больше всего, чем то, что мы постигаем разумом, Антуан, – сказала Марлен, закрывая его ладонь. – Не все истины поддаются объяснению.

Почти час он пролежал рядом с ней, сжимая и целуя ее холодеющие руки.

На краю сознания Марлен собрались призрачные существа из ранних времен. Люди, которых она знала и любила. Марлен чувствовала, что они пришли, чтобы забрать ее домой. Там были все. И ее муж Франсис с их дочерью Пари.

На покрытую росой лужайку упали первые лучи солнца. Воздух был наполнен запахом свежескошенной травы, влажной земли и нежным ароматом цветов. Марлен и Антуана нежно обдувал легкий весенний ветерок. Она в последний раз посмотрела на него долгим взглядом. В последний раз обняла его со всей оставшейся силы. Сказала последнее «я тебя люблю».

Грудь Марлен слегка поднялась и опустилась. Дыхание сопровождал тихий шум, тихий выдох. Свеча, при свете которой она

всего за день прочла Антуану книгу всей своей жизни, вспыхнула, став ярче всего, что Антуан когда-либо видел, потрещала в последний раз, все больше теряя силу, и погасла навсегда. Глаза Марлен потухли, словно звезды. На лице дрожали последние осколки жизни. Трепеща, ее веки закрылись. Она разжала объятия и отпустила жизнь. Внезапно наступила тишина. Марлен испустила последний вздох, и он отправился в бесконечность.

Как будто ее окутало дыхание мира: худое тело охватил поток воздуха и унес душу, которая боролась за выход на свободу, в бескрайние просторы космоса.

Марлен вознеслась в небо, расправила крылья и улетела прочь. Осталось лишь тело, лежащее рядом с Антуаном, словно пустой кокон.

Как бы ему хотелось задержать мать в этом мире, теперь, когда он ее нашел. Его глаза наполнились слезами.

Антуан поднялся. Все крепче и крепче он сжимал ее руку, нежно гладил по лбу, по закрытым векам. Затем он положил голову на тыльную сторону кисти и похоронил в ее морщинах последние слезы своего детства.

В этот момент произошло нечто чудесное: по вершине плюмерии пронесся ветер и обрушил на Марлен сотни белых и розовых лепестков, словно снег, пока мертвая не оказалась покрыта ими полностью.

Куда ни глянь – пустые ветви. Однако Антуан знал, что они снова оживут и наполнятся новыми ароматными цветами. И что жизнь Марлен навсегда останется неразрывно связана с его жизнью.

Когда он вернулся в палату, его взгляд упал на туфли у двери. В глазах медсестры, которая тем временем вошла, было глубокое сострадание. Она наблюдала за всем из окна, а теперь положила руку на плечо Антуана и сказала:

– Она больше не ходит. Она летает.

Антуан в последний раз оглядел палату матери. Затем повернулся и вышел назад в свою жизнь.

Теперь он знал, как выглядели она и ее мир. Он вошел в него и стал другим.

– Мы постоянно меняемся, – услышал он слова Шарлотты.

Глава 55

Снаружи его ждал Жюль. Он раскинул руки и обхватил ими Антуана. Антуан положил голову на плечо Жюля и заплакал.

– На самом деле ничто не мертво, если присмотреться, – прошептал Жюль.

Свет разливался по земле, словно молоко. Антуан чувствовал себя в гармонии с жизнью и со звездами, незаметными днем. Их тоже не видно, но они есть.

Он почувствовал, как обрел душевный покой, которого никогда раньше не испытывал, и понял, что все то, что раньше казалось ему неразрешимым и бессмысленным, стало таковым лишь потому, что он был полон злобы и осуждал действия, которых не понимал. Теперь, когда Антуан простил и гнев уступил место любви, все прояснилось и обрело смысл.

Казалось, в одночасье мир открылся ему, будто пышный благоухающий сад.

Антуан был уставшим и в то же время бодрым. Более двадцати четырех часов он наблюдал, как смерть подкрадывалась к Марлен, заползала в нее.

Она боролась за каждый лишний час, который могла подарить сыну. Теперь, после того как она примирилась с ним и с благодарностью ушла, повсюду царил мир.

Антуан был бесконечно благодарен Жюлю. Без него он никогда не собрал бы воедино свою историю и не обрел бы душевный покой. Жюль подарил двум людям величайший подарок, который только можно кому-либо подарить: любовь.

Теперь Антуан по-другому думал о жизни. О людях. И о смерти. Смерть – не скелет в черном плаще. Нет. Смерть – нежная рука, снимающая тяжесть с наших крыльев, чтобы мы могли вознестись в небо и улететь прочь.

Наконец-то у него были объяснения, которые он искал на протяжении многих лет. Когда-то судьба подрезала Марлен крылья, и она ушла из жизни Антуана, чтобы не обрезать их и ему. Это было отступление, а не уход. Это было ради его, а не ее блага.

На этот раз они попрощались должным образом. На этот раз она не покинула его, а лишь прошла вперед.

Антуан чувствовал, как в нем зарождается глубокая любовь к матери. Любовь, которая вернула ему детство, казавшееся потерянным. Любовь, которая среди миллиона дверей в жизнь указала ему правильную. И он открыл ее и прошел сквозь нее.

Высоко в небе парили птицы с распростертыми крыльями. Антуану и Жюлю они казались такими крошечными. Маленькие черные точки, словно небо в крапинку, сорвавшиеся в путь, также, как и они. Мужчины вновь отправились в путь, каждый в свой.

Они вместе пошли на вокзал и на перроне протянули друг другу руки.

– Боюсь, теперь нам придется расстаться, – сказал Антуан.

– На время. Вот увидишь. Наш совместный путь еще не окончен, – сказал Жюль, подмигнул Антуану, похлопал его по плечу и запрыгнул в поезд.

Когда поезд тронулся, Антуан смотрел вслед своему новому другу и думал: «Наши жизни связаны непостижимым, таинственным образом. Когда мы внимательно слушаем истории других, нам открывается что-то свое. На жизненном пути мы встречаем людей, чьи слова дают ответы на наши собственные вопросы. А когда мы внимательно слушаем других и учимся прислушиваться к себе, мы находим все, что нам нужно».

Глава 56

Светил пудровый свет. Блестели луга. Пейзаж мерцал в косых маслянистых лучах утреннего солнца. Всего за одну ночь полностью расцвела весна. Из земли прорастали тонкие ниточки травы, и все покрылось росой.

Перед тем как мужчины отправились к Марлен, Даршини посоветовала Жюлю сходить на необычную реку. На реку, которая течет в обратном направлении, уносит тех, кто в нее погружается, в прошлое. Там Жюль встретит человека по имени Вивек, и этот человек ему поможет. «Порой по жизни полезно идти обходными путями, чтобы найти то, что тебе нужно», – сказала Даршини. Она точно описала ему маршрут. Станным образом Жюль доверился абсурдному предложению старухи, голос которой звучал таинственно.

Найти реку не составило труда. Сверкая на свету, она извивалась на ярко-зеленом ландшафте, словно голубая шелковая лента. Вдали, насколько хватало глаз, возвышались покрытые зеленью известняковые горы. Когда Жюль подошел к заросшему берегу, он увидел мужчину, который сидел на корточках на камне и смотрел на воду. Повсюду вдоль воды сновали зимородки: резвились на берегу, сидели на низко свисающих над водой ветвях, резво ныряли в нее из засады в поисках мелких рачков и рыб. Их оперение повсюду вспыхивало ярко-голубыми красками и переливалось на солнце.

Жюль подошел к мужчине, поприветствовал его коротким кивком и сел на камень рядом. И хотя мужчине наверняка было уже за шестьдесят, а может, и за семьдесят, его зачесанные назад волосы блестели, словно черный бархат. У него было широкое лицо с гладкой, почти не тронутой морщинами кожей и румянцем на щеках. Когда он улыбался, можно было заметить, что на нижней челюсти не хватает зубов.

Ни один из мужчин не произнес ни слова. Они смотрели на тихую и спокойную воду.

Это было другое молчание, отличное от знакомого Жюлю. Это было молчание, подобное тому, которое он впервые в жизни испытал с Антуаном. Молчание, которое объединяет, а не наоборот. Рядом с ним снова находился незнакомец, с которым тишина теряла способность к отчуждению.

Пока они сидели и смотрели на проносящуюся мимо реку, им представилась фантастическая картина. Люди по очереди заходили в воду, окунались и снова поднимались. Люди стояли в потоке с закрытыми глазами, словно в трансе. Они выходили из потока и выглядели совершенно изменившимися, как будто в них бурлил источник силы, как будто в них самих теперь текла река, которая вышла из берегов и прокладывает себе дорогу в жизни.

Только внимательно присмотревшись, можно было заметить, что река и в самом деле течет в обратном направлении. Она течет вверх по холмам, а не вниз. В каменистых местах вода закручивается, поднимая пену и пузыри, и переливается через камни. Омываемые травинки загибаются в сторону гор.

В какой-то момент мужчина сказал:

– Ты пришел окунуться в реку прошлого?

– Вивек?

Мужчина с круглым лицом кивнул.

– Мне рассказала о тебе Даршини. Я хочу вернуться к тому моменту в своей жизни, когда все изменилось к худшему. Это правда, что тот, кто входит в реку прошлого, отматывает жизнь назад и оказывается в точке, в которую желает вернуться?

– Правда, – ответил Вивек.

– Все так просто? – спросил Жюль.

– Нет, не все. Пусть река и вернет тебя туда, это не изменит твоего положения. Ты снова поступишь так же, как поступил когда-то, потому что ты вернешься в тот момент лишь с тем, чем в то время мог располагать. То, чему ты научился в будущем, является частью будущего, так что ты проживешь все эти годы так же, как прожил – со всей болью, со всей виной и смирением. – Он сделал паузу, затем продолжил. – Все наши озарения – запоздалые. Жизнь открывает дверь за дверью для всех без исключения, и именно для этого мы здесь. Хоть ты и не можешь использовать то, чему тебя научило будущее, чтобы изменить прошлое, ты можешь использовать это, чтобы по-другому взглянуть на пережитое. И, что самое главное, ты можешь использовать полученные знания в будущем, чтобы исправить любые возможные ошибки.

– Я не могу изменить то, что произошло?

– Своими действиями ты вмешался в жизни многих людей. Так происходит со всем, что мы делаем. Мы ежедневно вмешиваемся в жизни и судьбы других. Даже если это происходит неосознанно, и мы делаем это в своих интересах. Даже если твои действия, возможно, оказали положительное влияние на чью-то жизнь, пусть ты и не можешь себе этого представить. Чтобы повернуть годы вспять, тебе нужно привести к этой реке всех людей, на жизнь которых ты повлиял. Но тебе это не удастся. Радиус наших действий огромен. Мы должны учитывать это, когда что-то совершаем.

Жюль поднял брови.

– Вот. – Вивек наклонился и поднял с земли четыре камня. – Возьми по одному из этих камней в каждую руку и брось их по очереди в реку, куда захочешь.

Жюль нахмурил лоб, но все же встал и бросил в воду сначала один, затем второй камень. По воде разошлись круги.

Вивек тоже встал и бросил камни в реку. Сначала один, затем второй. По воде снова разошлись круги. Наконец все круги соприкоснулись и перешли один в другой.

– Видишь ли, – продолжил Вивек, – каждая жизнь на земле подобна камню, брошенному в воду: от наших действий расходятся круги. Образуются волны, и эти волны становятся все шире и касаются волн других жизней. Круги нашей жизни, наших действий соприкасаются, сливаются друг с другом. Таким образом, все в мире неразрывно связано. Мы никогда не можем заранее предугадать, к чему нас приведет то или иное действие – к плохому или к хорошему. Порой судьба обходными путями возвращает на прежний путь нас и людей, на которых повлияло наше решение.

– Но тогда какой смысл в реке прошлого? Если мы не можем исправить свои ошибки?

– Есть люди, которые берут все на себя ради одного упущенного момента. Чтобы иметь возможность пережить этот момент снова. Момент, когда они были вынуждены попрощаться с кем-то навсегда. Чтобы еще раз услышать голос, почувствовать запах кожи, прикоснуться, прежде чем любимый человек навсегда покинет этот мир.

– Значит, я зря проделал весь этот путь?

– Зря? Разве он не показал то, что может тебе понадобиться, чтобы повлиять на свое настоящее и сделать из него желаемое будущее? – Вивек снова присел на камень. – Скоро ты до него доберешься. Но для этого тебе нужно двигаться вперед. Нужно оставить все позади. Страх перед неизвестным, перед тем, что будет, не должен заставлять тебя возвращаться в прошлое. – Он тяжело дышал. Жара изводила его. Снова и снова он вытирал со лба капельки пота. – Друг мой, – сказал Вивек, потирая затылок, – я не имею права лезть к тебе в душу и давать советы. Но, если ты позволишь, я все же порекомендую тебе немного покопаться в себе. Мне кажется, в твоей душе кроется что-то, что тебе, возможно, следует отыскать.

Жюль внимательно смотрел на него во все глаза.

– Прежде чем ты спросишь, – продолжил Вивек, – отвечу: нет, я не знаю, что это. Я не провидец. Я просто чувствую, что в ней что-то есть. Что-то, что является ключом ко всему.

Теперь и Жюль опустил на камень.

– Наверное, ты считаешь меня сумасшедшим, – вздохнул Вивек. – Если я ошибаюсь, извини. Но если ты и сам чувствуешь, что есть хоть малейшая вероятность, что глубоко в тебе дремлет что-то, что ты так умело прятал, настолько умело, что теперь откопать довольно сложно, то, прошу тебя, копай!

– Как мне найти то, о чем я даже не знаю?

– Продолжай свое путешествие. Каждое путешествие – это путь к самому себе. Пусть ты еще и не осознал этого: ты уже в пути. Твоя настоящая жизнь уже близко. Душа – вот наш проводник к истине, наш внутренний свет.

Ошеломленный, Жюль встал.

– Спасибо тебе, – наконец сказал он, еще раз взглянул на воду и протянул Вивеку руку.

– Не забывай, – начал тот, – даже если зима в тебе все еще холодная и темная, и ты все еще глубоко увязаешь в снегу: весна близко. Неудержимая, она снова и снова расцветает в каждом из нас.

– Великое предвестие весны, – улыбнулся Жюль и отправился в путь.

Глава 57

«Из любой ситуации есть выход, нужно его только найти», – думал он.

Около полудня Жюль добрался до бесчисленных участков рисовых полей, граничащих друг с другом. Тут и там росли сучковатые тамаринды, дающие тень в жару, а в далекой дымке вырисовывались силуэты потухших вулканов.

Жюль подошел к толпе мужчин в конических шляпах, что сажали рис на залитых водой полях. Он смотрел на их двигающиеся рты, наблюдал за их разговорами, но не понимал их речь. Колышущий травы ветерок уносил каждое слово даже на небольшом расстоянии. Пробираясь сквозь толпу, Жюль спрашивал, может ли кто-то объяснить ему дорогу в соседнюю деревню, но ветер уносил и его голос.

Он снова и снова смотрел на мужчин. Один из них привлек его внимание уже тем, что совершенно не привлекал внимания других. Худой, почти прозрачный костлявый старик с ясными, словно стеклянные бусины, глазами. И именно этот старик, казалось, слышал лучше всех остальных. Вдруг он повернулся и подошел к Жюлю, ослабил подбородочный ремень конической шляпы, сделанной из рисовой соломы и пальмовых листьев, снял ее и тыльной стороной кисти вытер лоб, покрытый капельками пота. За исключением полосы редких белых волос, у него был лысый, местами окропленный черными родинками череп. Старик обеими руками держал шляпу перед животом.

– Вы что-то ищете?

– Я ищу женщину по имени Шарлотта. Ей сейчас должно быть около сорока четырех лет. Она живет со своим сыном, Антуаном, где-то поблизости.

Старик почесал висок указательным пальцем, будто копаясь в пыльном архиве памяти. Через некоторое время он спросил:

– Ту красивую женщину, у которой павильон для растений?

– Да, именно. Ее сын рассказывал мне, что она разводит чудесные цветы.

– Прекрасные! – сказал старик и объяснил Жюлю дорогу.

Только когда Жюль хотел с благодарностью попрощаться, он понял, что мужчина слепой.

– Никто никогда не описывал мне дорогу так точно, – сказал он старику. – Должно быть, вы являетесь картой для многих людей.

– Ко мне мало кто обращается. Меня не видят. Я ведь слепой, – ответил старик и хитро улыбнулся. – Но быть слепым – не значит не видеть. Большинство людей видят меньше, чем я, хотя зрение у них есть.

Жюль кивнул.

– Мы видим лишь то, что уже есть в нас. И то, что находится прямо перед нами. Я такой же слепец. Печально то, что обычно нас озаряет уже тогда, когда становится слишком поздно.

– Например?

– Двадцать лет назад я совершил огромную глупость.

– Разве не все мы их совершаем? Снова и снова? Глупости встречаются на нашем пути между жизнью и смертью так же часто, как рои комаров-звонцов в брачный период.

– Моя ошибка была не просто глупостью. Моя ошибка была преступлением. Я изменил жизни многих людей.

– И теперь раскаиваешься.

– Уже двадцать лет как.

– Ты думаешь, что вмешался в планы судьбы.

Жюль кивнул. Слепой улыбнулся.

– Ты слишком много на себя берешь, милый. Даже если бы у тебя были злые намерения – а я верю, что у тебя их не было, – ты бы не оказал большого влияния на жизнь других людей. Так что можешь перестать раскаиваться.

– Так просто?

– Так просто. Пойдем, посидим чуток в тени того тамаринда. Я расскажу тебе одну историю.

Когда они присели на корточки, он начал:

– Однажды в бедной семье родился мальчик. Один старый мудрец предсказал, что он женится на дочери короля и будет править страной. Мудрец знал, как толковать знаки Вселенной, и никогда прежде не ошибался. Король, услышав о предсказании, захотел как можно скорее избавиться от мальчика. Разумеется, бедный парень без средств к существованию не должен был становиться мужем его дочери и правителем страны. Тогда король пошел к родителям мальчика и сказал: «Ваш сын в любом случае возьмет в жены мою дочь, так

отдайте его на мое попечение уже сейчас. Я хочу позаботиться о нем и дать ему хорошее образование». Родители, которые, как и любые другие, хотели для своего ребенка только самого лучшего, доверили королю маленького сына. Однако тот положил ребенка в коробку и бросил ее в реку, ожидая, что она тут же пойдет ко дну и ребенок умрет. Но коробка плавала в целости и сохранности, пока не запуталась в манграх недалеко от дома, где жила бездетная пара, которая много лет мечтала о ребенке. Когда они услышали крики малыша через окно, они бросились на улицу и нашли его. Благословленная Вселенной пара с любовью вырастила мальчика. Десять лет спустя король случайно узнал об этом. Он отправился к ним и предложил забрать мальчика в замок, чтобы обеспечить ему лучшую жизнь, чем могли предложить в деревне они. Пара обрадовалась за сына и позволила ему переехать к королю. Однако король, желая избавиться от мальчика, прежде чем он встретится с его дочерью, написал письмо городскому палачу. В нем он приказывал немедленно убить ребенка. Король положил бумагу в конверт, запечатал и отправил с ним к палачу самого мальчика. В письме, как он сказал ребенку, было сообщение невероятной важности. Ничего не подозревая, мальчик отправился в путь с собственным смертным приговором в кармане. Прибыв к палачу, он передал ему письмо. Прочитав эти строки, палач протянул бумагу своей жене и сказал: «Человек может осуществлять власть, только если своими действиями он защищает общество, только если это спасает людей от вреда и страданий, но не тогда, когда он защищает одного себя. Так пусть король получит то, что заслуживает». Палач и его жена приняли мальчика, сказав ему, что король желает, чтобы отныне он рос с ними. Они дарили ему всю свою любовь, прививали добродетели и ценности. Так мальчик вырос порядочным молодым человеком, чья сила, мужество и стойкость коренились в любви трех пар родителей. Однажды на лесной тропе, совсем недалеко от дома юноши и его родителей, сломалась королевская карета, в которой сидела дочь короля. По велению Вселенной молодой человек на лошади проезжал мимо. Он помог кучеру починить карету, и вскоре они смогли продолжить путь. Королевская дочь и юноша влюбились друг в друга с первого взгляда. Она взяла его с собой прямо в замок, чтобы выйти за

него замуж. Король так разозлился, что, увидев дочь, поднимающуюся по тропинке к замку под руку с юношей, упал замертво.

Слепой секунду помедлил, схватил рукой комара на лету и закончил:

– Пока король полжизни пытался сорвать планы судьбы на одного человека, Вселенная тут и там разбрасывала по свету маленькие чудеса. Она спокойно наблюдала за тем, как пути на карте жизни мальчика постоянно менялись из-за вмешательств отдельного человека, однако не препятствовали достижению предназначенной ему цели.

Жюль и слепой некоторое время молчали. Затем старик сказал:

– Знаешь, милый, в нашу судьбу всегда вмешиваются люди. Возможно, это ведет нас обходными путями. Но не отклоняет от цели. Наша судьба остается неизменной. В конце мы доберемся туда, куда должны. Если...

– Если? – перебил Жюль слепого.

– Если мы вспомним о себе. Снимем маски. Избавимся от самоотречения. Выясним, кто мы и для чего мы здесь. Потому что лишь тот, кто знает себя, найдет свое место в мире. Ты ближе к истине, чем ты думаешь.

Снова стало тихо. Только легкий ветерок колыхал перистые листья тамаринда.

– Но как узнать, насколько хороши или плохи наши действия? – вдруг спросил Жюль.

– Действие является хорошим в той мере, в какой оно приносит пользу, и плохим в той мере, в какой причиняет вред.

– Когда человек считается хорошим?

– Тогда, когда он хороший, даже если знает, что этого никто не видит, – ответил слепой.

– Как мне все исправить?

– Сделав лучше столько жизней, сколько испортил своим поступком, при этом не забывая о себе. За последние годы ты, несомненно, пострадал больше всех. В жизни необходимо просто уметь видеть. Как ты заметил, для этого даже не нужно зрение. – Он раскрыл руку и показал ему комара. – Я и без него вижу достаточно.

Начался мелкий мягкий летний дождь. Слепой старик снова надел коническую шляпу, протянул Жюлю руку и сказал:

– Я ухожу.

– Не хочешь переждать здесь, под деревом, пока пройдет дождь? – спросил Жюль.

– Я настолько износился, что могу проскользнуть между каплями, не промокнув. – Он хитро улыбнулся. – А если серьезно, милый: чтобы прибыть в жизни туда, куда мы хотим, нам нужен не зонтик, а дождь.

Тогда Жюль почувствовал, что весна пришла не только в сады по всему миру. Она незаметно вошла в его жизнь.

Глава 58

Шарлотта жила в таком месте, по которому можно было передвигаться только пешком или на велосипеде. Повсюду росли деревья, травы, растения, ароматные лепестки. Всюду зелень, насколько хватало глаз. Казалось, что нарядные деревянные дома были высажены среди природы рукой небес. Мимо них, искусно петляя, тек ручей. Через него тянулись мосты, ведущие к отдельным земельным участкам. Все вокруг заливал мягкий свет – блеск Востока, страны чудес.

Взгляд Жюля был прикован прямо к мосту, ведущему к дому Шарлотты. Мох, которым мост оброс за последние десятилетия, переливался ярко-зеленым цветом. Жюль перешел через реку и скользнул взглядом по этому волшебному клочку земли.

Участок Шарлотты окружала старая заросшая стена. Жюль остановился перед воротами из вулканического камня. Он отодвинул в сторону ветви цветущей плюмерии и вошел в великолепно пахнущий сад. Густо покрытый кожистыми листьями в форме сердца бенгальский фикус, воздушные корни которого оплетали ствол плотной сетью и защищали крону, словно оплетка из дополнительных тонких стволов, отбрасывал приличную тень на дом, стоящий на бамбуковых сваях.

– Дерево, исполняющее желание, – сказал себе Жюль, – бесконечные разветвления которого олицетворяют вечную жизнь.

Даже без помощи чувств она ощутила его приближение. Шарлотта распустила волосы, сняв ленту, откинула их за спину и вышла из дома. На ней было платье из белого хлопка, сотканного так тонко, что сквозь ткань можно было читать, как между строк. Изящная женщина с тонкой длинной шеей и шелковистой кожей цвета слоновой кости, Шарлотта замерла в дверном проеме.

Это он. Жюль. Один взгляд, и дыхание перехватило. Его глаза блестели, наполненные ярко-зеленым утром. Он смотрел на Шарлотту. На ее светлую кожу, лицо, похожее на цветок, оливково-зеленые глаза, волосы, водопадом спадающие на плечи. Его взгляд снова и снова блуждал по ее лицу. В ее сияющих от счастья глазах он прочел все, что ему нужно было знать. Ей было так же хорошо, как и ему. Это была тайна, которая омывала ее все эти годы, словно тихий, медленный поток.

– Прости, пожалуйста, – наконец произнес Жюль, – я опоздал.

Шарлотта улыбнулась.

– Я пришел извиниться за то, что тебе сделал, всем нам, – продолжил он. – И чтобы... Я пришел, чтобы...

Долгое время они молча смотрели друг другу в глаза. Из ее взгляда он почерпнул тихую радость, неявное знание о красоте, тайне и магии любви. Эта женщина умела заглядывать в сердца людей, и в ее глазах он увидел то, что слишком долго скрывал от самого себя.

Шарлотта никогда и надеяться не смела, что действительно могла быть для него кем-то другим, кроме медсестры, которая действовала из отчаяния, как и он. Она никогда и думать не смела, что ее чувство взаимно. Но Жюль был здесь, стоял перед ней со своими кудрявыми растрепанными волосами серебристого цвета, и их взгляды встретились – как тогда.

В глазах Шарлотты вспыхнул огонек. Она и сама чувствовала, что стоило ей посмотреть на Жюля, как на ее лице отразилось счастье, и что то же самое происходило с Жюлем.

Все в них помнило.

Как же все-таки сложно выражать свои желания. Еще сложнее, когда это не позволяет сделать чувство вины. Мы задаем себе не те вопросы, которые должны задавать, потому что боимся ответов.

Тем не менее в последние годы Шарлотта постоянно задавалась вопросом, как сказать то, чего нельзя говорить, так как этого не позволяют обстоятельства, но, не находя ответа на свой вопрос, она молчала. Однако теперь, когда они стояли друг перед другом, слова, для которых не существовало языка, были больше не нужны.

Сердце Жюль билось быстро и звонко. Оно трепетало, словно птица, которая хочет, чтобы ее выпустили из клетки. Шарлотта чувствовала это всем своим существом.

Жюль подошел еще на шаг ближе и убрал с ее лица прядь волос. От интимности этого жеста у нее чуть не перехватило дыхание.

Они долго стояли вплотную друг к другу, не произнося ни слова. Ни один из них не хотел портить красоту момента. Они чувствовали лишь учащенное дыхание.

Во время своего путешествия Жюль усвоил, что жизнь, пусть и редко, дарит нам волшебные моменты, которых мы лишаемся, если не предпринимаем никаких действий. На этот раз, во второй, а может, и в последний, он не упустит момент, принадлежащий только им двоим.

Когда Жюль взял руки Шарлотты в свои, все ее существо коснулось его, словно музыка. Теперь они стояли совсем близко друг к другу. Ощущали дыхание друг друга и биение собственных сердец. Волосы Шарлотты развевались от дыхания Жюль. Он чувствовал запах ее кожи, пахнувшей цветком жасмина. И снова вспомнил, сколько раз за последние десятилетия он чувствовал этот запах и подавлял ведомое им чувство, потому что оно причиняло слишком сильную боль.

Они смотрели друг на друга, не отводя взгляда, словно два цветка, раскрывшихся друг для друга, и в этот волшебный момент, представившийся обоим настоящим чудом, Жюль коснулся ладонями лица Шарлотты и поцеловал ее долгим, чувственным поцелуем.

В этот миг они существовали независимо от остального мира. Когда они вновь открыли глаза и посмотрели друг на друга, Шарлотта подумала: «Иногда в одном мгновении кроется вечность».

Они долго пребывали в этом мгновении, в одном из самых драгоценных моментов жизни, таком прекрасном, что хотелось

находиться в нем всегда.

Реальность оказалась не хуже воспоминаний. Никакого фантастического образа, который годами носишь в себе, а потом с удивлением спускаешься с небес на землю, нет – в жизни Шарлотта оказалась еще прекрасней. Ее внешность подействовала на Жюля так же, как и в первую встречу: она оживила его, наполнила желанием и – единственное отличие – радостью вместо страха, радостью новых открытий, манящей и привлекательной.

Она была одной из тех женщин, которые сдерживают больше обещаний, чем дают. Одной из тех, кто хранит глубоко внутри сокровище.

Взявшись за руки, они сели на ступеньки перед домом. Они смотрели на бесконечную зелень сада и пейзаж, теряющийся вдаль. Слушали колибри, трепетание их крыльев и любовались их неподвижным зависанием в воздухе.

– Почему ты ничего не сказала тогда? – прошептал наконец Жюль.

– Не знала как. Чувства слишком легко становятся банальными из-за неправильных слов. Да и как я смогла бы в тот момент до тебя достучаться? В твоих глазах было отчаяние, и я не хотела вынуждать тебя разбираться с моими неожиданными чувствами к тебе. А ты, почему ты ничего не сказал?

– Думал, что это ни к чему не приведет. В лучшем случае к еще большему горю для тебя и еще большему страданию для меня. Я ведь был женатым мужчиной и только что стал отцом.

Шарлотта кивнула.

– Но что я понял так поздно... Что мне понадобилось двадцать лет, чтобы проснуться... – Жюль потер серебристые клочки бороды. – Почему я только сейчас понимаю, что все эти годы шептало мне сердце? Еще в юности я создал в мечтах женщину, которую полюблю и с которой проведу жизнь. Во время нашей встречи в родильном доме я был настолько чужд самому себе, что мне потребовалось время, чтобы осознать, что я увидел в тебе то, что всегда искал.

Шарлотта сжала его руку, встала и пошла в дом, чтобы принести немного воды и оставить его и себя наедине с мыслями об этом драгоценном моменте. И Жюль остался сидеть в саду, под ломтем своего неба.

Когда она снова вышла, он повернулся к ней, протянул руку, нежно притянул Шарлотту к себе и прошептал:

– Когда отправляешься в путь, возможно все. С правильным выбором невозможно ошибиться. Что значат потерянные годы, если в итоге жизнь все же сводит тех, кто друг другу подходит?

Тесно прижавшись друг к другу, они долго сидели на ступеньках перед домом Шарлотты, предаваясь своим мыслям и наслаждаясь моментом.

С ароматной стружкой жасмина, которую Шарлотта оставляла за собой при каждом даже легком движении, в его сознание проникали вопросы, которыми Жюль должен был задаваться на протяжении этих десятилетий. Как он мог столько лет скрывать то, что тронуло его душу в первую встречу с Шарлоттой? Чьей жизнью он жил все эти годы? Почему он не осознавал того, что теперь так ясно предстало перед ним, раньше?

В одночасье к нему вернулись чувства, которые он испытывал к Шарлотте. Стоило ему только снова ее увидеть, как они тут же выползли из уголков его сердца, словно плющ. Подобно лозам, они крепили в его подсознании эти двадцать лет. Он лишил их света еще тогда, в родильном доме, чтобы они не росли, не пробирались в жизнь. Вместо этого он вырастил среди своих желаний сорняк, однако поздно осознал, что тот всегда пускает длинные корни. В жизни все точно так же, как и в природе. Однажды потребуются усилия, чтобы его вытащить. Ведь в большинстве случаев часть корня застревает в земле навсегда, как и прошлое не вырвать полностью.

Теперь Жюль понял и то, что имела в виду Даршини. Он знал, что ему нужно делать: не возвращаться мыслями в прошлое и не заглядывать в будущее, а пребывать в этом мгновении, здесь и сейчас, вместе с Шарлоттой, и ощущать необъятную красоту момента.

Шарлотта тем временем встала и побрела по цветущему саду. Она остановилась у белых лилий, и так глубоко погрузила нос в одну из чашечек, чтобы вдохнуть аромат, что ее лицо оказалось полностью покрыто крупинками пыльцы. Жюль посмотрел на нее и подумал:

«Какое поразительно красивое зрелище: Шарлотта в сиянии моей новой жизни».

Снова начался тихий дождь, второй теплый мягкий летний дождь за этот день. Он падал с неба тонкими строчками. Тонкое платье Шарлотты быстро промокло, прилипло к ее маленькой упругой груди. Заметив это, Жюль не смог противиться желаниям. Он подошел ближе к Шарлотте, и его руки легко опустились ей на плечи, а затем скользнули по груди. Шарлотта прислонила голову к его плечу и, растворяясь в ласковых прикосновениях, закрыла глаза.

Глава 59

Они провели ночь вместе. Он глубоко проник в ее тело и душу. Шарлотту наполнило ощущение, что теперь все будет иначе. Что он останется с ней навсегда.

По темно-синему небу плыли яркие облака. Ветер бесшумно перебирал листья, заставляя их танцевать и переливаться в утреннем свете. Все, что раньше казалось Жюлю непримиримым, наконец успокоилось в нем и нашло свое место. Всего за день он снова стал человеком, которого все эти годы считал потерянным, человеком, который смотрел в будущее со спокойствием и уверенностью.

«Волшебство – это все те неожиданные повороты, которые может принять жизнь», – подумал он, осознавая, что Шарлотта – женщина, давшая приют его беспокойной душе, распустившая запутанный клубок его жизни и нашедшая красную нить.

Все то, что благословлено Вселенной, не может не состояться.

Шарлотта и Жюль чувствовали, что связавшая их любовь – не временное увлечение, которое исчезнет, как исчезают мимолетные связи. Они знали, что это чувство не пройдет бесследно. Они понимали, что это – волшебство любви, магия душ, которые знают, что принадлежат друг другу и всегда принадлежали, еще даже не встретившись.

– Настоящая любовь способна дать многое, – сказала себе Шарлотта. – Она позволяет и пустить корни, и отрастить крылья. – Ее глаза, поймав свет раннего апрельского утра, засветились мягким зеленым светом.

Перед ними лежали рисовые поля, сверкающие от росы. Мерцающий пейзаж, таящий магию душ.

– Почему мы не встретились раньше? – спросил Жюль.

– Мы встречались, – ответила Шарлотта.

– В смысле еще раньше. До того, как я встретил Луизу.

Шарлотта улыбнулась:

– Тогда я была еще подростком.

– И все же. Мы должны были встретиться раньше. Так было бы лучше для всех.

– Мы этого не знаем.

– Мы должны были понять друг друга по крайней мере тогда, в родильном доме.

– Было неподходящее время.

– А есть подходящее?

Шарлотта задумалась. Наконец она пожала плечами.

– Возможно, в подходящее время мы просто поступили неправильно.

Жюль кивнул. Через некоторое время он спросил:

– Что означает влюбиться в другую женщину, будучи в браке? Означает ли это, что ты больше не любишь жену? А может, никогда по-настоящему не любил? Или что человек совершенно естественным образом создан для того, чтобы проводить разные периоды жизни с разными партнерами? Или это означает, что он сможет встретить родственную душу и открыться ей лишь тогда, когда сам поймет, кто он?

– Я верю во вторые половинки. Верю в то, что по жизни мы всегда ищем свою и чувствуем себя полноценными лишь тогда, когда находим. А еще я верю, что для того, чтобы ее найти, нужно сначала познать себя. Порой один уже нашел свое место в мире и знает, кто он, но второй еще не готов, потому что ему или ей еще только предстоит себя найти. Но они обретут друг друга тогда, когда оба будут к этому готовы. Вот во что я верю.

– То есть ты веришь, что после волшебных встреч люди теряются, чтобы однажды снова найтись? Что иногда на это уходят годы? Десятки лет? Как в нашем случае?

– Да. Я в это верю.

- А когда ты узнала, что я твой человек?
- Я всегда это знала, – ответила Шарлотта.

«Шум времени. Лица появляются и снова исчезают. Множество лиц, которые встречаются нам, которых встречаем мы, остаются для нас неизвестными, а мы – чужими для них. Мы все находимся в поиске, и порой сами не знаем, что ищем. Порой мы полностью теряем надежду и смелость и ищем вслепую, но потом снова вдруг вспыхивает былое предчувствие того, что мы приближаемся к цели. И вот перед нами появляется образ, единственный силуэт среди миллионов людей. И мы понимаем: путешествие подошло к концу. Мы прибыли», – подумал Жюль и закрыл глаза.

Глава 60

Сарасвати была художавой женщиной с блестящими серебристыми волосами, которые обычно заплетала в косу на затылке. Пряди постоянно падали ей на лицо, напоминая шелковые нити, выбившиеся из кокона. Ей исполнилось пятьдесят четыре года, ее тело было настолько тонким и легким, что, казалось, двигаясь почти бесшумно, она даже не вытесняет воздух, но даже несмотря на свою удобу, она не была неприметной. Она обладала особой красотой: блеск в глазах и сияние на лице, исходившие из глубочайшего душевного покоя. Ничто не делает человека прекраснее, чем внутреннее спокойствие и душевное равновесие.

Уже тогда, когда она нашла бронзовое перо в конверте в кровати своей дочери, у нее возникло предчувствие, такое мучительное, что ей захотелось тут же о нем забыть. Но она никогда не забывала.

Сарасвати показала амулет своему отцу, который разбирается в старинных украшениях. По его словам, это перо с афганским лазуритом было сделано более трехсот лет назад, и несло след своей истории, слегка покрывшийся патиной. Перо было изготовлено из меди древним способом литья по выплавляемым моделям. Сперва его вылепили из воска и покрыли глиной, затем обжигали, пока воск не растаял, а глина не затвердела, в образовавшуюся полость залили расплавленный металл и охлаждали его до тех пор, пока он тоже не

затвердел. Затем глиняную форму разбили и достали готовое перо, и в завершение вставили жемчужный глаз лазурита. Для этого амулета выбрали особенно красивый камень – драгоценный, темно-синий, сияющий, с крошечными кристаллами, едва видимыми невооруженным глазом. Вот что Сарасвати объяснил отец. И сказал, что черная вставка по центру лазурита представляет собой зрачок, назар, похожий на крошечную прозрачную бусину из черного стекла.

Видящее перо называют амулетом. Ему приписывают магические свойства. Это вещь, хранящая множество секретов, которые она раскрывает только своему владельцу. Помогает разгадать загадку его жизни, если тот готов понять послание. Однако, если амулет уже однажды открыл человеку уникальное послание – сообщение, имеющее значение лишь для него, – он не откроет его ему во второй раз.

Согласно легенде, как только амулет раскрывает магию, его нужно передавать дальше. А еще говорят, что перо – часть книги, которая также переходит от человека к человеку. На ее кожаной переплетной крышке есть выемка, в которую оно идеально входит. Страницы этой книги совершенно чистые, и только когда книгу берет в руки тот, кому пришло время получить послание, ему открывается запись. Но лишь на тех страницах, между которыми лежит ляссе.

Сарасвати держала его в руках: видящее перо. Драгоценное украшение, которое детская медсестра положила в кроватку ее дочери, а затем бесследно исчезала из родильного дома.

Почему она подарила ей такую ценную вещь, не зная ее? Амулет с афганским лазуритом. Камнем истины. Камнем, приносящим внутренний и внешний покой. И любовь. Небесным камнем с многочисленными вкраплениями пирита, мерцающими, словно золотые звезды. Камнем, который приносит удачу и исцеляет. Почему? Почему Сарасвати должна владеть этим изысканным украшением? Что она должна знать?

На записке, вложенной в конверт с амулетом, была лишь короткая надпись: «Простите меня. Пусть камень направляет и защищает вашу дочку».

Сарасвати инстинктивно почувствовала, что детская медсестра вместе с амулетом оставила ей тайну. Частичку сердца, души, которая рассказывает историю, навсегда связавшую женщин.

Часто Сарасвати вспоминала те два дня в родильном доме, которые она провела в одной послеродовой палате с женщиной по имени Луиза.

В ее глазах Сарасвати увидела сияние, которого она, как ей тогда казалось, никогда раньше не видела в глазах ни одной женщины. Луиза была так счастлива и благодарна за рождение здоровой дочки, как могла быть лишь та, кто заглянула в глубины жизни. Она все время целовала свою черноволосую девочку.

Для Сарасвати тоже все изменилось с рождением Ни Лу. Семья, которая раньше часто ссорилась, вдруг сплотилась благодаря заботе о больном ребенке. Как по волшебству. Как будто малышка принесла с собой в мир нечто такое, что чудесным образом сделало их жизнь лучше.

Десять лет Сарасвати сама носила амулет, пока полностью не убедилась в своих предположениях: Ни Лу – единственная в семье черноволосых, чьи локоны цвета корицы. Даже цветом и чертами лица она больше напоминает женщину, которая лежала рядом с ней в послеродовой палате, чем ее саму.

Любовь не может просто раствориться. Любовь к Ни Лу была безграничной. Она была их дочерью, а все остальное не имело значения, даже если бы Сарасвати знала правду. Так, она надела амулет на шею Ни Лу, которой тогда было десять, и сказала:

– Он твой. До тех пор, пока не придет время им воспользоваться.

Глава 61

Они жили в доме на сваях в деревне, находившейся в лагуне. Здесь не было дорог, только бесчисленные водные пути. Вдоль берега тянулся тропический лес, отделенный от ярко-бирюзовой кристально чистой воды лишь узкой прибрежной полосой с мелким, как пудра, песком.

Залив освещал перламутровый свет. Босые ноги проваливались в теплый влажный песок. Их омывали набегающие волны. Ни Лу

смотрела на море. Сверкая, оно лежало во всей своей красе. Маленькая черная точка вдалеке медленно приближалась к берегу, становясь все больше, пока Ни Лу не смогла различить силуэты Нояна и Ярона, своих братьев, и совсем маленькую фигуру позади – своего отца, Пранава, который управлял лодкой. Заметив Ни Лу, все трое замахали руками.

С весны по осень мужчины каждый день выходили в море. Ветви мангровых деревьев с зеленым кронами скрывали их, пока лодка не проскальзывала сквозь высокую траву прямо в открытое море. Большие белые цапли взлетали, образуя в прозрачном воздухе тянущуюся по небу ленту из белых перьев. Временами над ними пролетали альбатросы. Их распростертые крылья напоминали широкие защитные щиты. Через сорок, пятьдесят или даже только шестьдесят миль мужчины бросали якорь. Затем Ноян и Ярон наконец прыгали в воду с обвязанным вокруг живота грузом, и, зажав нос зажимом, опускались на дно, на глубину от семи до двенадцати метров.

Там, в синеве океана, они ежедневно добывали одно из красивейших сокровищ моря: жемчуг. Они опоясывались сетями и заполняли сети устрицами до тех пор, пока не кончалось дыхание. Затем тянули за веревку, и отец поднимал братьев вверх. На поверхности они сбрасывали устриц в лодку, дышали, делая длинные глубокие вдохи, и снова погружались в бесконечную синеву. Каждый из них совершал до сорока погружений в день.

Драгоценный камень, который не нуждается в обработке: жемчуг. Мерцающее сокровище моря, уникальное в своем роде. В подводных садах всего мира не существует ни одной жемчужины, похожей на другую, образовавшуюся в одной раковине с первой.

Для семьи Ни Лу одна-единственная жемчужина была целым состоянием. Они торговали натуральным жемчугом из поколения в поколение. Уже с юных лет братья пошли по стопам отца и стали ловцами жемчуга.

Они проводили на берегу и в море целый день. Возвращались только вечером, с драгоценным уловом, высыпали раковины в одну из множества корзин, стоявших рядом с домом. Поскольку вскрытие устриц требовало много времени и сил, это занятие они тоже

предоставляли природе. Через несколько дней мясо внутри устриц сгнивало, и они раскрывались сами. Затем Сарасвати и Ни Лу ловкими пальцами перебирали гнилые вонючие раковины в поисках жемчуга. К едкому запаху они давно привыкли. Матери Ни Лу, Сарасвати, процесс напоминал саму жизнь: если хочешь найти сокровище, придется идти неудобными путями. Но в самый последний момент, когда кончики пальцев нащупывали жемчужину, все остальное забывалось. Тогда на ладонях лежало оно, маленькое чудо, притягивающее к себе весь свет неба, сияющее, словно солнышко. Здесь, в их руках, жемчуг начинал свое путешествие по миру.

– Удивительно, правда? – говорила Сарасвати дочери. – Сами устрицы настолько малоподвижны, что всю жизнь не двигаются с места, а шедевр, который зреет в них, странствует по всему земному шару.

Идеальный жемчуг женщины складывали в деревянную шкатулку, а с неровных блеклых жемчужин они аккуратно счищали слой за слоем с помощью специального инструмента, пока те не становились круглыми, сверкающими и совершенными. Это требовало особенно тонкого чутья. Если при снятии слоя приложить слишком большую силу, жемчужина, идеальная, за исключением небольшого дефекта, может рассыпаться в пыль.

С раннего возраста – еще девочкой – Ни Лу была очарована жемчугом. Сарасвати называла ее жемчужинкой, сколько она себя помнила. И когда Ни Лу впервые спросила мать, почему та ее так называет, Сарасвати ответила:

– Потому что ты такая же, как жемчужина. Редкая, уникальная – чудо природы. В твоих глазах я вижу небо и море.

– Знаешь, – объясняла ей Сарасвати много лет спустя, – на самом деле жемчужина – это болезнь устрицы.

– Как такая драгоценная вещь может быть болезнью? – удивилась Ни Лу.

– Промежутки между органами устрицы заполнены рыхлой соединительной тканью, мясистой кожей, развивающей створки для защиты снаружи – раковину. Раковина – это ни что иное, как секрет рыхлой соединительной ткани. Перламутр. Снаружи раковина не

блестит лишь потому, что в море на ней образуются отложения, однако внутри она переливается тончайшими перламутровыми оттенками. Когда мелкие живые организмы проникают в пространство между соединительной тканью и раковиной устрицы, эта ткань их обволакивает. И по мере поглощения паразита образует вокруг захватчика один слой перламутра за другим – так появляется жемчужина.

– Жемчужина получается из паразита?

– Именно. И поэтому не во всех устрицах образуется жемчуг, а только в тех, чье нормальное развитие нарушено захватчиком. Почти как в жизни. Настоящие сокровища мы создаем благодаря своим способностям только тогда, когда нам бросают вызов. Так, маленькие препятствия в жизни могут привести к большим свершениям. Жемчуг в некоторой степени похож на душу. Он слой за слоем растет и зреет в устрице, как душа в теле. Иногда образуется дефектный слой, лишаящий жемчужину блеска и красоты, точно так же, как горечь обволакивает душу в темные времена, лишая ее сияния, до тех пор, пока нам не удастся избавиться от этой горечи.

Хотела бы Ни Лу хоть раз в жизни нырнуть со своими братьями за жемчугом, но больные легкие не позволяли ей осуществить заветное желание.

– В следующей жизни, со здоровыми легкими, – всегда говорил отец, проводя рукой по ее волосам.

Все понимали: жизнь Ни Лу будет короче, чем обычно, однако по девушке нельзя было сказать, что она знает об этом. Она чем-то напоминала стрекозу, которая в трудные минуты ненадолго цепляется за травинку, чтобы тут же вспорхнуть и расправить мерцающие крылья. С первого же слабого вздоха ею овладело одно желание: по-настоящему жить.

Глава 62

Ни Лу была изящной стройной девушкой высокого роста. В ее осанке и в том, как она двигалась, было столько элегантности, что каждый, кто ее видел, оборачивался, желая проникнуть в окружающую ее тайну. Тот, кто разговаривал с ней, становился жертвой ее красоты.

Если Флорентина была красивой и сильной с самого начала, то с Ни Лу происходило что-то мистическое. Все приходило постепенно: сила, красота, элегантность. Только когда она стала девушкой, в ней раскрылись ее свет, сияние и грация. Она пользовалась успехом у мужчин, однако до сих пор ни один из них не коснулся души Ни Лу.

Несмотря на то, что семья Ни Лу жила в скромных условиях, они казались богаче, потому что каждый умел придать блеск любому простому событию.

Добравшись до деревни в лагуне, Антуан начал искать среди множества лиц одно, которое сразу узнал бы: лицо Ни Лу.

С почти хирургической точностью Антуан мысленно готовился к встрече. Тщательно обдумывал, что он ей скажет и как. Размышлял о том, как она может отреагировать на его новость. Спрашивал себя, что она скажет, когда узнает свою историю.

Она сказала немного. Лишь посмотрела на Антуана со спокойным удивлением. В ее глазах он увидел, как она пытается, но не может понять.

Удары судьбы, перенесенные в раннем детстве, дали ему достаточное представление о жизненных обстоятельствах. Он начал рассказ с деликатностью человека, которому еще в юном возрасте пришлось узнать, что такое боль. Ни Лу сидела на песке перед домом родителей. Она счищала с жемчуга один дефектный слой за другим, пока это чудо не становилось идеальным и не начинало превращать солнечный свет в радужное сияние.

Увидев его вдалеке, она на мгновение отвлеклась, но затем снова опустила взгляд и продолжила работу. На ее лице проступил легкий румянец. Все вокруг них пронизывала наполняющая тишина. Шумело только море, волны которого бились о причалы на берегу.

Через некоторое время она снова перевела взгляд с жемчужин на Антуана и спросила:

– Почему ты так пристально на меня смотришь? С моим лицом что-то не так?

Это были те самые глаза, те умные глаза, которые оставались в памяти Антуана с момента их первой встречи тогда, в больнице, и которые так его тронули, что ему потребовалась бы целая жизнь, чтобы снова их забыть. Ему будто отворились врата, открывшие мир, в который он однажды ненадолго вошел, но тут же покинул.

Антуан, в котором еще оставалась юношеская застенчивость, смущенно ответил:

– Извини, что так внезапно, но у меня кое-что для тебя есть. – Он протянул ей красную лакированную шкатулку. – Предназначенная тебе история.

Было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что она создана для него. Антуан был поражен красотой Ни Лу. На этот раз он не потеряет ее из виду. На этот раз нет. Она снова подняла голову, устремив на него добрый и внимательный взгляд. Посмотрела на него серыми глазами, сверкающими из-под густых черных ресниц. Амулет с пером на шее. Выразительные ямочки на щеках, изгиб губ. Все это выглядело так изящно. Свет в глазах, который, как полагал Антуан, не потушит никто и ничто, волосы, блестящие на солнце. Антуан не мог отвести от нее взгляда. В уголках его губ мелькнула неуверенная улыбка, на которую Ни Лу ответила взаимностью.

Она увидела это в его глазах. Она твердо верила, что у каждой жизни есть свой план, своя магия, которая следует своему ритму, своей скорости. И что повлиять на эту скорость мы можем только благодаря своей зрелости, и ничему больше.

Ни Лу открыла деревянную шкатулку. Вынула из нее бумаги. Развернула их. И у нее в руках оказалась тайна темного зимнего утра в родильном доме.

Антуан рассказал. О доме в огне. Об умирающих детях и отчаявшихся родителях. Об идее, ставшей роковой. О подмене детей и ее последствиях. О сломанных крыльях. О перьях, упавших на землю. О бенгальском фикусе, не выдержавшем грозы. И о большом открытии.

Этот рассказ и то, что было написано на этих бумагах, было настолько невероятным и значимым, что Ни Лу сначала показалось,

что все вокруг нее рушится. В результате подмены Флорентина стала Ни Лу, а Ни Лу – Флорентиной. Смысл этих простых черных букв вызвал в ней столько мыслей, столько противоречивых чувств, что сначала у нее задрожали губы, а потом и все тело.

Антуан сел к ней на песок. Нежно погладил по плечу. Наконец протянул руку. И когда Ни Лу вложила в нее свою, она почувствовала ту же силу, что и тогда, в больнице. Его силу, тепло, струящееся по венам. Крепкую руку, благодаря которой она выжила.

По ее взгляду Антуан видел, как она вспоминает моменты, проведенные с родителями. Когда ей было четыре, девять, двенадцать, пятнадцать. С родителями, которые не были ее родителями.

Одно-единственное решение нарушило весь порядок мира.

– Получается, я – на самом деле она. А она – на самом деле я, – произнесла Ни Лу. – В одно мгновение можно потерять все. Свое происхождение, собственное «я», мать, отца.

– Но в одно мгновение можно и все приобрести, – возразил Антуан. – Одна история способна стать картой нашей жизни. И не только нашей, но и многих других людей.

– Кто бы мог подумать, что перейти из одной жизни в другую так просто. Только что я была Ни Лу, а теперь – Флорентина, – сказала она. И в тишине начала размышлять о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы она выросла с биологическими родителями.

– Возможно, неправильная жизнь нужна нам, чтобы найти правильную, – ответил Антуан.

В это мгновение, которое Ни Лу никогда не забудет, в ней произошло нечто необычное. Это было начало отречения от нынешнего «я» и первый шаг в новое, таинственное, еще совершенно неизвестное. Новая жизнь, которая еще не началась и которую она еще не могла себе представить, но все же предчувствовала. Жизнь, которая была уготована ей судьбой. Это сбивало с толку и в то же время захватывало.

Антуан привнес в жизнь Ни Лу полноту мира. Власть отчаяния. Значение лжи. Масштаб последствий неверного решения. Разные версии возможной жизни. Необходимость прощения.

Пусть и неуверенно, но Ни Лу чувствовала, что все происходит именно так, как должно. Она могла, нет, должна была встать на новый путь. Потому что ей нужно было узнать свои корни. Чтобы у нее выросли крылья. Это было так легко. Но все же так сложно.

Они смотрели друг на друга. Антуан не только подарил ей истинную личность. В его глазах она читала то, чего раньше не могла прочесть ни в одних других: он был ее, а она – его. Это был он. Ее недостающая половинка. Они подходят друг другу и будут вместе. Навсегда или только на ближайший период жизни, она понять не могла. Но это и не имело значения. Значение имело лишь чувство завершенности, испытанное впервые в жизни.

Солнце уже утонуло за горизонтом, но его свет, который после захода еще некоторое время остается в атмосфере, освещал залив, заставляя каждую травинку, листик и цветок сиять, словно свет исходит из сердца самого растения. В воздухе витал запах влажного песка, камней, деревьев и трав. Сильный, но не тяжелый аромат, состоявший словно из тончайших слоев, которые только после ливня соединяются в неповторимое, а потом снова отделяются друг от друга. Ветер водил рябь по воде, и пологие волны ударялись о камни на берегу. Смеркалось. Из темноты четко выступали очертания мангров, плюмерий и свайных построек.

Длинными тонкими пальцами Ни Лу все еще держала пожелтевшие листья, которые начали трепетать на ветерке.

От Сарасвати она научилась воспринимать любые повороты жизни как что-то, что делает ее собственную историю более глубокой и полной, что таит в себе смысл, даже если на первый взгляд кажется трагедией.

Она научилась воспринимать события жизни как факты, не оценивая их. В любом случае мы никогда не знаем, действительно ли то, что с нами случилось, было несчастьем или благом. Мы видим свою жизнь лишь фрагментами. Целиком – никогда. Никогда не можем предугадать, что из чего получится. Единственное, что мы знаем, – пути неисповедимы, и, если одна дверь для нас закрывается, откроется другая.

Антуан был впечатлен девушкой, которая настолько по-взрослому приняла свое положение. Которая настолько осознанно обходится со своей судьбой и убеждена, что счастье, как и несчастье, найдет приют в каждом человеке, который ему этот приют создаст.

Антуан впервые встретил душу, которую искал столько лет.

Ни Лу не удивили ее чувства к нему. Как будто она доверяла им всю жизнь, чтобы они с Антуаном встретились, нашли друг друга, пусть и из-за чьего-то вмешательства в их прежнюю судьбу. Или благодаря ему? Или потому, что Вселенная постоянно перестраивает нашу жизнь так, чтобы она имела для нас правильный исход?

Как бы там ни было, все обрело смысл.

Глава 63

Ноян и Ярон сразу увидели Антуана, когда шли от лодки к дому с сетями, полными устриц. Они узнали молодого хирурга, который спас Ни Лу несколькими неделями ранее во время тяжелого приступа в легких, и теперь одного взгляда на лица братьев, светящиеся от счастья, было достаточно, чтобы понять, что иначе и быть не могло. Еще тогда, в больнице, молодой врач им сразу понравился. Им пришлось по душе его деликатность и такт в обращении с больными, как с близкими, как и то, что он был одним из тех, кто видит больше, чем кажется на первый взгляд. И поскольку они очень любили свою сестру, лучшего для нее они и желать не могли.

Чего Ярон и Ноян еще не знали, так это того, что Антуан пришел не только по этой причине, и что его приход изменит все.

Пранав, утомленный многочасовым пребыванием в море под палящим солнцем, наслаждался своей ежевечерней традицией: чистил корпус лодки от водорослей, глядя вдаль за пределы моря. Когда чуть позже он вошел в дом, сыновья уже сидели на веранде с Ни Лу и гостем и рассказывали о великолепном дневном улове.

Только когда Сарасвати, которая весь день пыталась продать на рынке жемчуг, вышла к ним, поприветствовала гостя и села к семье, Ни Лу достала красную лакированную шкатулку, открыла ее. Вынула свидетельства о рождении и молча протянула документы матери.

Сарасвати хватило одного взгляда на них, чтобы побледнеть. Она выглядела почти прозрачной, когда передавала бумаги мужу. Между тем стало совсем тихо. Все молчали. Слышалось лишь глубокое дыхание Сарасвати и шум моря вдалеке.

Ноян и Ярон, прищурившись, наблюдали, как два несшитых листа переходят из рук в руки, меняя атмосферу.

Бросив взгляд на пожелтевшие бумаги, Пранав уронил их себе на колени. На мгновение он вцепился руками в подлокотники стула, словно боясь с него упасть. Затем поднял голову и попал под перекрестный огонь взглядов.

Редкие волосы Пранава напоминали волокна кокоса, а щетина – иголки ежа. Его улыбка обнажала широко расставленные зубы. Это был жилистый мужчина жизнерадостного и веселого нрава. Повседневные заботы тонули в море уверенности, которую он в себе нес. В его глазах был особый блеск, особый свет, который можно найти только в людях, находящихся в согласии с собой и довольных жизнью. Он гордился сыновьями, Яроном и Нояном, и любил дочь, Ни Лу, хотя, как и Сарасвати, в какой-то момент тоже заподозрил, что она не их родной ребенок. Кожа цвета слоновой кости, волосы цвета корицы, и то и другое – слишком светлое, чтобы она могла быть дочерью двух смуглых черноволосых людей.

До этого дня они оба не могли найти объяснения тому, как и почему на следующее утро после родов на руки Сарасвати положили Ни Лу. И, поскольку подозрение впервые пробудилось в них тогда, когда девочке было уже два года и она всем полюбилась, они отмахнулись от него и запретили себе размышлять над этим дальше. Что еще им было делать? Такова жизнь. Ничто не могло изменить их положение. Они были на Западе, встречались с торговцами жемчугом, когда Ни Лу – точнее, Флорентина, выросшая с Жюлем и Луизой – неожиданно родилась на четыре недели раньше срока. Так с чего они должны были начать поиски два года спустя? И для чего?

Молчаливое согласие Пранава и Сарасвати не говорить о своих предположениях объединило их так же, как и благодарность за дары Вселенной. Как они могли изменить то, чего уже не изменить?

Души, которые должны найти друг друга в жизни, находят друг друга. Часто задолго до того, как встречаются их тела. Даже на больших расстояниях. В этом они были уверены.

Пранав смотрел на свои грубые, мозолистые от работы руки, в трещины которых грязь проникла уже настолько глубоко, что ее невозможно было смыть. В любую погоду он носил одни и те же брюки оливкового цвета, болтающиеся на ногах. Его кудрявые волосы цвета сажи, которые уже начали редеть, торчали вокруг головы во все стороны. Голос, который всегда звучал немного сухо, едва пробивался сквозь губы.

Внезапно в тишине он сказал:

– Вы все – наши дети. Нам с мамой повезло. В нашей семье вырос еще один ребенок. Два чудесных сына. Две чудные дочери. И, если мое сердце не ошибается, у нас появится еще один сын в придачу. – Он подмигнул Антуану. – Что еще человек может получить от жизни и оставить после себя, если не такое чудо? Да, детей. Жизнь во всех отношениях похожа на море. Нам никогда не открывается ее истинная глубина, сколько бы раз мы ни забрасывали невод. Даже когда нам кажется, что мы знаем все, что она в себе таит, мы до самого конца удивляемся сокровищам, о которых раньше и не подозревали.

Сарасвати сжала его руку. Ни Лу и Антуан тоже держались за руки и улыбались друг другу. Только Ноян и Ярон не понимали, что происходит. Наконец Пранав протянул им свидетельства и сказал:

– Думаю, наш гость, который, похоже, пришел не только ради красавицы Ни Лу, объяснит все лучше.

Пока взгляд Ярона и Нояна был прикован к документам, и они, хмурясь и поднимая брови, впитывали каждое слово, Антуан рассказывал историю.

Сарасвати, впечатляюще сильная женщина, которая принимала жизнь такой, какая она есть, после того, как Антуан закончил, спокойно и без злобы сказала:

– Всем нам свойственно принимать ошибочные решения, когда наше положение сдавливают нам горло. Любой, кто присмотрится, может догадаться о причинах, побудивших другого человека поступить так, как он поступил. Однако кто может быть уверен, что не поступил

бы так же, окажись на месте этого человека? Я не чувствую, что меня обманом лишили собственной дочери, я чувствую, что мне подарили вторую. И мне не терпится отправиться с Ни Лу в путешествие к Флорентине и Луизе.

– А как же мы? – спросил Ярон.

– Это дело матерей и дочерей. – Она подмигнула Ни Лу. – Я уверена, что Флорентина и Луиза интересуются вами так же, как и мы все интересуемся ими. Но это уже второй шаг.

– Как вы только можете оставаться такими спокойными, вы с папой? – наконец спросил Ноян.

– Мы все подобны листьям одного дерева. Ветер уносит нас далеко друг от друга в разные уголки мира. И все же мы навсегда остаемся связанными, – начала Сарасвати. – Мы никогда не знаем, хорошо ли с нами обходится жизнь здесь и сейчас, а узнаем это только много лет спустя. Порой удар судьбы сначала ощущается неприятно, а потом оборачивается удачей. Жизнь принимает самые неожиданные повороты. И я не вижу причин, почему две чудесные дочери должны быть хуже, чем одна.

Глава 64

Тесно обнявшись, Шарлотта и Жюль лежали среди озаренных полной луной трав и цветов. Они не спали всю ночь, пока над рисовыми полями, лежащими на востоке, не забрезжил первый свет.

Шарлотта считала, что в ее возрасте большинство вещей уже сказано, пережито. Она считала, что, как только человеку переваливает за сорок, его уже ничто не может удивить. Остается только опыт, лишаящий последних иллюзий.

Но теперь, встретив одного-единственного человека, она вернулась. Она наконец-то добралась до точки, когда жизнь удивляет, делает свои чудеса доступными.

«Иногда желания всей нашей жизни исполняются за считанные часы», – думала Шарлотта. Это правда: каждый период жизни, как и каждое время года, обладает своим ароматом. Своими тайнами. Своими чудесами.

Жюль посмотрел на Шарлотту сияющими глазами, нежно провел пальцами по ее щеке и поцеловал.

На пути Антуана к дому, который пролегал между деревьями и кустами, безмолвно рассказывающими ему свои истории, было тихо. Вдоль него спокойно текла изумрудно-зеленая река. Тут и там поднимались пузырьки, а в некоторых местах, где она была совсем тихой, поверхность воды покрывали бесчисленные лепестки. В руке Антуан держал семечко Марлен, которое уже начало прорастать. Над Антуаном парили птицы. Он был счастлив.

Весна наполняла все дымчато-желтым утренним светом и чарующими ароматами. Серебристые снизу, оливковые сверху листья переливались.

Во время своего путешествия Антуан по-новому взглянул на мир. Он простил. И понял, что гнев и злоба возникают не из-за знания, а из-за его отсутствия, что они – ни что иное, как отказ понимать. Что горечь только разъедает сердце. Что важно прощать, не только потому, что мы в долгу перед другими, а прежде всего потому, что мы в долгу перед собой. Что у каждого есть мотивы для поступков. Что всеми нами движут причины. Что наша жизнь станет осмысленной, а мы сами – не просто фоном только тогда, когда перестанем обвинять в своих бедах других. Что настоящая жизнь найдет нас, каждого из нас. Что ее удары, какими бы жестокими они ни были, не избавляют нас от необходимости через некоторое время снова брать ее в свои руки. Что несчастье омрачает прошлое и отягощает настоящее. Что мы никогда не должны позволять ему лишать нас и будущего. Что иногда удары судьбы необходимы нам, чтобы наша оболочка треснула и ядро соприкоснулось с реальной жизнью. Что страдание придает мгновению глубины, а смерть – наделяет время ценностью. И что одна из самых трудных, но важных вещей – найти постоянство в непостоянстве жизни.

Деревья редели. Перед Антуаном простирались ярко-зеленые рисовые террасы. Кое-где над полями возвышались первые деревянные дома на сваях. За окнами мерцали масляные лампы.

Антуан вошел в сад. Когда он увидел Жюля и Шарлотту, лежащих там, он вдруг понял, кто на самом деле его новый друг.

– Это ты? – спросил Антуан, когда Жюль открыл веки и увидел его.

Жюль высвободился из объятий Шарлотты, поспешно поднялся и провел рукой по кудрявым серебристым волосам.

– Да, Антуан, это я. Извини, пожалуйста, что не представился тебе должным образом, но я подумал, что было бы неправильно, если бы...

Тем временем Шарлотта тоже проснулась и с удивлением посмотрела на мужчин.

– Вы знакомы?

– Да, – выпалил Жюль.

– Немного, – сказал Антуан.

Они ответили одновременно.

Жюль, стараясь уловить нить потерянной мысли, смущенно потер лоб.

– Иди сюда, – сказала Шарлотта. – Дай тебя обнять.

Антуан присел рядом с ней на корточки и поцеловал в лоб.

– Все в порядке, Жюль. Я тебя не виню. Не переживай. Теперь я лучше понимаю и тебя, Шарлотта. Человек, о котором ты все время говорила, это Жюль, мужчина из родильного дома, из-за которого ты двадцать лет отвергала многочисленных ухажеров. – Он ухмыльнулся.

– Это правда? – спросил Жюль.

Шарлотта улыбнулась.

– Антуан, расскажи нам, как прошло твое путешествие?

И Антуан рассказал. Он рассказал о Марлен. О том, как гнев уступил место любви. О смерти матери, которая означает всего лишь путешествие в другое место. О прорастающем семечке в кармане брюк, которое он посадит под плюмерией в саду. Он рассказал о Ни Лу, своей второй половинке, своем двойнике. И о восхищении двумя женщинами и тремя мужчинами, которые принимают жизнь такой, какая она есть, ни в чем не сомневаются, а просто верят, что все происходит так, как должно.

Глава 65

Долгое время ее иссушали жажда жизни и голод любви. Упреки против Жюля в глазах Луизы, которые она скрывала, были для всех очевидны.

Между тем она поняла, что мы слишком легко воспламеняется гневом и ненавистью из-за ошибок других и забываем, что тоже всего

лишь люди. Неидеальные. Что важно не озлобляться, когда мы сталкиваемся с несправедливостью, потому что озлобленное сердце не может ни дарить любовь, ни познавать ее.

Так кому судить о том, кто прав? Мы не знаем жизни других. Не знаем мотивов, которые ими движут. Неправильно воспринятые действия вдруг становятся понятны, когда один оказывается на месте другого. «Поэтому, – думала она, – нам всем следует быть более осторожными с поспешными суждениями».

Она простила. И с прощением к ней вернулась легкость. Она могла делать все. Рисковать всем. Стать всем. Луиза начала с того, с чего в какой-то момент начинают все люди, которые берут жизнь в свои руки: она начала посыпать свой жизненный путь лепестками чувств.

За этим последовали мгновения маленьких и больших чудес.

Постепенно она выкопала давно похороненные мечты и вдохнула в них жизнь.

Путешествие из традиционного мира Востока в современный мир Запада, длившееся несколько дней, было долгим и утомительным. Бесконечная панорама постоянно сменяющихся изображений. От бесчисленных впечатлений Сарасвати и Ни Лу устали до изнеможения.

Поезд мчался по мерцающим зеленым пейзажам, взбирался по крутым склонам, скользил по перевалам, сползал с вершин гор вдоль черных скал, влажно блестящих от влаги скрытых источников, пересекал виадук, протянувшийся над бушующими горными водами, несся по низине мимо пологих холмов, плавившихся под лучами солнца. Затем была переправа на корабле, бесчисленные лампочки которого превращали палубу в единое море света. Сарасвати и Ни Лу плыли по бескрайним просторам океана. Они нырнули в западное небо и покинули корабль чужаками в новом мире. У обеих прежде не было опыта, подобного этому. После еще одной многочасовой поездки на поезде и пешей прогулки они наконец добрались до виллы, где жила Луиза с дочерью.

Они постучали в дверь. Две женщины, которые были частью жизни Луизы и Флорентины, оказались лицом к лицу. Четыре

женщины, в чьих улыбках была безмерная нежность. Матери обменялись понимающим взглядом.

Луиза сразу ее увидела. В лице Ни Лу. В глазах Ни Лу. Она увидела в ней всю свою жизнь. Ни Лу была ее дочерью, сомнений нет, такой же дочерью, как и Флорентина. Дочерью, которую она обрела спустя долгое время после того, как перестала на это надеяться.

Тыльной стороной кисти Луиза вытерла слезы с уголков глаз и обняла всех троих.

Они действительно существуют: необъяснимые моменты, которые меняют все в одно мгновение и превращают пустую жизнь в полную. И это был один из них.

А еще существует сила, которую не разрушают ни годы, ни расстояния, ни вмешательство чьих-то рук. Которая сводит тех, кто подходит друг другу.

Четыре женщины, знающие, что их жизни связаны. Судьба подарила им больше, чем отняла. Выигрыш оказался больше, чем проигрыш, потому что жизнь заботилась о них. Потому она заботится обо всех нас, пусть мы порой этого и не замечаем.

Ведь весна всегда возвращается.

Глава 66

Четыре недели Жюль, Шарлотта и Антуан жили вместе, как одна небольшая семья. Для Антуана Жюль был отцом, которого у него никогда не было, но о котором он всегда мечтал. Для Шарлотты он был мужчиной, которого она всегда ждала. Они жили в гармонии с собой и миром.

Однако однажды днем, в пятницу, к ним в дверь постучали. Антуан ждал возвращения Ни Лу. Они слишком долго находились в разлуке, да и Жюль был в предвкушении того, что наконец-то сможет обнять своего родного ребенка. Но вместо этого пришел почтальон с сообщением от Луизы и Сарасвати из-за тысячи километров, с другого конца света.

Речь шла о Ни Лу. Она была больна. Смертельно больна. Еще один приступ, вероятно, последний. Часть ее легких, которая еще

функционировала, была размером с крылышки стрекозы.

Антуан, Шарлотта и Жюль сидели в поезде в нетерпении. Через окно Антуан наблюдал, как работники маневровой бригады на противоположном пути расцепляют вагоны, устанавливая под колеса некоторых противооткатные упоры, и один из вагонных мастеров наконец подошел к их пути и обошел перрон, останавливаясь у каждого колеса и ударяя по нему длинным легким молотком. Когда звук был нечетким, он бил по нему еще раз, чтобы убедиться, что колесо не ослабло и колесная пара цела. Повсюду грохотали тележки с нагроможденным багажом. Наконец поезд тронулся.

За многочасовой поездкой последовала переправа на корабле. Они провели в дороге несколько дней. Оставался последний отрезок пути – снова по железной дороге. Мимо них проносились луга. Луга, по которым текли ручьи. Луга, покрытые фиолетовыми пятнышками, наполненные ароматом лаванды.

Теперь в одной руке Жюль держал письмо, которое перечитывал снова и снова, будто это что-то меняло в состоянии Ни Лу, а в другой – руку Шарлотты. Антуан так и смотрел в окно на улицу. Будет ли она еще жива, когда они приедут?

Больница находилась среди покрытых росой полей и цветов, на холме, недалеко от виллы Жюля и Луизы. Приятный вид снаружи был обманчив в противоположность тому, что находилось внутри. Повсюду царил прозаическое страдание, просачивалось сквозь палаты больницы, словно вода сквозь пористую породу. И среди всего этого – Ни Лу. Среди всех этих больных. Среди всех этих умирающих.

Когда Жюль впервые увидел ее, лежащую там, похожую на цветок, он почувствовал, как его тело наполняется страхом, как страх гнездится в его груди. Ее жизнь висела на волоске от смерти. Его нервы были натянуты до предела. Ее кожа стала прозрачной, как это часто бывает в больницах. Его – побледнела.

Флорентина сидела на краю кровати рядом со спящей больной, когда вошел Жюль. Антуан и Шарлотта остались с Луизой и Сарасвати в коридоре, чтобы он мог провести время со своими дочерьми.

Жюль подошел к девушкам. Флорентина встала и крепко его обняла. Они долго так стояли, пока Ни Лу не подняла веки:

– Жюль? Это ты, Жюль? Мой отец? – Ее голос был всего лишь шепотом.

Флорентина снова села на кровать. Жюль осторожно наклонился над больной, погладил ее обеими руками по щекам и сказал:

– Ни Лу! Дочка! – На его глаза навернулись слезы. – Я был плохим отцом для вас обеих. – Затем силы покинули его. Удрученный, он опустился на край кровати напротив Флорентины. – Боюсь, теперь уже поздно все исправлять.

– Никогда не бывает поздно, – улыbnулась Флорентина и протянула ему руку.

Тем временем Ни Лу задалась вопросом, правда ли то, что только что сказала Флорентина. Действительно ли никогда не бывает поздно? И действительно ли она тоже смогла его простить? Но ей не пришлось раздумывать долго: она знала, как будто это само собой разумеется. Да, она смогла простить его. Своего отца. Потому что смогла понять. А понять все – значит простить все. Сарасвати не раз ей это доказывала.

– Простите за то, что я вам сделал. Простите, что лишил вас настоящих родителей.

– У нас были родители. Родители, которые были хорошими для нас во всех отношениях, – сказала Ни Лу тихим измученным голосом, глядя на Флорентину, которая одобрительно кивнула. – Не биология определяет родственные связи, а любовь.

Флорентина погладила Жюля по спине.

– Все хорошо, папа. Все хорошо. Мы справимся.

Жюль, который не мог отвести взгляда от лежащей с почти прозрачной кожей Ни Лу, покачал головой. Как сильно он сожалел о том, что после рождения оттолкнул от себя этого ребенка. А теперь этот ребенок умрет.

Теперь, когда Жюль наконец-то нашел единственную любовь, любовь предназначенной ему женщины, он потеряет одну из дочерей. Что же будет? Будущее вдруг стало таким важным словом. Важной мечтой.

– Я люблю тебя, – сказала Ни Лу в безмолвной тишине.

– Но как ты можешь? – спросил Жюль. – Все эти годы меня не было рядом, хотя ты нуждалась во мне.

– У меня все было хорошо. С Сарасвати и Пранавом. И с братьями.

– Я люблю вас. Вас обеих, – сказал Жюль дочерям.

Снова стало тихо. Жюль задался вопросом, почему в мире так много страданий. Почему в нем происходят такие ужасные вещи. Ежедневно мы все ищем смысл, и если он иногда хоть немного нам открывается, мы тут же вновь его теряем.

Что он мог сделать, чтобы помочь Ни Лу? Жюль потряс головой, словно пытаясь разогнать спутанные мысли и выстроить их в четкую линию.

И вдруг появилась она. Идея. Мысль. Он извлек ее откуда-то из дальнего уголка мозга. И принял решение: он наконец-то подарит Ни Лу жизнь, которую она заслуживает.

Флорентина посмотрела на него, в его печальные потерянные глаза. В одночасье она поняла, что он собирается сделать. Жюль погладил ее по щеке. Ей стало так хорошо от этого теплого отцовского прикосновения. Затем он встал, поцеловал каждую девушку в лоб и ушел. Флорентина поняла, что в последний раз видит его живым.

Когда он закрыл за собой дверь палаты Ни Лу, Шарлотта ждала его снаружи с распростертыми объятиями. Она пыталась вселить в него надежду и поддержать, однако в эти дни ей пришлось понять, что искусство заключается не только в том, чтобы обрести душевный покой, но и в том, чтобы сохранить его в контакте с реальностью.

Глава 67

– Умоляю тебя, Антуан. Ты должен ей помочь, – сказал Жюль, когда мужчины остались одни на крыльце больницы.

– Как бы я хотел это сделать, спасти ее. Но это практически невозможно. – Его глаза были влажными.

– Почти невозможно и невозможно – это не одно и то же. Если врачи здесь, на Западе, пересаживают легкие, то и ты можешь.

– Жюль, я никогда раньше не проводил пересадку. К тому же тут нет легкого, которое мы могли бы пересадить Ни Лу. Больницы ведут списки. Длинные списки. Многие люди ждут появления нового органа годами. Но если донора нет, то и реципиентам рассчитывать не на что.

– Донор есть.

Некоторое время мужчины пристально смотрели друг на друга.

– Нет, Жюль. Ты не можешь этого сделать.

– Судьба дарует мне возможность поступить иначе.

Антуан покачал головой.

– Начав бежать сквозь огонь, нельзя останавливаться, – произнес Жюль.

– Это безумие!

– Думай о новом начале. Ты ведь любишь ее. Ни Лу.

– Как я могу думать о начале, когда все, что у меня впереди, – это конец?

– Конца не существует. Все продолжается.

Жюль обхватил лицо Антуана руками. У парня по щекам побежали слезы.

– Прошу тебя, Антуан, сделай это.

– Я не могу, Жюль.

– Я люблю тебя как собственного сына. – Жюль продолжал держать лицо Антуана, прислонившись лбом к лбу парня. Антуан кивнул. Затем Жюль опустил руки, в последний раз посмотрел на него полным нежности взглядом и ушел. Антуан смотрел ему вслед. Наблюдал, как он сошел по ступенькам веранды, даже не обернувшись, прошел через ворота больницы и спускался по длинной мощеной дорожке в долину, пока не превратился в маленькую черную точку, которая затем исчезла.

Дорога от больницы к его старому дому пролегла вдоль реки, на берегу которой он часто сидел с Флорентиной, когда она была маленькой. В то время они складывали из листьев лодочки и перед тем, как спустить их на воду, тихо загадывали желание.

В некотором смысле желание Флорентины сбылось. Она никогда не могла сдерживать его и громко повторяла снова и снова: она хотела сестру.

«Вселенная не всегда отвечает сразу, – думал Жюль. – И иногда исполняет наши желания иначе, чем мы себе представляем. Но она ничего не забывает. Она никого не забывает».

Глядя на прозрачную и тихую воду, протекающую мимо, Жюль прошептал про себя:

– Чтобы поток жизни продолжил свое естественное течение, все должно измениться.

Глава 68

Вилла, на которой Жюль прожил с Луизой и Флорентиной более двадцати лет, была до краев наполнена тревогой за Ни Лу. Туда приехали все. Даже Пранав, Ярон и Ноян.

На следующее утро Жюль проснулся рано. Он встал, побрился и оделся. Затем снова лег рядом с Шарлоттой, которая еще спала. Он гладил ее по волосам, рассматривая тонкие черты лица. Открыв веки, она посмотрела на него так, как будто может читать его мысли. Жюль взглянул ей в лицо и понял, что ее умные глаза уже все знают. Они вопрошали и умоляли его не делать этого.

Шарлотта и Жюль долго держали друг друга в объятиях, пока он не попрощался с ней долгим глубоким поцелуем и не отправился в больницу к Ни Лу. Все, что он сказал Шарлотте в то утро, имело некую завершенность. Наконец Жюль в последний раз улыбнулся ей и отправился в путь.

Неужели это были последние часы их совместной весны?

С любовью и смертью в сердце он вошел в сад больницы и сел на корточки на еще влажную траву. Из окрестных благоухающих лесов выбирался туман. Жюль вытащил из кармана брюк флакон с ядом. Держа его большим и указательным пальцами против солнца, он посмотрел на сверкающую жидкость, вытащил из флакона пробку, капнул немного содержимого на тыльную сторону кисти и стал наблюдать, как раствор отражает утренний свет. Наконец он поднес флакон к губам и одним глотком выпил яд. Затем лег. Посмотрел вверх, в бесконечную синеву. На небо, полное перелетных птиц, полное прощаний.

Он закрыл глаза и поспешил навстречу ему, сияющему утру, новой стране на другой стороне реки. С музыкой в сердце, тихой, но вездесущей. С осознанием, что было хорошо так, как было. И дыхание мира вобрало в себя его последний вздох.

Утренний свет растекался по полям, словно мед. Пахло влажной травой и сиренью. На ароматных цветах блестела роса.

После ухода Жюля Шарлотта разбудила Антуана с мучительным предчувствием и попросила его пойти с ней в больницу. Он протер глаза ото сна, оделся, и они поспешили из дома. Шарлотта всю дорогу надеялась, что ошибается.

Но она не ошиблась. Они увидели еще издали, как он лежит на траве. Его мертвое тело было усыпано сдуваемыми с деревьев белыми лепестками, словно клочками хлопка, словно снегом. Воздух был наполнен ароматом цветущего вокруг жасмина. Ароматом Шарлотты, который Жюль унес с собой в вечность.

Она наклонилась к нему. Посмотрела на него сквозь пелену слез, застилающую глаза. Погладила по еще теплой щеке.

Антуан взял Жюля за руку и пощупал пульс. Тишина. И только птица пела высоко в кроне дерева.

Какая напряженная жизнь отражалась на лице Жюля. Его тело выдерживало даже самые сильные жизненные бури. Однако последнюю, связанную с предстоящей смертью дочери, Ни Лу, он хотел не выдержать, а предотвратить.

На глаза Антуана навернулись слезы. «Все-таки это конец жизни, – подумал он. – Конец надежды, отчаяния, печали и боли, радости и свершений. Это конец чуда случая и удачи, судьбы и предназначения. Конец одной истории, которая переходит в другую, потому что судьба всегда завершает свое творение».

В руке Жюля была записка. Антуан вытянул ее. И взглянул на написанное. Он пристально смотрел на буквы, выведенные черными чернилами. Держа лист бумаги в руках так, будто тот обжигает ему пальцы:

Дорогой сын Антуан,

прости, что я снова причиняю вам всем такую боль. И прости мне мое последнее желание, которое я адресую тебе. Ты знаешь, о чем я прошу.

Моя жизнь – это жизнь Ни Лу. Все будет хорошо. Я люблю тебя. Я люблю вас всех.

Жюль

– Жюль! – сказала Шарлотта одним дыханием. Ее глаза тонули в слезах. Она взяла записку из рук Антуана и прочла. Посмотрела на

жизнь глазами Жюля. Затем закрыла лицо руками и закричала громким беззвучным криком. Антуан придвинулся к ней ближе и обнял. Дрожа всем телом, она подняла на него полные слез глаза. Он читал по ним каждое ее чувство.

Взгляд Антуана упал на карман пальто Жюля. В нем лежал конверт. Он вытащил его: «*Моим любимым*». Прощальное письмо. Антуан протянул конверт Шарлотте. Она покачала головой. Тогда Антуан сложил его. Один раз. Второй. Затем сунул в карман брюк.

У них не было времени на скорбь. Не сейчас. Тело Жюля нужно было немедленно доставить в больницу.

Глава 69

Смерть Жюля стала для всех шоком. Новостью, в которую было невозможно поверить. Новостью, которая проползла по кровеносному руслу, проникла в сердце каждого и медленно, но непрерывно просачивалась в извилины мозга, однако осознать ее они не могли.

Женщины казались ранимыми и хрупкими, особенно Шарлотта. Силы покинули ее, а пространство внутри наполнилось горем. Снедаемая болью, она смотрела на все тусклыми глазами. Это была неожиданная, но короткая вторая весна с Жюлем. Пылинки счастья исчезли так же быстро, как и появились, и теперь жизнь казалась ей более пустой, чем когда-либо. Нежный бутон любви распустился, расцвел, но его аромат уже улетучился.

Молчание затянулось. Тишина прерывалась лишь шумом времени и звуками скорби. Луиза поддерживала Шарлотту, Сарасвати держала за руку Флорентину, Пранав, Ярон и Ноян, склонив головы, сидели на деревянной скамье в коридоре больницы. Антуан стоял рядом с запиской Жюля в руке, скомканной в крошечный шарик, и его последней волей в сердце.

Флорентина закрыла глаза. Со смертью Жюля она потеряла не только отца, с которым проводила много времени и делилась важными моментами. Она потеряла часть себя. Потеряла целые периоды своей жизни. Тот, кто знал ее лучше всех, ушел, а вместе с ним –

единственный человек, с которым она могла разделить воспоминания о совместно прожитом.

Шарлотта подошла к окну и распахнула его. У нее было ощущение, что в этой больнице ей не хватает воздуха. Она долго смотрела вдаль. Наблюдала, как по небу нитями тянутся облака. Как ветер проносится по лавандовым полям. Слушала, как он поглощает тишину. Смотрела, как собираются и приближаются грозные облака, сверкают первые молнии и гремит гром. Как вдалеке серая завеса ливня надвигается на дома и стремительно несется к ней. В воздухе уже ощущались капли дождя. Через несколько минут он действительно начал падать с неба тонкими струями. Шарлотта смотрела на улицу сквозь завесу из серебряных капель воды, нанизывающихся друг на друга, словно жемчужины на нитку. Прислушивалась, как капает с деревьев и веток. Наблюдала, как в одной капле дождя отражается целая вселенная. И когда гроза прошла, ей в голову пришла одна утешительная мысль: в конце каждого дождя всегда остаются лужи, отражающие небо.

Они решили пока не говорить Ни Лу о смерти Жюля. Она была слишком слаба, чтобы вынести такое известие. Прощальное письмо они тоже договорились прочесть позже. Вместе. Когда для этого настанет подходящий момент.

Время поджимало, ускользало от них.

В неприятной тишине Антуан произнес:

– У Жюля был план. План того, как мы можем спасти жизнь Ни Лу.

Все подняли головы и вопросительно на него посмотрели.

– Пересадка легких. Вот причина его самоубийства. Его жертва. Его искупление.

– Хоть это и было его последним желанием, – ломким голосом перебила Шарлотта, – но ты понимаешь, насколько это опасно? Мы потеряли Жюля и, возможно, потеряем Ни Лу.

– Я не знаю, как пройдет трансплантация, – признал Антуан, – но я знаю, что Ни Лу умрет, если мы ничего не предпримем, что Жюль умер, чтобы мы на это решились, и что у нас мало времени.

– Невероятный человек до последнего удара сердца. Он снова превратил стену в дверь, – прошептала про себя Луиза. – Мы должны через нее пройти.

Повисла тишина.

– Я понимаю твое беспокойство, Шарлотта. Но если это было самым сокровенным желанием Жюля, ради которого он был готов умереть, мы не должны позволять страхам сбивать нас с толку, – сказала Сарасвати. – Во всем есть смысл. Антуан, думаю, тебе нужно провести операцию.

Снова повисла тишина. Были видны лишь взгляды, которыми Шарлотта, Антуан, Луиза и Сарасвати, казалось, вели между собой немой разговор. Они молча обменивались мыслями и вопросами. Безмолвно принимали решение. Придется пойти на риск, и каждый из них знал об этом.

Затем тишину вытеснила суета. Антуан наконец повернулся к Луизе:

– Нам нужен врач, который уже проводил трансплантацию легких. Я мог бы ему ассистировать. Сможешь найти?

Луиза кивнула, взяла пальто и бросилась по коридору.

Она уже стояла у ворот, в которые собиралась постучать, как вдруг нащупала в кармане листок бумаги. Луиза вытащила его и прочла:

Дорогая Луиза,

надеюсь, ты уже на пути к новой жизни и сможешь меня простить. Повсюду есть заколдованные места, которые мы найдем, если просто отправимся им навстречу. Ведь красота мира висит перед нами, словно спелый плод, и ждет, когда мы его сорвем.

Ты чудесная женщина и тому, кому доведется быть с тобой рядом, повезет.

Пожалуйста, прости за то, что тебе порой не хватало тепла. Мне жаль, что я любил тебя не так, как тебе хотелось или было нужно. Но моя любовь всегда была настоящей и искренней. Даже сегодня я все еще люблю тебя, по-своему.

Твой Жюль

Она закрыла глаза. Минуту помедлила. Затем сунула записку обратно в карман, схватила дверной молоток – латунную ручку с

шариком внутри – и ударила им по воротам.

Прошел почти час, прежде чем она вернулась в больницу в сопровождении мужчины. Это был Азис, ее школьный друг. Мужчина, с которым у нее была короткая связь во время замужества и с которым она стала чаще встречаться после того, как Жюль ушел.

Его внешность впечатляла. Он был среднего роста, хорошо сложен и казался энергичным и целеустремленным человеком. Его лицо выглядело дружелюбным, глаза – мягкими. Волею судьбы он был одним из ведущих хирургов-трансплантологов, и хотя у него было больше опыта работы с сердцем, поскольку трансплантация легких только появилась и еще оставалась скорее экспериментальной операцией, выглядел он уверенно. А другого выбора у них не было.

Ни Лу с трудом могла поверить, что для нее совершенно неожиданно нашелся донор, однако множество разнообразных чувств, которые поднялись в ней, вытеснили все вопросы. Ее быстро отвезли в операционную и усыпили наркозом.

Оставалось совсем мало времени, чтобы самоубийство Жюля не оказалось напрасным, а на пересадку обоих легких им потребуется не меньше шести часов.

Азис решил начать с левой стороны. Антуан и Шарлотта ему ассистировали. Он вскрыл грудную полость Ни Лу, сделав боковой разрез скальпелем сначала слева, между пятым и шестым ребрами, вдоль реберной дуги до грудины. А затем, на том же уровне, справа, также до грудины. Наконец он рассек грудину ножницами.

Антуан и Шарлотта раскрыли грудную клетку Ни Лу, словно створки моллюска.

Азис отделил левое больное легкое и удалил его. Затем он извлек левое легкое Жюля. Глаза Шарлотты наполнились слезами. Антуан посмотрел на нее. У нее был глубокий молчаливый взгляд. Азис тоже посмотрел на Шарлотту. Она молча кивнула и закрыла глаза. На мгновение она попала в какое-то далекое место. Перед глазами вдруг пробудилось ушедшее время. Только они с Жюлем обрели совместное настоящее, как оно снова исчезло. Приливы и отливы жизни. Что это было за горькое чудо счастья? Вот оно внезапно оказалось рядом, а вот

уже снова пролетело мимо, его унесло по земле, словно лист, упавший с дерева. Пока Азис и Антуан соединяли легкое Жюля с главными бронхами, легочными венами и легочными артериями Ни Лу, по щекам Шарлотты текли слезы.

Шарлотте пришлось ненадолго сесть, но через несколько секунд она снова встала. Как ни старалась, она не могла найти в своих темных мыслях света. Даже надежды на то, что часть Жюля будет продолжать жить в Ни Лу, если все пойдет хорошо.

Антуан работал тщательно. Но достаточно ли быстро? Он взглянул на Азиса, который кивком подтвердил, что тот хорошо справляется с задачей. Антуан думал о стрекозах. О бабочках. О птицах, которые расправляют крылья и взмывают в небо. Думал о Марлен, которая сейчас на пути в вечность. О Жюле, который покончил с жизнью ради дочери и тоже возвращается домой. Он думал о Ни Лу. О блеске ее глаз. О ее улыбке. Об их любви.

К тому моменту, как Азис занялся правым легким, прошло более трех часов. Что Антуан отдал бы за то, чтобы суметь ее спасти?

Пока она дышит, у них все получится.

Глава 70

Когда Азис с Антуаном и Шарлоттой вышел из операционной, Луиза, Флорентина, Сарасвати, Пранав, Ярон и Ноян подскочили с длинной деревянной скамьи, как пружины. Азис кивнул. Ни Лу проскочила через лазейку удачи.

Легкими своего отца, которыми Жюль испустил последний вздох, она впервые вдохнула новую жизнь.

Радость и горе. Ощущение встречи и прощания. Странное волнующее безымянное чувство.

Скорбь по Жюлю, которого они потеряли. Поток счастья за Ни Лу, которую они отвоевали. Печаль и надежда на усталых лицах.

Шарлотта поспешила выйти. Улицы были похожи на жидкие зеркала. За последние шесть часов успел пройти дождь, но теперь на небо вернулось солнце. Внезапный мощный свет – по крайней мере, на фоне смерти Жюля – казался слишком ярким, но не губил цвета,

позволял травам прорасти из земли и нерешительно касался цветущих бутонов.

Шарлотта засунула руки глубоко в карманы белого халата. Кончики пальцев коснулись бумажки. Она вытащила прощальное письмо, для нее одной. От Жюля. Он знал, что она наденет этот халат. Знал, что она будет ассистировать при пересадке. Знал, что будет после его ухода. Он все знал.

Дорогая моя Шарлотта,

распознаем ли мы любовь, когда она нам встречается? Когда она внезапно оказывается перед нами? Я распознал слишком поздно. Прежде чем снова тебя найти, я был уставшим, измученным, пустым существом, которое больше ничего не радовало. Я чувствовал себя одиноким атомом на дорогах жизни.

А ты наполнила меня небом.

С тобой я снова встал на рельсы своего жизненного пути, и теперь ухожу, унося с собой частичку тебя и оставляя частичку себя в тебе.

Боль пройдет, а память останется. И будь уверена, любимая: все погребенное вернется. В виде цветка. Листа. Или жизни.

Весна вернется к тебе. Весна всегда возвращается.

Спасибо за самые прекрасные дни в жизни.

Ты была и останешься моей большой любовью.

Навсегда твой Жюль

Глава 71

Когда ночью Ни Лу проснулась, у ее постели сидел Антуан. Палату наполнял свет луны, и все вокруг казалось голубым. Он держал ее за руку и улыбался.

Вскоре ей стало лучше, и уже через две недели после операции она могла вставать и ходить по палате без одышки.

Ей сказали, что Жюлю срочно пришлось уехать. Они объяснят все позже.

Спустя четыре недели Ни Лу стояла у окна и смотрела на бескрайнюю зелень, расстилающуюся перед больницей, когда Антуан

с напряженным лицом вошел в палату, подошел к ней и обнял. Она прислонилась к нему.

– Ни Лу, – начал он.

Она повернулась. То, как он произнес ее имя, не предвещало ничего хорошего. В последние недели Ни Лу часто разговаривала с Антуаном и знала, что значит каждый тон его голоса.

– Что? – спросила она, видя по его измученному лицу, что в том, что он собирается сказать, есть что-то плохое.

– Донор, Ни Лу, – продолжил Антуан, подбирая слова, – твои новые легкие... то есть твой донор... это Жюль.

– Жюль?

Повисла тишина.

– Да, Ни Лу. Ты вдыхаешь свою новую жизнь легкими Жюля. Он сделал тебе подарок. Это его жертва. Его способ все исправить.

– Но исправлять было нечего, – дрожащим голосом возразила Ни Лу. – Все было хорошо так, как было.

Антуан положил руку ей на щеку.

– Мне так жаль, Ни Лу. – Он посмотрел на нее и увидел, как в ее глазах отражается вся его печаль. Затем обхватил ее лицо руками. Нежно положил большие пальцы под подбородок, чтобы она подняла голову. И поцеловал. Это был долгий печальный поцелуй. По щекам Ни Лу текли слезы любви и скорби.

Разве слова могли выразить что-то еще?

Глава 72

К этому осознанию мы, люди, приходим разными путями. К осознанию того, что на самом деле ничто не умирает. Все просто меняется, переходит в другое состояние. Именно это осознание подарило скорбящим новую надежду.

Со дня смерти Жюля прошло восемь недель. Ни Лу полностью восстановилась. Легкими своего отца она вдыхала мир так глубоко, как никогда прежде.

Пришло время отправляться домой. Ни Лу собиралась жить с Антуаном и Шарлоттой в деревне. Сарасвати, Пранав, Ярон и Ноян –

вернуться в свою, в лагуне. А Луиза и Флорентина хотели сопроводить новообретенную семью на Дальний Восток, провести с ними время и познакомиться с их родиной, а затем вернуться на Запад. Ведь он был и остается их домом. Луиза уже начала новую жизнь с Азисом, и Флорентина тоже найдет свою. Теперь, когда знает свои корни.

В последний вечер перед отъездом они все вместе сидели на траве в саду Луизы. В центре стояла урна с прахом Жюля. Одну часть они развеют здесь, на его старой родине, а другую – Шарлотта рассеет в своем саду. Кто знает, что вырастет на его месте?

Антуан вытащил из кармана прощальное письмо Жюля, развернул плотно исписанные синими чернилами страницы и начал читать:

Дорогие мои,

мне не больно от того, что я сегодня умру. Мне больно от того, как я жил. Мне стыдно за то, что я сделал вам, девочки, Флорентине и Ни Лу, и вашими матерям, Луизе и Сарасвати. Мне несказанно жаль. И у тебя, моя любимая Шарлотта, я тоже прошу прощения за ту боль, которую вынужден причинить. Мое намерение ни в коем случае не состоит в том, чтобы снова сделать вам больно. Я просто пытаюсь не повторять того, что сбило меня с верного пути двадцать лет назад. В тот день я не осознавал, насколько острым был край обрыва, за который я уцепился своей идеей. Тогда я не задумывался о том, что у всего в нашей жизни есть последствия. Даже у мыслей, которые рано или поздно превращаются в действия.

Существуют события, которых нам не избежать. Они всегда с нами. Повсюду. Они формируют нас и делают теми, кто мы есть, однако каждый из нас в любой момент волен стать другим. Если мы будем искать достаточно долго, то найдем в себе силы сбросить старую кожу и отрастить новую.

За прошедшие недели мне довелось многое усвоить: что, даже когда мы совершаем ошибки и принимаем неправильные решения, нашу жизнь направляет таинственная сила, что мы слишком быстро перестаем видеть и слышать подсказки судьбы, и зачастую именно мелочи помогают нам понять великое. Мы часто ищем счастье не в тех местах, а тени, которые отбрасывает на нас жизнь, бывают длинными, но из них можно выйти. Всегда есть лучшая альтернатива плохой жизни. Существует сила, которая есть в каждом из нас, и

порой одно-единственное слово может сказать все, а множество слов – ничего. Что у всех нас есть мечта, к которой нужно идти, и смысл жизни, кажется, в том, чтобы познакомиться с самим собой.

Дорогие мои, не позволяйте темным временам проникать в вашу душу и отравлять сердце. Иногда судьба делает свою работу еще до того, как мы успеваем это осознать. Верьте, что все происходит в соответствии с великим планом. И будьте уверены, что жизнь позаботится о вас. Именно это она и делает. Заботится обо всех нас.

Не думайте об ограниченности жизни и свободно двигайтесь по бескрайним просторам ее красот. Используйте каждую частичку своего времени на земле. Каждый сам привносит смысл в свое существование.

Мне довелось усвоить, что вся загадка жизни вдруг становится разборчивой, если внимательно смотреть, внимательно слушать. Что тогда она становится осязаемой и ее можно держать в руках, как слиток золота.

Всему свое время. И мое пришло.

Пожалуйста, не забывают меня.

Я люблю вас.

Ваш Жюль

Наступила тишина. Антуан снова сложил листы, прижал их к груди и подумал: «Мир находится не снаружи. Мир находится в нас. Дверь в нашу жизнь и в наши мечты – не вовне, а где-то внутри нас. На континенте нашей души. О ландшафте которого мы всегда должны заботиться. Потому что он определяет структуру нашей жизни».

Глава 73

Шли серебристо-серые недели, полные печали и радости, веры и скорби.

– На каждого человека, который причиняет нам боль или разочаровывает, в жизни находится по крайней мере один, который делает нас счастливыми. А на каждого, который покидает, – по крайней мере один, который приходит, – утешал Антуан Шарлотту.

Наконец-то она была готова отпустить. Как минимум то, что осталось от тела Жюля.

Когда Шарлотта рассеивала по саду его прах, легкий ветерок стряхивал с деревьев сотни лепестков плюмерии, заставляя их тихо танцевать в воздухе и падать на землю, пока вся земля не оказалась полностью покрыта белыми и розовыми лепестками.

Шарлотта погладила бронзовое перо с лазуритом, которое Ни Лу надела ей на шею, когда они высадились. Цепочку, с которой все началось, и которая теперь завершила круг.

Вдруг произошло нечто чудесное: Шарлотта почувствовала легкое шевеление внизу живота. Один раз. Второй. Нет, она не ошибалась. Это было похоже на легкое покалывание, будто внутри лопаются мыльные пузыри.

Впервые в жизни она испытывала это чувство. Несомненно. Это ребенок. Ее собственный ребенок. Его ребенок!

По лицу Шарлотты потекли слезы.

Перед ней простиралась полнота жизни, скорбь и печаль, надежда и радость. И любовь.

Жюль ушел. Но родится его ребенок, он уже растет внутри нее, у него уже бьется сердце.

Это правда: у каждой жизни свой собственный ритм. Своя собственная мелодия. И свой конец.

Жюль был во всем прав: за пределами того, что мы воспринимаем органами чувств, есть нечто еще. Нечто большее. Нечто более значимое и очевидное любому беспристрастному человеку: чудо.

Глава 74

Однажды она сможет нырять за жемчугом. В следующей жизни, со здоровыми легкими. Так всегда говорил Пранав. И вот эта следующая жизнь настала. Новая жизнь со здоровыми легкими.

Пранав, Ярон, Ноян и Антуан сопровождали Ни Лу. Опускаясь на дно, она скользила в воде, словно дельфин. Солнечный свет лился на море, пронизывая воду сотней светящихся нитей. Какая великолепная игра света и цвета. Подобно мерцающему серебряному облаку, мимо Ни Лу проплыла стая платаксов: она открылась перед ней, будто

занавес, пропускающий особого гостя, и снова закрылась. Сокровища моря. Без Жюля Ни Лу никогда не испытала бы этого чуда, представшего перед ней под водой.

Во время своего первого погружения она достала со дна всего одну устрицу. И когда та через несколько дней раскрылась, Ни Лу нашла в ней самую редкую, самую красивую жемчужину, которую могло предложить море.

У нее в глазах стояли слезы. Нет. Жюль не был мертв. Ничто не умирает, все просто переходит в другое состояние.

Вот как близко можно подобраться к чудесам в жизни, порой даже не осознавая этого.

Глава 75

После возвращения из деревни в лагуне в свою Антуан заметил что-то голубое, мерцающее в сумерках под плюмерией в саду. Он подошел к дереву.

На том месте, где он посадил семечко матери, пробился росток. Казалось, бутон очень медленно раскрывается. Виднелся крошечный кончик кобальтово-голубого лепестка. Он был таким ярким, что Антуану казалось, будто бутон светится изнутри.

Антуан опустился перед ним на колени. Когда он нежно провел пальцем по бутону, тот сразу же распустился.

– Когда я умру, я появлюсь на свет в виде голубого цветка, – звучал в ушах Антуана голос Марлен. – Сохрани семечко и закопай. Начнет прорастать – я уже в пути. Как только распустится бутон, я приду.

И она пришла.

Антуан смотрел на странный цветок, которого еще никогда нигде встречал. Он поражался тому, как необычно складывается его жизнь и какие странные повороты выбирает на ее пути судьба. Вдруг ему показалось, будто это какая-то таинственная сила, тайна жизни

осмысленно связала все эти совпадения воедино так, что в итоге жизнь вернулась к своему истоку.

Все мы носим в себе другой мир. Высший мир. Мир, который побуждает нас пускаться в путь. Мир, к которому у нас есть доступ лишь в том случае, если мы находимся в гармонии с собой.

Он лежит перед нами.

Полный неизведанных красот.

Нужно только протянуть руку.

Еще несколько месяцев назад Антуан увидел бы во всем, что произошло за последние недели, лишь горе.

Однако сейчас он видел в этом прежде всего красоту.

Боль и печаль разом испарились.

Это был он: цвет счастья.

На лице Антуана медленно появилась улыбка.

В нем пробудилась вера в чудеса.

Каждая история превращается в воспоминание о том, кем мы были, и в надежду на то, кем мы можем стать.

Эта книга – признание в любви. Признание в любви стране на Дальнем Востоке, которая вернула меня к жизни.

И признание в любви людям, которые в моей жизни есть.

Крайности — это легко. Лишь
середина загадочна. Середина лета —
возможно всё.
Значит, жизнь не кончится никогда.

Table of Contents

Багус Клара Мария Цвет счастья

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5 Два года спустя

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25 Десять лет спустя

Глава 26

Глава 27

Глава 28 Шесть лет спустя

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72

Глава 73

Глава 74

Глава 75